Дивовижні кияни

Київ 2018

На обкладинці: Фото 1910-х – Міський дім (арх. О. Шіле, 1874-1941)
на Думській площі, нині центр Майдану Незалежності

Перша чоловіча гімназія була заснована в 1809 році, спочатку на Печерську біля Кловського палацу. На згадку про перемогу імператора Олександра І над Наполеоном гімназія отримала особливий статус і іменувалася Першою Імператорською Олександрівською. Програми гімназії мали гуманітарний ухил і були розраховані на 8 років навчання. Будівля міської гімназії, спроектована в 1850-52 рр. арх. А. Беретті. Однак міське начальство розпорядилося будівлю передати кадетському училищу. Тільки в 1857 р, після того, як на нинішньому Повітрофлотському шосе за проектом В. Штрома було зведено будівлю Кадетського корпусу, Перша гімназія переселилася в будинок по Бібіковському бульвару, нині – один з корпусів Державного університету імені Т.Г.Шевченка. У цій гімназії навчалися такі відомі кияни, як письменники М. Булгаков, К. Паустовський, Я. Івашкевич, академіки Є. Тарле, О. Богомолець, співак О. Вертинський, радянський нарком освіти А. Луначарський і багато інших

КАТЮША – ПРИНЦЕССА СИАМА
interesniy.kiev.ua/katyusha-printsessa-siama

В длинном перечне киевских легенд о любви есть одна – возможно, самая романтичная, с легкой примесью пряной заморской экзотики. Это история о киевской гимназистке, нежданно ставшей королевой далекого тропического Сиама – нынешнего Таиланда. С легкой руки Константина Паустовского, который оставил потомкам одно из наиболее поэтичных описаний Киева начала XX века, – она вошла в литературу, которую можно без преувеличения называть классической. Классической киевской литературой.

Сколько поколений киевлян, зачитывавшихся страницами пухлых томов «Повести о жизни», изумлялись истории о гимназистке Катюше Десницкой (1886-1960), повстречавшей однажды на киевском катке смуглого тайского принца. Он, якобы, был в городе проездом из Петербурга, где проходил службу в Пажеском корпусе. По словам Паустовского, он сам катался с Катей, подругой своей сестры, на коньках фирмы «Галифакс», а его старший брат Борис ухаживал за будущей сиамской королевой. Можно предположить, что ее грация и красота не оставили равнодушным и совсем еще юного Костю Паустовского. Ведь спустя годы он вновь посмотрел на нее раскосыми глазами заморского гостя:

«На одном балу желтолицый принц Чакрабон увидел Весницкую. Она танцевала вальс, так же как на катке, перекинув косы себе на грудь и надменно поглядывая из-под полуопущенных век синими глазами. Принц был очарован. Маленький, раскосый, с блестящими, как вакса, волосами, он влюбился в Катюшу. Он уехал в Сиам, но вскоре вернулся в Киев инкогнито и предложил Катюше стать его женой. Она согласилась.

Смятение охватило киевских гимназисток. Все в один голос говорили, что на ее месте они бы ни за что не смогли выйти замуж за азиата, хотя бы и сына короля. Но Катюша уехала в Сиам. Сиамский король вскоре умер от какой-то тропической болезни, вслед за ним умер от этой же болезни первый наследный принц… Так киевская гимназистка Весницкая сделалась сиамской королевой».

Но в реальности этот удивительный роман был даже более романтичным. С той важной поправкой, что он разворачивался не в Киеве, а в Петербурге, куда переехала киевлянка Катюша, поступив на курсы сестер милосердия при одном из госпиталей. Принц Чакрабонгзе, скромный и хорошо образованный молодой человек, встретил ее в 1905 году на вечере у Храповицких – в этом петербургском доме собиралась нетитулованная молодежь из «среднего класса», как характеризовали бы ее сегодня. И был действительно сходу очарован и влюблен. Ежедневно, в сопровождении большой свиты, принц появлялся в госпитале на Фонтанке, где проходила практику шестнадцатилетняя медсестра. Однако наталкивался на весьма сдержанное, прохладное отношение.

Началась война с Японией, и Десницкая уехала на Дальний Восток. Она работала на санитарном поезде в районе манчжурского театра боевых действий, и даже была награждена Георгиевским крестом. Все это время полу-

чала письма от Чакрабонгзе, которого называла в ответ тайским словечком «Лек» – «мой малыш». Со временем принц начал подписывать им все свои письма бывшей киевской гимназистке. Несмотря на огромные расстояния, его любовь постепенно находила взаимность со стороны девушки.

Препятствием к свадьбе двух влюбленных едва не стало их разное вероисповедание. Принц Лек исповедовал буддизм, но выразил готовность принять любую религию, какую только не пожелает его синеглазая невеста. Десницкая, в свою очередь, не желала подобных жертв от Чакробонгзе, помня о его долге перед тайским престолом. Венчаться решили в православном храме Константинополя, где допускались бракосочетания между представителями различных конфессий. А после свадьбы отбыли в Таиланд – проездом через Каир, который восторженно описывала в письмах родным Катюша. На прощание император Николай Второй наградил Лека высшей наградой Российской империи – орденом Андрея Первозванного.

«Сиамская» часть истории этой необычной любви и романтично-трагическая версия ее концовки также известны нам в изложении Паустовского. Писатель не мог знать подлинные подробности жизни «сиамской королевы», и потому в его книге мы читаем невероятную, а местами даже забавную легенду, широко ходившую тогда среди киевлян.

«Придворные ненавидели королеву-иностранку. Ее существование нарушало традиции сиамского двора. В Бангкоке по требованию Катюши провели электрическое освещение. Это переполнило чашу ненависти придворных. Они решили отравить королеву, поправшую древние привычки народа. В пищу королеве начали постепенно подсыпать истертое в тончайший порошок стекло от разбитых электрических лампочек. Через полгода она умерла от кровотечения в кишечнике. На могиле ее король поставил памятник. Высокий слон из черного мрамора с золотой короной на голове стоял, печально опустив хобот, в густой траве, доходившей ему до колен. Под этой травой лежала Катюша Весницкая – молодая королева Сиама».

Родные принца Чакробонгзе поначалу и вправду невзлюбили чужеземную невестку совершенно незнатного происхождения – хотя и выделили для молодой семьи небольшой отдельный дворец. Брак с ней был признан морганатическим – то есть неравным. По сути, Десницкая так и не получила законного статуса таиландской принцессы. Разумеется, Катюша и не думала устанавливать в Бангкоке свои порядки – тем более, что электричество давно было в ходу в этом, вполне цивилизованном, городе. Напротив, она старательно изучала местные обычаи, язык, придворный церемониал, делала прическу на местный манер и даже пристрастилась носить традиционные тайские одежды. Эта скромность, а также рождение сына – Чулы, – в итоге примирили ее с королевской семьей.

Вскоре, после смерти короля, престол Сиама занял старший брат Чакробонгзе, который назначил Лека начальником Генерального штаба вооруженных сил. В этом статусе, вместе с супругой и сыном, принц официально посетил Берлин и Петербург. Однако, вследствие мезальянса, Десницкая так и не была принята при русском дворе. Зато ей удалось в последний раз посе-

тить свой родной Киев, где Катюша трогательно общалась с друзьями своей юности. Не исключено, что ее рассказы о прошлых трениях с мужниной родней и легли в основу описанной Паустовским легенды об отравлении.

Увы, отравленным оказалось другое – любовь. По возвращении в Таиланд до Весницкой начали доходить слухи об измене мужа, который завел роман со знатной придворной дамой. Катюша немедленно потребовала развода. Многочисленные извинения и уговоры принца, который выхлопотал для супруги высший орден сиамского королевства, так ни к чему и не привели. Десницкая получила развод, приличное денежное содержание, и выехала в Китай, где в начале 20-х годов оказался ее брат – офицер-белогвардеец. А юный Чула был определен на учебу в закрытый британский пансион. Впоследствии он женился и осел в Англии.

Прекрасная сказка о золушке и азиатском царевиче подошла к своему скорому концу. После разлуки с Катюшей принц Чакробонгзе протянул всего несколько лет – и в 1925 году Десницкая в последний раз посетила Таиланд, чтобы присутствовать на похоронах своего Лека. По слухам, на его могиле действительно был изображен грустный слон.

Самой же Катюше выпала долгая, и теперь уже весьма обыденная жизнь. Пережив второго мужа-американца, она жила то в Портленде, то под Парижем. Где и скончалась в 1960 году, в возрасте за семдесят, когда в Таиланде уже вышла первая документальная книга о «русской принцессе». Но это – скучная биография. А в сердцах жителей нашего города всегда будет жить история зимнего вальса – когда синие глаза юной киевской гимназистки встретились с зачарованным взглядом смуглолицего принца.

Кость БОНДАРЕНКО, кандидат исторических наук

ПРАВНУЧКА УКРАИНСКОГО ДРАКУЛЫ

Профиль №43 (62), 08.11.2008

В этих жизнях – и страсть, и приключения, и горе, и опасность, и моменты славы. Наталена Королева (1888-1966) – одна из наиболее таинственных украинских писательниц, и жизнь ее похожа на приключенческий роман – из занимательной серии русских эмигрантов Анн и Сержа Голон об Анжелике. А ведь Наталена Королева очень хорошо была знакома с Анной Голицыной, писавшей под псевдонимом Анн Голон…

Кармен-Альфонса-Фернанда-Эстрелья-Наталена де Кастро Лачерда Медина-Сели Дунин-Борковская родилась 3 марта 1888 года в монастыре Сан-Педро де Карденья близ города Бургас в северной Испании. Мать новорожденной, юная наследница древнего испанского аристократического рода Лачерда-Мария-Клара, умерла спустя несколько часов после родов. Сразу же после рождения девочку отправили к бабушке Теофиле Домонтович на Волынь. Здесь прошли первые пять лет жизни Наталены.

Отец, граф Андриан-Ежи Дунин-Борковский, происходил из древнего польско-украинского шляхетского рода. Граф занимался археологией и историей и жил во Франции и Испании. Его мать владела поместьем Великие Борки на Волыни, отец погиб во время польского восстания 1863 года. Впрочем, отца Андриан-Ежи помнил слабо – был еще слишком мал.

Сам род Дуниных-Борковских, давший миру немало выдающихся личностей, заслуживает особого внимания. Дунины – потомки датских рыцарей, осевших на Волыни. В 1638 году король Владислав IV пожаловал полковнику Анжею-Касперу Дунину село Борковка в Борзненской сотне Черниговского полка. С тех пор Дунины стали носить титул Дунины-Борковские, позже основав ряд Борок, Борковок и других производных по всей Украине.

Фамильный герб Дуниных-Борковских – белый лебедь на красном фоне.

Самым известным представителем рода Дуниных-Борковских был Василий Дунин-Борковский (1640–1702) – черниговский полковник, генеральный обозный, граф Священной Римской Империи, человек, организовавший заговор против гетмана Ивана Самойловича и способствовавший в 1687 году приходу к власти гетмана Ивана Мазепы. Смерть Василия Андреевича 7 марта 1702 года вызвала множество слухов. При жизни он слыл магом, алхимиком и кудесником. Оказалось, что генеральный обозный не исповедался перед смертью и не велел звать на похорон священника. Незадолго перед смертью на деньги Дунина-Борковского в Троице-Ильинском монастыре Чернигова была сделана роспись – загробное путешествие упыря. Начали распространяться слухи, что каждую ночь из могилы генерального обозного вылетает карета, запряженная шестеркой вороных лошадей, и мчится к родовому имению Дуниных…

В конце 1702 года в Чернигове начался мор. Несколько десятков человек стали жертвами этого морового поветрия. Прошёл слух, что виной всему – вурдалак Дунин-Борковский. Еще через год архиепископ Иоанн Максимович (кстати, автор эпитафии на гробе Дунина-Борковского) собрал крестный ход и поздно ночью якобы встретил карету в воротах Елецкого монастыря (где был похоронен генеральный обозный). Архиепископ поднял крест, и карета растворилась в воздухе, а вурдалак провалился – об этом всерьез писали авторы документов XVIII века. А на дворе стояла эпоха мазепинско-петровского просвещения! По легенде после вскрытия гроба Дунин-Борковский лежал румяным и с дымящейся трубкой. Архиепископ Иоанн распорядился провести обряд убиения упыря – и в грудь генерального обозного вогнали осиновый кол.

Отец Наталены был потомком Василия Дунина-Борковского. Мистические предки отца и горячая кровь испанских грандов по линии матери с рождения заложили в девочке страсть к приключениям и подвигам.

В 1894 году умерла бабушка Наталены, и ее забрал на воспитание дядя Эугенио – офицер испанской королевской гвардии, позже – католический священник. Девочку отвезли в монастырь Нотр-Дам де Сион в испанских Пиренеях, где она проходила обучение на протяжении 12 лет. Монастырь Наталена вспоминала с особой ностальгией. Тем более, что ей приходилось часто общаться с испанскими родственниками. В монастыре девушка изучила историю, философию, медицину, теологию, археологию, музыку и пение. Также очень быстро Наталена выучила итальянский, французский, испанский, немецкий и арабский языки, латынь. Польский и украинский языки она усвоила на базисном уровне с детских лет. Дядя обучил Наталену верховой езде, владению оружием и фехтованию.

Тем временем отец Наталены женился второй раз – на чешской графине Людмиле Лось, жившей в городке Красне близ Львова. Людмила настояла на том, чтобы падчерица покинула монастырь и вернулась к отцу. Мачеха Наталены была ярой сторонницей России (несмотря на свое австро-венгерское гражданство и чешское происхождение) и стала готовить падчерицу к учебе в «русских институтах». Наталена стала усиленно изучать русский

язык и вскоре довольно сносно говорила на нем. Семья Дуниных-Борковских переехала в Киев, и Наталену отдали в Институт благородных девиц.

По окончании института Наталена должна была выйти замуж за некоего гусарского офицера – такова была воля родителей. Но Наталена вспылила; ослушавшись родителей, уехала в Петербург, прекратив на время общение с отцом и мачехой. В Петербурге девушка поступает в археологический институт, защищает докторскую диссертацию на тему литовских древностей, далее увлекается египтологией, поступает в Академию искусств, начинает рисовать. Картины Наталены Дунин-Борковской обозначены печатью модерна и столь популярного в те годы «арт нуво». Она окунается в атмосферу богемной жизни, знакомится со многими русскими художниками, поэтами, увлекается модными течениями. Ей удается организовать несколько собственных художественных выставок.

Но девушке хочется попробовать себя в новом амплуа. Она нанимается во французскую труппу Михайловского театра, позже подписывает контракт с парижским Theatre Gymnase и становится звездой сцены. Для России начала XX века это неслыханно: дворянка становится артисткой! Родители полностью разрывают отношения с дочерью! А Наталена упивается богемной жизнью, свободной любовью и славой.

Уйти со сцены пришлось из-за болезни – у Наталены обнаружили туберкулез, и врачи настоятельно рекомендовали ей лечение на Кавказе и в Европе. Наталена много путешествует, переезжая с места на место: Кавказ, Италия, Франция, Испания, Египет, Турция, Ближний Восток. Она не просто лечится. Ей приходится работать. Как обладательница оперного тенора, она несколько раз выступала на оперной сцене, в частности в Париже и Венеции исполнила партию Кармен в опере Жоржа Бизе. Наталена принимает участие в археологических раскопках Помпей и в Египте. Начинает публиковать научные и художественные произведения во французских журналах.

Летом 1914 года она получает известие из Киева, что ее отец тяжело болен. Наталена бросает работу в Париже и едет в Киев – к отцу. Все прошлое было забыто – Наталена к тому времени уже обрела известность и имя в научных кругах. Отец осознал свою ошибку. В июле 1914 года он умирает… Спустя несколько недель начинается Великая война.

Полиция установила слежку за Наталеной – ее считали неблагонадежной иностранкой. На квартире был проведен обыск. Но, в конце концов, девушку оставили в покое. Она сама начала ходатайствовать перед командованием и проситься на фронт – сестрой милосердия. В сентябре 1914 года ее просьба была удовлетворена. Вскоре она получает боевую награду «За храбрость»: в бою, под градом пуль, не прячась в убежище, помогала раненым солдатам. Ее подвиг был замечен и вознагражден.

На фронте Наталена знакомится с иранским принцем Искандером Гакгаманиш ибн Курушем, офицером русской «дикой дивизии», сформированной из кавказских народов. Вскоре состоялась фронтовая свадьба. Молодые люди строили планы на будущее… Но в 1916 году Искандер гибнет под Варшавой. Наталена остается вдовой. Война для неё – это и боевой крест, и потеря любимого человека, и тиф, и три ранения, и воспаление легких, и

обострение туберкулеза.

Наталена получает разрешение сопроводить гроб на родину Искандера, в Иран. Вернувшись в Киев, она понимает, что война близится к завершению. Наступает новая эпоха – Российская империя рухнула, на ее обломках создана Российская Республика и – как автономная составная этой республики – Украинская Народная Республика во главе с Центральной Радой, царили эйфория и революционное воодушевление…Наталена практикуется в украинском языке… Далее – агрессия Советской России, отряды Муравьева и Антонова-Овсеенко, расстрелы и репрессии; приход немцев и австрийцев, Гетманат; восстание Директории и торжество необузданного популизма, атаманщина; новый приход большевиков.

В 1918 г. Наталена знакомится с Василием Константиновичем Короливым, редактором издательства «Час» и журнала «Книгарь», в прошлом – членом Центральной Рады. Писатель, художник, политик, этнограф, Королив (писавший под псевдонимом Королив-Старый) был настоящим гуру. Под его влиянием она начала писать произведения на украинском языке. Он же был первым критиком и редактором украиноязычных литературных попыток Наталены.

В 1919 г. мачеха Наталены как чешка по национальности добивается у советской власти разрешения на репатриацию. Наталена тоже выезжает из Киева. Через линии фронта и охваченные восстаниями территории приходится пробиваться на Волынь, а потом – в Галичину.

Людмилу Лось скосил тиф. Наталена похоронила мачеху и отправилась в Прагу – на поиски новой жизни. Здесь она, по заданию министерства образования Чехословакии, начинает работу над украинско-чешским словарем. Позже составила большой французско-украинский словарь (неизданный). Одновременно пишет рассказы и повести на украинском языке. В Праге Наталена встречает своего кумира – Василия Королива. Вскоре 32-летняя Наталена выходит замуж за 41-летнего Василия. Они покупают небольшой домик в Центральной Чехии, в городке Мельник.

В 1921 году в венском украиноязычном еженедельнике «Воля» появляется первый рассказ Наталены Королевой (так она именуется после свадьбы) – «Грех». Далее – плодотворная и насыщенная работа со множеством изданий. Ни одно украиноязычное издание, официально издававшееся в условиях эмиграции, а также в Галичине и на Буковине, не обошлось без материалов Наталены Королевой. Она становится чуть ли не литератором номер один в межвоенной украинской литературе. Ею восхищаются. Ей аплодируют – причем независимо от того, к какому лагерю примыкают ее поклонники. Она остается категорически внепартийной и аполитичной.

В 1935 году Королева издает сборник легенд «Во дни оные». Тогда же была опубликована ее историческая повесть «1313». В 1936 году издаются автобиографическая повесть «Без корней» и сборник рассказов «Другой мир». Во Львове даже рассматривается вопрос об экранизации одного из рассказов Королевой. В 1937 году выходит повесть «Предок», принесшая снова громкий успех. В 1938 году – роман «Сон тени». В 1939 году Наталена Королева окончила роман «Quid est veritas?» («Что есть истина?»). Но

свет он увидел только в 1961 году в Чикаго.

После оккупации Чехословакии немцами и раздела ее территории труды Королевой и ее мужа оказались невостребованными. 1 декабря 1941 года Василия Королива вызвали на допрос в гестапо. Допрос проводили с пристрастием – его подозревали в связях с лидерами Организации украинских националистов, запрещенной немцам. Королив был уже немолод – ему шел 63-й год. К вечеру допрос закончили, и Королива отпустили домой. Но его организм не выдержал прессинга – вечером случился инфаркт, и ночью Королива не стало. Наталена вновь овдовела.

В 1943 году ей удалось завершить и издать свою книгу «Легенды старокиевские». После этого литературную деятельность пришлось постепенно свернуть. Она – женщина необычной судьбы и писательница с ярким, необыкновенным дарованием – оказалась невостребованной на родине. Все попытки обратиться в СССР, в Институт литературы имени Шевченко АН УССР, оказались тщетными – Наталену Королеву попросту игнорировали.

Чехословацкое руководство пошло на то, чтобы в Пряшеве издать ее повести, но книга вышла уже после смерти писательницы. Последние годы жизни Наталене Королевой пришлось зарабатывать на жизнь частными уроками французского и испанского. Умерла выдающаяся писательница 1 июля 1966 года в Мельнике – в том самом домике, который они с мужем купили после свадьбы.

Сегодня Наталена Королева считается классиком украинской литературы. Ее произведения переиздаются. Она нашла своего читателя и заняла свое место в украинской литературе. Наследница испанских аристократов, литовских князей и украинского казака-вурдалака, женщина неуемной энергии и сложной судьбы, она еще неоднократно будет удивлять и восхищать исследователей ее жизни и творчества.

Катерина ДОЦЕНКО, доцент кафедри журналістської творчості, реклами й зв'язків з громадськістю Запорізького національного університету

СПОВІДЬ ПРО МОЮ НАТАЛЕНУ

Про шляхетну жінку і глибоко інтелектуальну письменницю Наталену Адріанівну Королеву

День ***incognita.day.kiev.ua/spovid-pro-moyu-natalenu.html***

Перша зустріч з тепер вже назавжди моєю Наталеною відбулася у вересні 2000 року, коли після консультації з науковим керівником Ольгою Дмитрівною Турган переді мною постала дилема вибору теми кандидатської дисертації. Обговорювалося кілька варіантів, але остаточно я мала визначитися після глибшого ознайомлення з письменниками. Ім’я Наталени Королевої, що прозвучало в бесіді, справило на мене якесь магічне враження. Погодьтеся, українська письменниця з таким екзотичним ім’ям дещо випадає із літературного дискурсу, з іншого боку, про неї я не знала нічого, як, зрештою, і більшість населення української держави. І ось, прийшовши до ката-

логу бібліотеки, я з’ясувала, що том її творів є на абонементі, після чого його отримала. Новий товстенький вишневий збірник, ніким до мене не читаний, хоча й пролежав на полиці вже дев’ять років і вкрився пилом, уперше потрапив до моїх рук. Повернувшись додому і розібравшись із повсякденними справами, я взялася за читання. Сказати, що мене вразила біографія, це нічого не сказати…

Жінка з легенди, овіяна міфами, напів-іспанка, на чверть полячка, на-чверть українка зі шляхетною блакитною кров’ю старовинних родів, пов’язаних з Понтієм Пілатом та Ярославом Мудрим, донька іспанської грандеси Марії-Клари де Кастро Лячерда і Медіна Селі та польсько-українського графа Адріана-Юрія Дунін-Борковського.

Народилася Кармен-Альфонса-Фернанда-Естрелья-Наталена, так звучить її повне ім’я, отримане при народженні, у Північній Іспанії, біля м. Бургос у селищі Сан-Педро де Карденья. Оскільки мати покинула цей світ під час пологів, то її забирає батькова мати, бабуся Теофіля зі старовинного роду Довмонтовичів, у свій маєток Великі Борки на Волинь. Але дівчинка втрачає любу бабусю вже у п’ять років, і знову повертається до Іспанії, де живе у свого дядька Еугеніо та тітки Інеси. Родичі зрештою відправляють Наталену до монастиря Нотр-Дам-де-Сіон, у Французьких Піренеях, де дівчина пробуває майже дванадцять років. Батько, що постійно подорожував світами, нарешті вирішує забрати доньку до себе, одружившись вдруге з Людмилою Лось, яка була знатного чеського роду. Так Наталена вперше потрапляє до Києва, де її віддають навчатися до Інституту шляхетних дівчат.

Закінчивши навчальний заклад, дівчина відмовляється вийти заміж за нелюба і втікає до Петербурга, де навчається в Археологічному інституті та Академії мистецтв і отримує освіту археолога та художника. Будучи залюбленою у розкопки, вона подорожує світами і відвідує розкопки в Помпеях та Єгипті, про що згодом відгукнеться у своїх нарисах «Помпейська згадка» та «Фарао Тут-Анх-Амон: З приводу розкопання його могили в лютому 1923 року». Оскільки мачуха з батьком наполягають-таки на одруженні, дівчина вдається до нечуваних для тодішньої дворянки вольностей, вона вступає до трупи французького Михайлівського театру в Петербурзі, а згодом погоджується на контракт з паризьким “Theatre Gymnase”, оскільки має чудовий голос. Успішні гастролі доводиться перервати через сумну звістку – в неї туберкульоз, і співи призведуть до його прогресування.

Дівчина змушена їхати лікуватися на Закавказзя, а згодом відправляється продовжувати лікування до Західної Європи, де при тому із задоволенням малює та займається археологією… Іспанія, Італія, Франція, країни Близького Сходу… Знаючи іспанську, французьку, латинську, італійську, арабську українську, російську й польську мови, вона всюди відчувала себе комфортно. Кілька разів Наталена виступала-таки з партією Кармен у Венеції і Парижі, але до театру повернення немає, лікарі одностайно проти.

Здавалося, життя буяє вповні, вона продовжує займатися улюбленими справами, починає писати французькою в різних журналах під псевдонімами, намагається примиритися з батьком. Дізнаючись про його хворобу, вона повертається до Києва, однак незабаром батько помирає. Наталена потрап-

ляє в пекло Першої світової, стаючи сестрою милосердя. Сильна жінка впродовж трьох років не раз рятувала чимало життів, за що була відзначена солдатським хрестом "За храбрость", відбулася трьома пораненнями, підхопила тиф і кілька запалень легенів.

Доля подарувала її в цей час не тільки жахіття війни, а й ще найяскравіше кохання в житті – до Іскандера Гакгаманіша ібн-Куруша, перського князя, що воював на боці Російської імперії. Пристрасне почуття призводить пару до одруження, але за кілька місяців Іскандер гине під Варшавою, залишаючи дружину з розбитим серцем. Супроводжуючи його труну на батьківщину, до Ірану, Наталена знайомиться з таким дивним і незбагненним перським світом, ледь не потрапивши у друге заміжжя, адже за традицією молодший брат Іскандера має одружитися з нею після втрати старшого. Дівчина відмовляється і таки повертається назад, до Києва, де мачуха пропонує їй виїхати за кордон, до своїх родичів у Чехословаччину.

У дорозі мачуха помирає, а Наталена ледь діставшись Праги, починає працювати в системі народного шкільництва. Саме тут, у Празі, вона ближче знайомиться із Василем Королівом-Старим, письменником, культурно-громадським діячем і видавцем, якому була представлена ще в Києві. Згодом Василь пропонує їй руку і серце, на що вона погоджується. І хоча великої пристрасті, як вона згадувала у спогадах, в їхніх стосунках не було, вони дружно й гарно жили на околиці містечка Мельнік неподалік від Праги у невеличкому будиночку.

Недарма про неї говорять, що Наталена Королева прожила життя, іззовні схоже на казку. Не належачи до української еміграції, фактично чужоземка за походженням, вона приходить до зацікавлення українікою уже в зрілому віці. Любов до української мови, літератури й культури загалом прищепив їй чоловік, Василь Королів-Старий. Саме Василь став для неї тією людиною, що вмовив її писати українською, допомагаючи на перших порах вичитувати і правити. Письменниця була дуже популярною у 30-і – на початку 40-х років XX століття.

У 1941 році Наталену знову спіткало горе, помер її коханий і поважаний чоловік. Як виявилося потім, після чергового допиту в гестапо, Василь повернувся додому, привітався з дружиною, впав і замовк навіки. Треба відзначити, що решту свого життя, у 40–60-ті роки XX століття письменниця переживає період забуття. Решту свого життя Наталена живе самітницею, і хоча Королів при житті згадував у своїй біографічній повісті про те, що його дружина понад усе мріяла відвідати Іспанію, отримуючи листи від родичів, на історичну батьківщину вона так і не повернулася. Чому так сталося? Скоріше за все, після чергового перевороту, її близькі впали у немилість і листування припинилося. Дітей у подружжя не було, бо через поранення на війні Наталена не змогла народити, тому жодної близької людини поруч неї не лишилось. Щоб якось прожити, вона давала приватні уроки іноземних мов, отримуючи невеликі гроші. Звичайно, вона продовжувала писати, але тягар самотності, мабуть, виявився занадто важким, тому вона навіть видаватися не хотіла.

Можливо, життя, проведене в подорожах по світу, призвело до того, що

більшість творів письменниця написала про події світової історії. Розмаїття сюжетів зі стародавнього світу в творчості Наталени Королевої можна пояснити й тим, що вона, як і Данте, Ґете, Леся Українка, шукала великих пристрастей у минулому. Через події всесвітньої історії письменниця прагнула уяскравити, поглибити і підняти до належного визнання історію країни, яка за всіма параметрами має на це право. Адже в кожному її творі зримо чи напівсвідомо присутні образи, персонажі, ремінісценції та алюзії з давньої української історії, простежуються паралелі й зіставлення їх із найдавнішими й найрозвиненішими цивілізаціями.

Стиль її розповіді дуже витончений, із безліччю відтінків від суму до радості, сяє розмаїттям кольоративних і одоративних відтінків, підносячи українську мову до вершин найрозвиненіших мов світу. У цьому вона є безперечно продовжувачем традицій найкращих творців українського слова – Т. Шевченка, І. Франка, Лесі Українки, М. Коцюбинського тощо.

Ось таким виявилися перші знайомства з моєю Наталеною, потім була робота в Київському архіві і незабутні зустрічі зі світлою пам'яті Олексою Васильовичем Мишаничем; пошуки у Львові…

Згодом – незабутня подорож до Праги у 2003 році, і праця в Літературному архіві «Památník Národního Písemníctví». Перед цим було майже півторарічне листування з усіма можливими установами Чехії, для того щоб з'ясувати, де знаходяться потрібні архіви і як можна з ними ознайомитися. Велику вдячність хотілося б висловити працівникам, які шукали архіви Наталени разом з мною, а з одного (архіва у Пізеку) – навіть надіслали теку з копіями документів мені додому.

Неможливо забути зустрічі-спілкування з пані Данузою Храздіровою, секретарем Празького Літературного Архіву «Památník Národního Písemníctví», яка спочатку допомагала мені оформити всі необхідні документи для приїзду і потім опікувалася мною в архіві. Ось мабуть найяскравіший: «Чудовий осінній день. Я йду по бруківці по легендарному Карловому мосту, а вдалині вже височать бані Літературного Архіву, він розташований у давній споруді, зовні схожій на прекрасний собор. Навколо всі стіни домів заплетені червоним плющем, осінь у Празі дуже яскрава! Нарешті доходжу до архіву, вітаюся з працівниками, прохожу до просторої кімнати-читальні, де мені приносять велику шухляду з копіями творів. Я беру до рук чергову сторінку і заглиблююсь у читання. Почерк у Наталени Адріанівни важко назвати каліграфічним, він більше скидається на арабську в'язь. Сама письменниця згадувала про те, що він зіпсувався під час поранення в руку, крім того вона одного часу дійсно багато писала арабською.

Раптом забігає пані Храздірова, збуджено-щаслива, на бігу примовляючи: «Мені щойно зателефонували з цвинтаря! Спочатку я перелякалась, а потім мені пояснили, що це – з приводу Вашого прохання! Вони по реєстраційних картках знайшли-таки могилу вашої Наталени!» Я дуже хотіла з'ясувати, де знаходиться її могила і попросила про це пані Данузу. Вона дає мені координати, пояснює як їхати. Це – десь за сто кілометрів від Праги, цвинтар Святого Вацлава у містечку Мельник.

Коли нарешті я дісталася туди, старенька вже доглядачка показала реєст-

раційну картку, де було два слова – Natalena Korolivova (Наталена Королівова, так звучить варіант її прізвища чеською). У мене затамувало подих: за кілька хвилин я зможу потрапити на місце останнього спочинку моєї Наталени… Невеличке кладовище, всі могилки доглянуті, на кожній стоїть пара-трійка горщиків із осінніми різнокольоровими хризантемами. Ми неквапом ідемо, а я розглядаюсь навколо. Переважна кількість могилок звичайні – з хрестиками чи невеличкими пам'ятками, хоча зустрічаються і цілі склепи, де, мабуть, поховані представники чеської знаті… коли ж доходимо до потрібної – на початку я була приголомшена. Це звичайний хрестик для двох, з одного боку – напис знайомим розмашистим почерком – Василь Королів-Старий (1879–1943), а з іншого… пусте місце. Жодної згадки про те, що тут знаходиться останнє пристанище його дружини, Наталени… Потім, згадуючи це, я зрозуміла, що оскільки вона була самітницею, то померши, просто була похована, і нікому було встановлювати табличку.

У мене шалено стукотіло серце і назовні вирвався такий напівшепіт-молитва: «Привіт тобі з далекої України, люба моя, хай ці червоні троянди, які ти так любила, відрадять твою душу. Ти так мріяла про визнання на батьківщині, тепер ти його маєш уповні. Спасибі тобі, моя Наталено, за те, що назавжди вразила мою душу своїм вишукано-натхненним стилем, своїми проникливими словами. І хоча ти сама говорила – "земля, як коханка: коли щиро любиш – то тільки одна мусить бути. Коли ж разом дві кохаєш, то це – або, прости Господи, розпуста, або забава…" – для тебе у цьому світі було їх дві. Україна та "Еспанія" завжди змальовувалися тобою у романтично-піднесеному дусі, а чужина – Чехія – стала останнім пристанищем у світі. Хай Господь попіклується про тебе на небі, а на батьківщині тебе тепер пам'ятатимуть і читатимуть». Навіть зараз, в мене закалатало серце від спогадів.

Сподіваюсь, що із часом про письменницю з європейським стилем і гідністю стане відомо в усьому світі, її творчість нарешті посяде достойне місце серед інших класиків української літератури. Її душа нарешті знайде вічний спокій у Чехії, в маленькому містечку Мельніку на кладовищі Святого Вацлава. А на скромній могилці зі спільним хрестиком поруч коханого чоловіка, Василя Королів-Старого, їй нарешті встановлять табличку з іменем. А вдячні читачі іноді завітатимуть до неї із червоними трояндами, її улюбленими квітами, щоб вшанувати пам'ять і згадати у молитві чудову жінку і вишукано-стильну письменницю, мою Наталену…

Борис ЗАЙЛЕР, г. Гинот-Шомрон, Израиль

МАРГОЛИНА ОБОЖАЛИ, БОЯЛИСЬ И НЕНАВИДЕЛИ

Мишпоха №26, 2010 ***mishpoha.org/n26/26a08.shtml***

…«Марголин скупил Святой Киев!» – вопили его ненавистники. «Марголин – надежда экономики Украины», – заявляли его доброжелатели. Многие разговоры в Киеве конца XIX – начала XX века сводились к фамилии нашего славного земляка (1850-1918).

18 мая 1850 года (в первый день праздника Шавуот) – в Пинске было жарко, под тридцать градусов. В безмятежном голубом небе над старинной Большой синагогой остановились, словно парусники, застигнутые безветрием, пухлые облака.

Симха Марголин молился, просил Всевышнего о благополучном разрешении от бремени жены Эстер. Во время минхи в синагогу вбежал старший сын Марголина, Зелик, и оповестил громким голосом о рождении брата.

На восьмой день жизни младенец был наречен библейским именем Давид. Жизнь покатилась по накатанной дороге: родители хотели видеть сына продолжателем семейного бизнеса или знатоком Талмуда и раввином. После окончания хедера Давид поступает в иешиву, где углубленно изучает ТАНАХ и Талмуд. Симха Марголин был зажиточным купцом и играл заметную роль в пинской общине. И хотя в его роду, да и в роду его жены Эстер не было ни ученых, ни раввинов, интерес к древнееврейской литературе, глубокое знание Торы и Талмуда были в традиции обеих семей.

Учителя заметили в Давиде незаурядные способности. Чтение книг стало для него всепоглощающим занятием. Он завсегдатай книжных магазинов и лавок. Давид с присущей ему энергией и настойчивостью помогает отцу в торговых операциях, исполняя обязанности кассира, бухгалтера, приказчика, не забывая при этом о совершенствовании своих знаний.

В пору его юности начинается «промышленная революция», которая коренным образом изменила экономические отношения и судьбы людей.

Весной 1868 года Давид Марголин покидает родительский дом, селится в Киеве и начинает свою трудовую деятельность…

Как известно, лучшими управляющими во все времена и у всех народов становятся те, кто прошел все ступени карьерной лестницы снизу доверху. Давид Марголин был таким. Сначала заворачивал рыбу и выставлял овощи и фрукты на Галицком (Еврейском) базаре, потом стал рассыльным в финансовой конторе одного из отделений Киевского коммерческого банка, далее – приказчиком в крупной торговой фирме «Киевские торговые ряды на Подоле», управляющим, а через год – компаньоном на одном из кирпичных заводов Якова Бернера.

Трудоустройство Давида было случайным. Один из дальних родственников, некто Иосл Фельдман, рекомендовал его хозяину как очень расторопного, вдумчивого и подающего большие надежды купца. Ну а дальше Давид подтвердил простую истину: везет тому, кто сам везет. Молодой человек за весьма короткий срок овладел несколькими европейскими языками (английским, французским, испанским), знания которых помогали ему в налаживании деловых контактов с иностранными предпринимателями. Руководители фирмы в начале 1872 года заключили торговое соглашение с итальянской фирмой «Паллацио» на поставку верхней одежды. Дальновидный Марголин принялся за изучение итальянского.

Весной 1873 года, за несколько дней до праздника Песах, его вызвал хозяин и сообщил: «Давид, я полагаю, что ты подходишь на роль представителя моей фирмы в Европе. Сразу после праздника отправляйся в Париж». Столица Франции стала своеобразным полем финансовых чудес. У героя

моего очерка появилось имя и небольшой капитал.

В канун Нового, 1875 года Марголин возвращается в Киев и поступает на работу управляющим кирпичного завода Якова Бернера. На этом заводе трудилось более 400 рабочих. Производство кирпичей было ручным, технология архаичной – месить глину помогали лошади, запряженные в разминальные телеги. С первых дней работы на заводе Давид Марголин стал вносить изменения в порядок управления предприятием, в организацию ремонтных работ, в систему отправки готовой продукции потребителям.

Связи с состоятельными людьми дают возможность 25-летнему коммерсанту стать членом и завсегдатаем клубов деловой элиты Киева.

В доме раввина одной из центральных синагог Киева Моше Цукера Давид знакомится со старшей из его дочерей – Розалией. Из письма Давида Марголина родителям в Пинск: «Розалия очень скромная девушка с пышными темными волосами, которая поразила меня живостью и блеском своих карих глаз и какой-то юной трепетностью. Одним словом, она представляет собой тот тип библейской красоты, который всегда меня привлекал. Я очень рад, что Роза согласилась стать моей женой…»

Скромная брачная церемония, на которой присутствовали только близкие друзья и родственники, состоялась в ближайшей к дому родителей невесты синагоге. В 1877 году у Розалии и Давида рождается сын Арнольд (Авраам), известный впоследствии юрист, участник ряда судебных процессов о еврейских погромах конца XIX – начала XX века.

В 1876 году Давид оставляет службу управляющего на кирпичном заводе и создает собственное кредитно-финансовое предприятие «Д. Марголин и К.», в которое обе семьи молодоженов вложили деньги. Результаты первого года деятельности предприятия незамедлительно сказались на благосостоянии тандема Марголины – Цукер. Давид сумел правильно распорядиться уставным капиталом фирмы и хорошо заработать, занимаясь речными перевозками, предоставлением гарантий всевозможным купцам и чиновничьему люду, ипотечных ссуд малообеспеченным семейным парам из своего окружения и окружения своих друзей и товарищей.

Розалия была неизменным катализатором всех его начинаний и давала супругу дельные советы в вопросах обогащения, указывала пути-дороги. Надо заметить, что Давид, кроме многих других качеств, необходимых для удачных занятий коммерческой деятельностью, обладал качеством, пожалуй, самым ценным в этой области, – уникальной интуицией, что сильно отличало его от многих начинающих коммерсантов Киева того времени.

Ведущий предприниматель

Поддавшись транспортной лихорадке, которая сотрясала всю транспортную сеть Российской империи, Давид почти задаром скупает несколько пароходов Днепровского речного пароходства и основывает 1-е и 2-е общества пароходств по рекам Днепровско-Припятского водного бассейна. Судоходство по Днепру, Десне, Припяти, Сожу, Неману и другим пригодным для навигации рекам Днепровского бассейна было масштабным и прибыльным бизнесом. На судах, принадлежащих Д. Марголину, перевозилось за год

около 2 миллионов пассажиров, свыше 50 тысяч тонн грузов. Годовой доход двух обществ составлял 1,5 миллиона рублей.

К 32-м годам от роду наш земляк становится обладателем солидного капитала и прославляется как один из лучших руководителей транспортных сетей во всем Юго-Западном крае. Флот общества насчитывал 78 пароходов, осуществляющих 71% всех перевозок. По тем временам быстрый и удобный вид транспорта. (Не следует забывать, что железная дорога еще только налаживала свою работу, а шоссейные сообщения были большой бедой всей Российской империи).

Тяга к техническим новинкам подталкивала предпринимателя к принятию смелых, нестандартных решений. Так, 40-метровое судно «Пинск», корпус которого был изготовлен на судоверфи Пинска в 1886 году, было оснащено паровой установкой мощностью 240 л. с. и было в полном смысле детищем Давида Семеновича. В проект он собственноручно вносил поправки, рисовал эскизы и мастерил макеты из папье-маше. Именно по его предложениям судостроители изменили надстройки верхней палубы, улучшили дизайн большинства кают, особенно кают 1 класса, сделали более обтекаемую дымовую трубу – самую заметную с большого расстояния. Марголину принадлежит идея покраски пароходов в серо-голубой цвет.

Трамвайная линия и водопроводные сооружения на Александровской улице. Вдали посёлок на Трухановом острове

В декабре 1890 года, будучи гласным (депутатом) городской думы, Давид Семенович вносит предложение по созданию Общества киевской городской железной дороги, которое сам и возглавил, став главным трамвайщиком города. В этой должности он позволял себе крутость необыкновенную – в течение 1,5 лет без современных средств механизации, киркой и лопатой

было построено 11 км трамвайных путей, по которым в обоих направлениях курсировало 8 спаренных трамвайных вагонов. Персонально для руководителя Общества был спроектирован и в кратчайшие сроки изотовлен электрический салон-вагон, который производил на горожан неизгладимое впечатление. Вот как описывает такое событие газета «Киевлянин» от 3 мая 1892 года «Ура! В славном городе Киеве появился второй в Европе трамвай. День 2 мая 1892 г. стал для всех киевлян историческим днем. Это было так красиво, что казалось нереальным. Пять тысяч приглашенных – ведущие представители экономических, политических, религиозных кругов, деятели искусства и культуры наблюдали за происходящим, как зачарованные. Уже при своем рождении трамвай стал больше чем новое транспортное средство: ему предстояло стать символом победы нового над старым».

Суммы денег на счетах марголинских компаний росли с ошеломительной скоростью, и он устремил свой взор на сахарную промышленность всего юга России, на нефтяные скважины Кавказа и Каспийского моря, на машиностроительную и чугунно-литейную отрасли европейской части России, способствовал экономическому развитию и благоустройству Киева, был инициатором строительства городской системы водоснабжения, устройства газового и электрического освещения. Не в стороне от этих процессов были благотворительность и пожертвования в пользу тех или иных общественных организаций. В середине 80-х годов XIX века Давид Семенович Марголин, который видел в образовании одну из важнейших задач становления промышленного производства в Украине и на юге России, стал инициатором создания профессиональной школы ОРТ на 150 учащихся, построил здание Талмуд-Торы на 420 человек, объединил в одну систему коммерческого образования курсы, школы, училища, стал почетным членом попечительского совета Киевского коммерческого института …

К началу XX столетия заслуги Д. С. Марголина были отмечены орденами Святого Станислава 2-й степени (девиз «Награждая, поощряет») и Святой Анны 4-й степени (Девиз «Любящим правду, благочестие и верность»), рядом иностранных орденов и знаков. Его грудь украшала золотая медаль на Андреевской ленте победителя Нижегородской торговой ярмарки.

Обладая многомиллионным состоянием, Давид Семенович с середины 1880-х годов входит в число ведущих общественных и политических деятелей Киева и всего Юго-Западного края Российской империи. Член русского купеческого собрания, гласный (депутат) в киевской мэрии, председатель ряда комиссий и комитетов, прирожденный дипломат, король компромиссов и главный поборник науки и технического прогресса. В частности, именно Д. Марголину принадлежит идея открытия Киевских высших торговых курсов, которые в 1906 году были преобразованы в Киевский коммерческий институт. В преддверии нарастающей потребности народного хозяйства страны в специалистах высшей квалификации он спонсирует институт 150 тысячами рублей (по тем временам очень значительная сумма) и добивается открытия двух отделений – экономического и коммерческо-технического.

Київський інститут народного господарства ім. Євгенії Бошна бульварі Шевченка, 24. Будинок побудований арх. А. Кобелєвим і В. Обремським в 1911-15 рр. для Комерційного інституту, зараз у ньому розташований Національний педагогічний університет ім. Михайла Драгоманова

Национальный вопрос

Говоря о политических пристрастиях Давида Семеновича, следует отметить, что в 90-х годах позапрошлого века, в элитных кругах киевского еврейства стала крепнуть убежденность, что «еврейский вопрос» – вопрос национальный, и он должен быть решен политическими формами борьбы, т. е. признанием еврейства как нации. Многие коллеги Д. С. Марголина по «купеческому цеху» и товарищи по работе среди еврейских организаций полагали, что права евреев могут быть реализованы путем образования национально-культурной автономии в пределах «черты оседлости» под руководством еврейской социал-демократической партии. Их оппоненты, в том числе и Д. Марголин, выдвинули концепцию самостоятельного государства на специально выделенной для этой цели территории, где бы евреи составляли большинство населения. Чаще всего называлась историческая родина еврейского народа – Эрец-Исраэль (Марголин не исключал и другие географические точки, в том числе и на территории Российской империи).

Давид Семенович постоянно открывал свой сейф для сионистов. Правда, ключи никогда и никому не передавал. Деньги должны знать счет. Не входя в руководящие органы и даже не будучи членом движения «Ховавей Цион» («Любящие Сион»), он постоянно присутствовал на его съездах, заседаниях, митингах, а однажды выступил в прениях по вопросу отношения иудаизма к будущему сионистскому государству. Я хочу привести эти слова, записанные в протоколе № 4 заседания группы членов киевского отделения движения «Ховавей Цион» и сочувствующих этому движению от 12 октября 1891 года: «Уважаемые господа! Выслушав мнение нескольких наших товари-

щей, считаю своим долгом сообщить, что среди наших уважаемых собратьев есть люди, по мнению которых, в будущем еврейском государстве нет места строгому соблюдению предписаний нашей Торы. Хочу лишь заметить, что это коренная, если так можно выразиться, их методологическая ошибка. Иудаизм для них – это вроде партийной программы, которую можно корректировать и трактовать так, как тебе в данный момент выгодно. Но в том-то и дело, что иудаизм – не идеология. Подобно математике, законам физики и химии, другим областям человеческих знаний, он представляет собой целостное мировоззрение, построенное на основе строжайшей логики, выверенной в течение тысячелетий, и для носителей этого мировоззрения законы Торы также незыблемы, как закон всемирного тяготения или таблица Д. И. Менделеева».

Культурная жизнь

В судьбе Давида Семеновича было немало привязанностей и увлечений, но любовь к театру особая, непреходящая, не разочаровывающая его ни в чем и никогда. Ее Марголин пронес через всю жизнь. Он – театрал, жертвующий большие деньги на новые постановки в драматическом театре с приглашением столичных и иностранных знаменитостей.

В 1892 году Давид Семенович Марголин знакомится с писателем Александром Ивановичем Куприным. (В 1891 году молодой поручик царской армии уходит в отставку и поселяется в Киеве). Почти уникальный человек в среде русских офицеров А. И. Куприн был больше, чем просто толерантным к евреям: он изучал их культуру, наслаждался обществом Д. С. Марголина, в котором было немало известных раввинов, всем сердцем внимал их учености не только в вопросах религии, но и знанию общественных процессов, происходящих в далекой древности. Богословские диспуты для А. И. Куприна были своеобразным кладезем знаний.

Видимо, повесть «Жидовка» была написана А. И. Куприным после совместной поездки писателя с Д. С. Марголиным на 3-палубном пароходе «Жлобин» по Днепру с посещением ряда еврейских местечек и знакомством с жизнью и бытом тамошнего населения.

Первые годы XX столетия ознаменовались тяжелейшим кризисом, поразившим промышленность и финансы Российской империи. Фондовый рынок страны залихорадило, курс акций большинства компаний катастрофически упал до номинала и ниже. Под ударами кризиса оказалась и «могущественная империя» Д. С. Марголина. Но даже в этих условиях, он делился богатством ради общего блага. Самый яркий пример – забота о Трухановом острове, где с момента создания 1-го и 2-го Обществ пароходств по Днепру возник и поселок для работников речного транспорта. Оберегая персонал пароходств от неудобств, Давид Семенович за собственный счет выстроил в поселке кирпичное здание школы, ремесленное училище для будущих водников, паромную переправу и передал эти заведения под управление Киевского благотворительного общества. Председательница этого общества, Елизавета Трепова (жена генерал-губернатора Ф. Ф. Трепова), на одном из балов в своей резиденции намекнула Марголину, что работники его пред-

приятий и жители острова испытывают надобность не только в учебных заведениях для своих детей, но и в культовых учреждениях. Намек нашим земляком был принят к исполнению, и он незамедлительно профинансировал строительство православной церкви в центре поселка. Храм был назван именем Елизаветы.

Школа и церковь на Трузановом остроее.
После войны это место отмечено парашютной вышкой

Социальные потрясения

Несмотря на социально-экономический и культурный прогресс страны во второй половине XIX – начале XX века, положение евреев в России не улучшалось, а даже ухудшалось. Многие органы печати включились в антисемитский шабаш. Как реагировал на эти явления Д. С. Марголин? В 1896 году некто Леонид Цукерман основал в Варшаве на спонсорские деньги Давида Семеновича издательство «Правда» и стал выпускать серию книг и статей под общим названием «В защиту гонимого народа» на русском языке и на языке идиш. В одной из брошюр мне удалось обнаружить статью за подписью Д. Марголина. Автор напомнил русскому обществу такие забытые в ту пору слова как совесть, нравственность, свобода, честь. Упоминает Давид Семенович в этой статье и антисемитское правительственное «Новое Городовое Положение», вышедшее в 1892 году, по которому евреи вообще лишались права избирать и быть избранными в качестве гласных в городские думы и управы, а также занимать в них ответственные должности, заведовать отраслями городского хозяйства и управления. И правомерно замечает: «Для чего установлен такой порядок, особенно для буржуазных отцов семейств? Лишь для унижения перед собственной молодежью! Можно ли после этого оставаться лояльным к такому правительству?». И дальше он продолжил: «Мир меня давно не удивляет. Я думаю, что в нем действует один-единственный закон – умножение зла. Меня при сегодняшних обстоятельствах удивляет только одно: сравнительно редкие проявления человече-

ской порядочности, благородства если угодно. Потому что ситуация в целом отнюдь не способствует порядочности, не говоря уже о праведности». Такой поступок заслуживает признательности и уважения, ибо он встал на защиту еврейства в России в столь тяжелое для его соплеменников время.

Государственный терроризм

Расстрел рабочей демонстрации 9 января 1905 года в Санкт-Петербурге положил начало революции 1905-1907 годов. Среди погибших участников демонстрации, направлявшейся к Зимнему дворцу, были наши соплеменники. Мог ли себе кто-то представить тогда, какие страшные испытания предстоят еврейскому народу в последующие годы, какой дорогой ценой будет оплачено шествие за правдой к самому царю-батюшке?! Октябрьские погромы 1905 года – кровавая страница в истории России.

Как правило, погромы происходили по одинаковому сценарию. 18 октября в Киеве сразу после прочтения царского Манифеста от 17 октября 1905 года «О совершенствовании государственного порядка», провозглашавшего гражданские свободы, создание Государственной думы и т. д., стихийно начались демонстрации сторонников левых партий и движений, праздновавших получение свобод. В противовес им полиция организовала патриотические шествия с национальными флагами, церковными хоругвями, портретами царя. Сторонниками патриотических шествий становились чернорабочие, мелкие лавочники, хулиганы, которые направлялись на разгон демонстраций левого толка, затем избиения превращались в еврейские погромы. Поводом к ним часто служили намеренно распускавшиеся ложные слухи, в частности, киевских евреев обвинили в том, что они разорвали портреты царской семьи в здании городской Думы.

С раннего детства Давид Семенович хорошо усвоил простую истину: распоясавшийся хулиган понимает лишь язык физической силы и начинает уважать только того, кто сумел его побить. Когда полицмейстер Киева некто Цеховский начал кричать с балкона здания киевской Думы: «Бей жидов, грабь, ломай!» – случайно оказавшийся в здании Давид Семенович подошел вплотную к зарвавшемуся антисемиту и на глазах изумленных думцев и двух заместителей градоначальника влепил ему звонкую пощечину. Цеховский в бешенстве схватился за саблю, Давид Семенович достал из кармана маленький бельгийский браунинг. По словам очевидцев, двое полицейских из свиты жандарма повисли на руках своего шефа, несколько думцев оттеснили в сторону и закрыли своими фигурами Д. Марголина. Инцидент с применением оружия был исчерпан, но каждая из сторон пообещала своему противнику всевозможные кары.

Сенатор А. С. Кузьминский, при поддержке Платона, епископа Чигиринского, проводивший, по указанию царского правительства, расследование действий властей во время погромов 18–29 октября 1905 года принял решение об отдаче под суд 23 полицейских и 6 офицеров, в т. ч. и Цеховского.

17 ноября 1905 года в Киеве был образован Центральный Комитет по оказанию помощи пострадавшим от погромов. Заместителем председателя центрального комитета единогласно был избран Давид Марголин. Предсе-

дателем комитета был избран Ректор Киевского политехнического института профессор Н. И. Чирвинский. Комитетом за 1,5 месяца деятельности было собрано 670 тысяч рублей. Еврейскими организациями США, Великобритании, Германии и других стран было собрано 5,6 млн. рублей, из которых 320 тысяч было передано пострадавшим евреям-киевлянам.

Вместе с сыном Арнольдом Марголин создает специализированную адвокатскую контору, целью которой является истребование материальных компенсаций от организаторов, непосредственных исполнителей уголовных проявлений и от страховых компаний. Только за 1,5 года во все судебные инстанции было направлено более 850 исков о взыскании ущерба с начальников полицейских участков, руководителей городских и районных управ, допустивших страшные убийства, грабежи, насилие, уничтожение имущества, поджоги и разрушения домов, квартир, магазинов и мелких предприятий. Чего добивались отец и сын Марголины? На что рассчитывали? Или действительно верили в справедливость российских законов?

В 1911 году империя торжественно отмечала 50-летие отмены крепостного права. В Киеве были запланированы грандиозные мероприятия, связанные с открытием памятника Александру II. (Памятник обошелся городу в 350 тысяч рублей, половину из которых внесли братья Бродские, Исаак Гальперин и Давид Марголин). 29 августа туда прибыл Николай II в сопровождении свиты и высших сановников империи, среди которых был и премьер-министр П. А. Столыпин. Город был буквально наводнен агентами наружного наблюдения, особое регистрационное бюро проверяло благонадежность киевлян, о приезжих запрашивали по телефону.

Вечером 1 сентября в Киевском городском театре давали спектакль – оперу «Сказка о царе Салтане» Н. А. Римского-Корсакова. В числе приглашенных был Давид Семенович с супругой. (Сидел во втором ряду партера, хотя личная ложа, рядом с губернаторской, была им выкуплена еще в 1890 году). Николай II с дочерьми и болгарским цесаревичем находился в ложе генерал-губернатора, высшим сановникам был предоставлен первый ряд партера. Петр Аркадьевич Столыпин сидел в центре, между министром императорского двора бароном В. Б. Фредериксом и киевским генерал-губернатором Ф. Ф. Треповым. Когда до конца оперы оставался один акт, Столыпин отправил охранявшего его капитана Есаулова подготовить автомобиль для отъезда. В антракте Столыпин стоял около барьера оркестровой ямы и разговаривал с графом Потоцким. В это время в проходе появился молодой человек в черном фраке, который подошел к собеседникам, выхватил из кармана браунинг и два раза выстрелил в премьер-министра. Стрелявший был немедленно схвачен. Им оказался выпускник юридического факультета Киевского университета Дмитрий Богров, отец которого, верующий иудей, в начале 70-х годов XIX века принял православие.

Узнав на следующий день из сообщений киевских газет о национальном происхождении террориста, в кругу семьи и близких друзей Давид Семенович произнес почти пророческую фразу: «Теперь моему народу мало не покажется. Надо собираться...»

Именно с этого вечера, с момента смертельного ранения П. А. Столыпи-

на, чему невольным свидетелем стал Давид Семенович, он потерял покой. Его душа ожесточилась против революционеров и реформаторов, против всех лидеров левых партий, требующих смены формы правления в России, он стал раздражительным и подозрительным ко всем и к каждому.

Спасение пинских детей

19 июля 1914 года Российская империя вступила в войну – Первую мировую. В конце ноября 1915 года до Давида Семеновича дошли слухи об ужасном положении еврейских детей в так называемых «приютах презрения» города Пинска. За город шли кровопролитные бои, власть переходила из рук в руки – от русских к немцам и наоборот, в городе царили анархия, голод и болезни. Погромы стали заурядным делом и происходили ежедневно во всех частях города. В своих отчаянных призывах пинчане умоляли о помощи. Эти призывы дошли до киевлян и вызвали большое волнение в еврейской общине. После окончания служб в ряде синагог Киева в декабре 1915 года члены общины, выходцы из Пинска, решили провести спасательную операцию и вывезти из города хотя бы детей. Везде собирались материальные и денежные средства, было зафрахтовано несколько речных судов, строились планы по осуществлению такой непростой операции. Среди главных энтузиастов оказался Давид Семенович. Он же и возглавил Совет по оказанию помощи беженцам из Пинска. Д. С. Марголин сразу же понял, что «Совету» первым делом следует решить две проблемы: как спасать еврейских детей из города, охваченного пламенем войны, и в какую часть страны переправить сотни детей.

По рекомендации Давида Семеновича в Пинск отправился Михул Фельдман – расторопный и деловой молодой человек, который в считанные дни собрал в одно место приютских детей и четко организовал их быт. Из воспоминаний М. Фельдмана: «Мне удалось собрать тех, кто больше всех нуждался в моей помощи. Всех детей разместили в здании школы в центре города. Несчастные дети прониклись ко мне полным доверием и не отходили

от меня ни на час. Все дети говорили на идиш и не называли меня иначе, чем «унзер татэ» (наш отец)... На полученные от Давида Марголина деньги мною и моими добровольными помощниками были сносно обустроены жилые комнаты, ведь даже кроватей и постельных принадлежностей не было у детей. Ежедневно покупались продукты питания и необходимая одежда. И теперь я могу сказать с полной уверенностью, что благодаря щедрости и соучастию моих земляков удалось спасти жизни многих из ребят. Иначе бы они погибли от голода, болезней и насилия».

С началом навигации по Пине и Припяти (апрель 1916 года) большая часть спасенных детей двумя пароходами была вывезена из Пинска. И вновь приведу воспоминания М. Фельдмана: «Никогда, до последнего вздоха, не забуду я то раннее утро, когда на горизонте в поднимающемся от воды тумане я увидел очертания Киева. Было такое ощущение, что на набережную Днепра вышли все евреи города, нам устроили трогательный прием. Больше всех, как мне показалось, радовался спасенным детям Давид».

Катастрофа

…25 декабря 1917 года депутаты-большевики в Харьков создали свое правительство, которое своим первым универсалом отменило право частной собственности на… землю, фабрики и заводы… В мгновение ока Давид Семенович Марголин превратился в одного из рядовых граждан страны Советов. В последний день июля 1918 года все киевские газеты вышли с устрашающими заголовками, сообщающими об убийстве командующего германскими войсками на Украине генерал-фельдмаршала Ф. Эйхгорна. Но ни одна киевская газета не сообщила, что в этот день скончался наш славный земляк. Говорят, у Давида Семеновича было слабое сердце. Умер же он от простуды, так как в Киеве свирепствовала «испанка».

Могила Д. С. Марголина не сохранилась, он не упоминался ни в крупномасштабных академических изданиях, ни в многочисленных краеведческих изданиях Киева и Пинска.

В мае 1932 года, в честь знаменательной даты – 40-летия пуска первого трамвая в Киеве, в центральном печатном органе местных коммунистов газете «Большевик» советская власть «отблагодарила» Марголина – была напечатана на него карикатура и ехидная реплика-заметка. На рисунке Д. С. Марголин сидит одним местом сразу на двух пароходах. А в заметке ему припомнили его благотворительность: «Он построил на Подоле синагогу, на Трухановом острове церковь. Наверное, построил бы еще и католический костел, и лютеранскую кирху, и караимскую кенасу, и магометанскую мечеть, если бы революция не прогнала его».

Потомки (по материалам Википедии)

Арнольд Давидович Марголин (4 [16] ноября 1877 года, г. Киев, – 29 октября 1956 года, Вашингтон) – адвокат, общественный деятель и писатель. Родился в семье богатого сахарозаводчика Давида Марголина. Окончил Киевский университет.

Выступал адвокатом в процессах, связанных с еврейскими погромами. В

частности, при разборе дела о погроме в Нежине (1905 г.) от имени 150 потерпевших евреев просил суд выслушать их соображения о действительной причине погрома, а именно, что погромы – дело рук одной и той же организации, но суд в этом отказал, и тогда процесс прошёл в отсутствии защитника и потерпевших. Выступал адвокатом по делу Бейлиса. За резкие выступления против властей был лишен адвокатского звания и восстановлен в правах лишь после Февральской революции 1917 г. Участвовал в еврейской общественной жизни; был выборщиком в Государственную думу. Примыкал к сионистскому, а затем к территориалистскому движению, был одним из его лидеров после смерти М. Э. Мандельштама.

С ноября 1917 г. – член Верховного суда Украинской народной республики. С ноября 1918 г. – заместитель министра иностранных дел Директории. В марте 1919 г., после кровавого погрома в Проскурове, подал в отставку, но продолжал поддерживать правительство С. Петлюры, считая ответственным за погромы не украинское правительство Петлюры, а преступников, «чёрную сотню» и большевиков, которые хотели дискредитировать украинское правительство. С 1919 г. по ноябрь 1920 г. (падение Директории) – дипломатический представитель Директории в Лондоне.

В 1922 г. переехал в США. Занимался адвокатской практикой, журналистской деятельностью, читал лекции. Погиб в ДТП при переходе улицы.

Михаил Владимирович Марголин (29 января (11 февраля) 1906, Киев – 25 января 1975) – советский конструктор стрелкового оружия. Его дед, Давид Семёнович, был известным киевским предпринимателем. Мать, Клемм (Марголина-Гринберг), была художником-графиком.

До 1918 года семья жила в Киеве. При эвакуации из Киева М. В. Марголин отстал от семьи, примкнул к Красной Армии. В 1919 году уехал на Кавказ, где его мать работала учителем в школе-коммуне.

В возрасте 15 лет М. Марголин исполнял обязанности коменданта в штабе Частей особого назначения в Хосте. Позже его назначили командовать взводом. В 1922 г. вступил в комсомол. В апреле 1924 года, в возрасте 18 лет, Марголин получил ранение в голову, в результате которого потерял зрение. После госпиталя был направлен в Киев, в инвалидный городок, затем на курсы слепых массажистов в Харькове.

В 1926 год Марголин приехал в Москву по направлению на курсы актива и начал работать начальником учебного «военного кабинета» при райкоме комсомола, а затем инструктором по стрелковому оружию в «Обществе содействия обороне, авиации и химическому строительству» (ОСОАВИАХИМ). Стал активным пропагандистом военно-технических видов спорта.

Конструкции механизмов Марголин изучал на ощупь. Проявил интерес к инженерному творчеству, создал оригинальный образец спортивной малокалиберной самозарядной винтовки, получивший высокую оценку специалистов. В общении с чертежниками и рабочими использовал модели и макеты из пластилина, воска, дерева, металла, пластмассы.

С 1933 года, работая в «Центральных экспериментальных мастерских» ОСОАВИАХИМ, Марголин занимался разработкой спортивного оружия, создал несколько малокалиберных систем: самозарядный и однозарядный

тренировочный пистолеты, учебный малокалиберный вариант пулемёта Дегтярева и тировый карабин.

С 1938 года возглавил одну из групп в конструкторских бюро в Туле, разработал самозарядный пистолет «ТКБ-205» калибра 9 мм. По результатам испытаний на «Центральном научно-исследовательском полигоне стрелкового и минометного вооружения Главного артиллерийского управления РККА» (НИПСМВО) в 1940 году пистолет был одобрен, но по существовавшим на тот момент приказам Наркомата обороны пистолеты калибра 9 мм не предусматривалось ставить на вооружение, и работа над проектом была прекращена. В 1940 году Марголин вернулся в Москву и продолжил работы над спортивным оружием на основе пистолета ТТ конструкции Токарева образца 1933 г.

Во время войны Марголин в должности начальника объекта участвовал в противовоздушной обороне Москвы, работал в тылу на хозяйственных должностях. В 1943 год Марголина перевели в опытное конструкторское бюро при Арсенале Главного артиллерийского управления, где он работал по рекламациям, поступающим с фронта над улучшением ремонта стрелкового оружия в полевых условиях.

В 1946 г., продолжая работать в ГАУ, он вернулся к работам над спортивным оружием. В 1947 году им был разработан спортивный малокалиберный пистолет МЦ, который неоднократно использовался на чемпионатах и Олимпийских играх. В 1950-е годы Марголин работал консультантом по оружию в Государственном Историческом музее и в НИИ милиции.

В 1955 году возглавил конструкторское бюро при научно-исследовательской стрелковой станции ДОСААФ, где разработал и запустил в серию учебно-спортивный однозарядный пистолет «Заря» и пневматический пистолет «МГ-60». Награды и звания:

- Медаль «За оборону Москвы».
- Медаль «За победу над Германией».
- Серебряная медаль ВДНХ (1960).
- Заслуженный изобретатель РСФСР (1965).

Николай ТИМОФЕЕВ-РЕСОВСКИЙ
КИЕВ. ГИМНАЗИЯ

Из книги: Тимофеев-Ресовский Н. В. Воспоминания.: Истории, рассказанные им самим, с письмами, фотографиями и документами / сост. и ред. Дубровина Н.–- М. : Согласие, 2000. – 880 с. : 120 с. ил.
sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=8381

Отец мой был инженер путей сообщения, строитель. Жили мы в разных городах в зависимости от того, где он строил свою железную дорогу. Родился я в Москве. Когда мне было три-четыре года, переехали мы в Вильно, где было главное управление дороги, выстроенной отцом, Полоцк – Седлец. Это та самая дорога, которая прославилась в 1914 году в связи с мобилизацией в

начале войны. В 1908 году мы переехали в Киев, где было главное управление дороги Одесса – Бахмач с мостом у Черкасс через Днепр, которую строил отец. Это последняя его дорога.

В Киеве мы сперва жили на Терещенковской улице, 23, против Николаевского парка. На одной его стороне проходит Караваевская улица, где университет. По другую сторону проходила Терещенковская улица, на которой мы жили. Справа, ежели смотреть от Бессарабской площади – Бибиковский бульвар, где располагалась наша, очень известная в России, Императорская Александровская первая киевская гимназия, где Паустовский учился, Булгаков, я сам и другие крупные люди[1]. Я начал там учиться с третьего или четвертого класса. А потом мы жили на Большой Житомирской, 8, в доме, принадлежавшем такому сахарному миллионеру Шелюжко. Как миллионер он был мне совершенно неинтересен, но мы были большими друзьями, несмотря на то, что он был, наверное, раза в четыре старше. Он был владельцем знаменитой разводни Шелюжки в Киеве на Львовской улице[2] *(ул. Сечевых стрельцов – ред.)*. Это продолжение Большой Житомирской. Это были две больших оранжереи застекленных, бетон и стекло. С бассейнами, аквариумами и всякой штукой. Это была самая крупная рыборазводня аквариумных рыбок в мире, больше гамбургских рыборазводен. Главными импортерами в то время были гамбургские рыбоводы. Ну, и потом Шелюжко в их компанию тоже вошел. А я в молодости, и с детства даже, увлекался аквариумами. У меня бывало до 35-40 аквариумов одновременно. Я занимал две комнаты. Квартиры у нас всегда были огромные, потому что нас много было, детишков. У всех разные возрасты, свои интересы. Нас семеро[3], да родителей двое – девять человек. Да при детишках и няньки, и фрейлины, и гувернеры, по причине разного опять-таки возраста.

Аквариумы у меня бывали самых разнообразных размеров: от крупных аккумуляторных банок стеклянных до проточных аквариумов длиной более метра, шириной почти в метр и высотой сантиметров семьдесят пять. В этих аквариумах я, опять-таки довольно быстро, сконцентрировал свои интересы на определенных группах животных. Из рыб аквариумных я любил лабиринтовых: макроподов, гурами, бойцовых рыбок. Терпеть не мог золотых рыбок, презирал их, даже со всеми пышными экзотическими вариантами: вуалехвосток, телескопов – все это презирал. Любил часть живородок, а за-

---

[1] Об учениках Первой киевской гимназии см. очерк М. А. Реформатской «Юные годы ровесников века».

[2] Рядом с рыборазводней Андрея Ивановича Шелюжко на Львовской, 45 находилось также киевское отделение Общества любителей растений и аквариумов, секцию аквариумов которого возглавлял Л.А. Шелюжко, сын сахарозаводчика.

[3] В семье Тимофеевых-Ресовских, по всем документам, было шестеро (своих) детей, пятеро сыновей: Николай, Владимир, Виктор, Дмитрий и Борис, и дочь Вера. Все они внесены в формулярный список Владимира Викторовича Тимофеева-Ресовского, составленный в 1913 г., незадолго до его смерти (Государственный архив Калужской области. Ф. 55. Оп.2. Д. 3160. Л. 2-12).

тем разводил очень много у себя в аквариумах отечественных пресноводных рыб, особливо вьюновых, горчаков и некоторых других. Причем (это было тогда сравнительной редкостью) у меня в аквариумах целый ряд отечественных аквариумных рыб размножались, откладывали икру и выводили мальков. Некоторые виды, насколько мне до сих пор известно, только у меня в аквариумах и разводились. У меня была очень полная коллекция. Шелюжко, в доме которого мы жили в Киеве, тоже с малых лет, несмотря на то, что был миллионером и сахарозаводчиком, по сути дела, был зоологом, аквариумистом. У него были как гамбургские все виды рыб, так и время от времени он, так сказать, оплачивал собственные экспедиции для добычи новых аквариумных тропических рыбок. И я, конечно, временами в его рыборазводнях дневал и чуть не ночевал. И поэтому интересующих меня рыб у меня был максимально возможный набор.

Киев того времени, предвоенных лет, между 10-м и 14 годами, был городом очень интересным. В России это был, пожалуй, один из таких передовых в смысле цивилизации городов. Прекрасный трамвай был проведен в Киеве довольно давно. В самом начале века большинство домов, имевших более трех этажей, были снабжены лифтами. Была хорошая телефонная сеть. Киев славился тогда на всю Россию прекрасной организацией работы пожарных частей, скорой помощи. Одним словом, в смысле городской жизни он был очень цивилизованным городом, с одной стороны, и, с другой стороны, для России он был представителем больших южных городов. Это был, ежели хотите, самый северный южный город, большой город в России: Киев, Екатеринослав, Одесса. Харьков уже был менее типичен. Может быть, ближе был Ростов-на-Дону. Но, пожалуй, наиболее такими своеобразными, имевшими свое лицо городами русскими были тогда на юге Киев и Одесса.

В Киеве жизнь была относительно веселой, немножко напоминавшей заграницу. Очень оживленны были с весны до поздней осени большие кафе. Как только теплело, выставлялись столики под тентами на широких киевских тротуарах, и в этих кафе протекала, собственно, довольно типичная такая европейская уличная жизнь. В знаменитых кофейнях Семадени[4] сидели иной раз часами какие-то деловые люди и занимались, по-видимому, коммерческими делами. С другой стороны, сидела молодежь – студентки, курсистки – веселилась, разговаривала, кокетничала. То, чего в Москве, в Петербурге и во всех больших городах, более северных, в России дореволюционной, в сущности, не было.

Интересна была и гимназическая жизнь. Несмотря на то, что Киев был отнюдь не какой-то глухой провинцией, а третьим по величине городом в дореволюционной России, очень типична была школьная гимназическая жизнь в том смысле, что каждая гимназия, коммерческое или реальное училище, многие высшие и начальные городские училища имели своеобразные, иногда немножко чудные традиции. Одни гимназии состояли в дружбе, другие – в традиционной вражде. Например, в Николаевском парке, ныне парк

[4] Кофейни Семадени находились на Крещатике, 15 и на Большой Васильковской, 12.

Шевченко, с одной стороны находилась наша Первая гимназия, Императорская Александровская, с другой стороны коммерческое училище[5].

По традиции, особенно зимой, по снегу, в Николаевском парке по субботам после уроков происходили кулачные бои между нашей гимназией и Коммерческим училищем. Это было связано с целым рядом мероприятий по защите от начальства гимназического, коммерческого и от полиции. Потому что, конечно, начальство все это не одобряло. Но проводились настоящие стычки по всем старинным правилам, с запретом набирать пятаки в кулак и с определенными правилами, куда можно и куда нельзя бить. И эти бои проходили настолько интенсивно, что иногда мне после таких боев приходилось часик-другой где-нибудь оттираться снегом и в парке отлеживаться перед тем, как возвращаться домой, чтобы очень уж не бросалось домашним в глаза то состояние, в котором мы после таких боев находились.

Но некоторые гимназии друг с другом дружили. И вообще в поведении гимназистов и школьников на улицах, в парках – всюду в Киеве – по традиции сохранялось «лыцарство», как говорилось, рыцарство своего рода. Например, мы идем втроем – встречаем четырех «коммерсантов». Мы могли задрать их и начать небольшую свалку или драку, но они не могли, потому что их было четверо, а нас трое. На их стороне было большинство, и это считалось бы не рыцарским поведением: задирать более слабую сторону.

Было одно исключение. Все школы рыцарски относились друг к другу более или менее, за исключением частной гимназии Науменки[6]. Это была частная привилегированная гимназия, в которой учились главным образом дети богатых родителей, так сказать буржуазии тогдашней. Они имели отличную от всех прочих гимназий форму – синюю такую. И вообще они несчастные были юноши, потому что их разрешалось бить в любой комбинации. Науменковцев, ежели даже нас трое, а он один, все равно можно было ему морду набить. Так что они как бы вне закона стояли. Наверное, мы не любили науменковцев за то, что они, во-первых, были передовые, во-вторых, богатые, в-третьих, какие-то такие чистенькие, холеные и вели себя соответственно – тихо и смирно. Интеллигентные были мальчики.

А мы были шпана, конечно. У нас были и традиционные занятия, и более-менее рыцарские, и более такие, ну, что ли, некультурные. Учился я во времена знаменитого Кассо[7]. При Кассо гимназисты находились на таком, значит, полувоенном положении: после восьми часов вечера на улицу выходить не имели права, к различным неполадкам в форме строжайшие были придирки. Ежели кушак не так надет или число пуговиц не соответствует положенному на рубашках или куртках, ежели по улице школьник идет с неряшливо заткнутой за пояс рубашкой, то так называемые классные надзиратели и их помощники могли остановить, записать, и потом происходили

---

[5] На Бибиковском бульваре, 9 (на его пересечении с Пушкинской улицей).

[6] Владимир Павлович Науменко – владелец одной из лучших в Киеве частных мужских гимназий, находилась на улице Б. Подвальная, 25-6.

[7] Лев Аристидович Кассо (1865–1914) – министр народного просвещения в 1910-1914 гг.

от этого всякие неприятности.

Никакого телесного наказания в наши дни, конечно, не применялось, но карцер существовал. Можно было получить карцер на один день, а можно было и на две недельки получить. Это не значит двухнедельная отсидка, карцер означал отсидку в течение трех часов по окончании уроков. Ежели карцер давался на неделю, то всю неделю каждый день нужно было три часа отсидеть в карцере. Ну, конечно, это была неприятная штука. На неделю, на две недели получали редко, за наиболее крупные преступления. Ну, так на день-два-три – это довольно часто можно было получить.

У нас, в нашей гимназии, процветал в мое время такой спорт. Назывался он «марафонский бег». После восьми, так около полдесятого-десяти вечера мы компанией, обыкновенно зимой, выходили на самые неположенные места, скажем, на Бибиковский бульвар, который был под полным запретом в вечерние часы для гимназистов. И там отыскивали какого-нибудь педеля – помощника классного надзирателя, по гимназической терминологии – коридорного наставника. Это были обыкновенно довольно бедные такие неудачники, по образовательному цензу не вытягивавшие в учителя, самая низшая категория служащих министерства народного просвещения. По чину они были начиная с коллежского регистратора до коллежского секретаря: коллежский регистратор, губернский секретарь и коллежский секретарь – три самые низшие чина. Получали они небольшое жалование, были обыкновенно люди многосемейные уже и подрабатывали сверхурочные, дежуря на ловле гимназистов вечером на улице. Это называлось «систировать». Они должны были систировать нашего брата.

А мы собирались в самое неположенное время в неположенном месте небольшой компанией и выискивали такого педеля. Конечно, перед этим загибался значок на фуражке. Ведь на фуражке была такая кокарда из дубовых листьев с номером гимназии. Вот этот номер гимназии либо чем-нибудь закрывался, либо загибался так, чтобы просто по внешнему виду нельзя было определить, из какой гимназии. Надо сказать, что обращаться к полиции этим педелям было строжайше запрещено. Это было дело не полиции, а дело министерства народного просвещения. Они должны были управляться, как хотели, сами.

И вот мы выискивали такого педеля, так сказать, показывались ему целой компанией – человека четыре-пять... Ему, конечно, выгодно было систировать сразу небольшую компанию: всякий улов количественно определяется. Одно дело систировать одного, другое дело – сразу пятерых. Он, значит, за нами, а мы от него. Он наддает ходу, и мы наддаем ходу. Он притомится, замедлит шаги, и мы замедляем шаг. И помаленьку так идем в район, скажем, Круглоуниверситетской. Это была улица, которая таким винтом шла вверх от Караваевской. Замедляем ход – он нас почти догоняет. Мы опять припускаем до какого-нибудь темного, совершенно пустынного бокового переулочка, куда мы загибаем. И он загибает. Мы по команде скидываем шинели, кроем его шинелями и смертным боем бьем. Потом быстро свои шинели берем и удираем уже бегом.

Нам потом было жалко, конечно, этих несчастных коридорных настав-

ников, зарабатывавших свои сверхурочные. Но, в общем, это повело очень быстро к тому, что они все-таки никогда своих гимназистов, из своих гимназий, не систировали. Так что это имело некоторое воспитательное значение для воспитателей. А воспитанники, нет, они не разлагались, потому что все-таки разложения нет. Бить начальство – это не разложение, а наоборот. Как я вам уже докладывал, рыцарство, в основном, работало, и группу явно слабейшую и малочисленную бить не полагалось. Они могли, конечно, нападать. Ну, конечно, ежели задерут, то их можно было и побить, но более сильный не имел морального права первым нападать. Так что из этого уже видно, что жизнь была веселой в общем-то.

Вот часто в различных мемуарах, особенно в мемуарах всяких наших передовых интеллигентов, встречаются воспоминания о школах типа бурсы... Ну, бурса существовала в XIX веке[8]. В XX веке помяловская бурса, в сущности, уже нигде не существовала в России... А были, в основном, казенные гимназии и реальные училища, особенно провинциальные, довольно-таки мракобесные и с довольно строгой дисциплиной и с начальством, следившим за соблюдением формальных правил порядка в школе. И вот это обыкновенно наши передовые интеллигенты со всякими вздохами и причитаниями считали ужасным: у бедных мальчиков загублено детство этими самыми ужасными, какими-то отсталыми школами, гимназиями и так далее. Я считаю, это, конечно, все чушь. Такие отсталые порядки в школах, во-первых, не так были страшны. Не так страшен черт, как его малютки... Это я нарочно. А во-вторых, все имеет всегда свои плохие и свои хорошие стороны. Хорошей стороной в этой строгой дисциплине формальных порядков, заведенных в отношении одежи, в отношении поведения и в отношении просто дисциплины в общественных местах и при встречах с учителями, со своим начальством и довольно-таки строгих наказаниях при нарушениях... а за систематические нарушения школьных порядков выгоняли, иногда с волчьим билетом, то есть без права поступления в казенные заведения. Это имело, конечно, прекрасную воспитательную сторону.

Я в жизни своей часто убеждался, что вся эта так называемая педагогика, уговаривание, всякое такое... чепуховски смешное отношение педагогов к ученикам – в общем, один разврат, и толку от него никакого. В первую голову передовые школы с передовой педагогикой не дают детям, учащимся, основного, что должна дать школа – воспитания чувства ответственности, прежде всего за самого себя. Вот сейчас приходится наблюдать, что школьники в школах могут не только на головах ходитеь, а и со своими учительницами вытворять все, что им заблагорассудится, и ничего им не грозит решительно. А вот мы-то знали, что серьезное хулиганство влечет за собой, прежде всего для нас и для наших семей, ужасные последствия, поэтому, с младших классов начиная, все мы прекрасно понимали своим полудетским

---

[8] Бурса (от лат. bursa – сумка, кошелек) – духовное училище и семинария с общежитием, содержавшиеся на казенный счет. Порядки и атмосфера киевской бурсы середины XIX века описаны Н.Г.Помяловским в «Очерках бурсы» (1862–1863).

ученическим коллективом, что такое хулиганство допустимое и что такое хулиганство с подлинкой и недопустимое. И, во всяком случае, мы прекрасно знали, что за все проделки наши мы всерьез отвечаем. Вот это то, чего, мне кажется, не хватает в современной школе. Это в нас, несомненно, воспитывало чувство ответственности. А чувство ответственности должно воспитываться в человеке сызмальства, потому что это очень важная вещь во всей моральной структуре человека.

У меня от всех этих, казалось бы, реакционных сторон организации тогдашней гимназической жизни в Киеве не осталось каких-нибудь таких очень уж неприятных воспоминаний. Во всяком случае, я, положа руку на сердце, не могу считать это чисто отрицательным явлением. Ну, конечно, были со стороны глупых и бездарных учителей, гимназического начальства и так далее перегибы, часто, действительно, нехорошее отношение к ученикам, но это было редко, а чаще... Бывали такие случаи, что если, например, директор заметит в классе какое-нибудь либо слишком уж серьезное хулиганство, либо что-то нежелательное, скажем в кавычках – политическое, он этого официально не замечал, а потом при случае нам давал понять, что он заметил. И это, конечно, лучше всяких наказаний заставляло нас опять-таки ответственно относиться и к нашему хулиганству, и к затеям, которые, как мы знали, гимназистам не полагались. И затеи эти продолжались, но велись так, чтобы не подводить друг друга и не подводить и наше начальство.

Киевская гимназия была из лучших в некоторых отношениях, но вообще это была довольно-таки реакционная гимназия. Много было бездарных педагогов, но были и талантливые. Но талантливых было меньше, чем скучных и бездарных. Вот, например, у меня был очень замечательный учитель Павел Викторович Терентьев, такой немножко вечный студент Киевского университета. Он сперва почти кончил естественное отделение физико-математического факультета, а потом перешел на медицинский факультет и уже кончил его после нашего отъезда из Киева, после того, как мы переехали в Москву. Павел Викторович обладал замечательным свойством, нужным, собственно, всякому преподавателю: я был человек, так сказать, трудно поддающийся дисциплинированию, порядку и всяким приказам и наказам, но я не мог огорчить Павла Викторовича Терентьева. Я учился всегда прекрасно и выполнял все его указания, просто чтобы не огорчить его – настолько я уважал и любил Павла Викторовича Терентьева.

Сейчас вообще масса средних школ и страшная нехватка преподавателей средней школы. Поэтому очень часто преподаватели совершенно не на высоте. Я же учился в гимназии, как в Киеве, так и в Москве, может быть, в самое лучшее время. Ведь после 1905-1906 года все-таки дух в средних школах был совершенно иной, чем в XIX веке, скажем. Появилось, кроме того, много действительно талантливых преподавателей. Очень хорошо было в университетских и крупных городах то, что многие преподаватели и научные сотрудники тогдашних высших учебных заведений, в первую голову университетов, кончая университет, не сразу попадали на штатные оплачиваемые места в университетах. Им приходилось зарабатывать хлеб свой, надо сказать с маслом, преподавателями гимназий, реальных и коммерче-

ских училищ. Преподавателями средних школ. Это, во-первых, было полезно для самих молодых начинающих ученых и вузовских преподавателей. Это была хорошая практика. И это было очень хорошо и в смысле поднятия среднего уровня преподавания в средних учебных заведениях.

Большинство сколько-нибудь стоящих биологов бывают, обыкновенно, зоологами или ботаниками чуть ли не с рождения, во всяком случае, с детских лет. И я был зоологом, как уже говорил, сколько себя помню. Я вообще детство проводил в различных, свойственных детскому и юношескому возрасту безобразиях – драках и прочее. А в свободное время сидел на диване с десятитомной «Жизнью животных» Брема[9]. И все десять томов чуть ли не наизусть знал уже ко времени гимназии. В Бреме из патриотических соображений я заинтересовался фауной Российской империи, в основном, а фауны заграничные меня меньше интересовали. А так как Российская империя целиком входила в палеарктическую область, то с зоогеографической точки зрения я интересовался палеарктической областью. Остальными же зоогеографическими областями пренебрегал и до сих пор пренебрегаю. Но, по детским годам и свойственным детскому возрасту интересам, я вначале-то интересовался не какими-то областями, а размерами животных. Выискивал в Бреме наидлиннейших и наитяжелейших китов, какого размера достигают слоны, и наоборот, самых маленьких млекопитающих: есть ли млекопитающие меньше мыши-малютки и так далее.

Тогда же определились у меня и некоторые интересы более специфические: я стал «мокрым» зоологом, то есть меня больше интересовала водная и прибрежная фауна, чем чисто сухопутная.

В связи с «Жизнью животных» Брема, в связи с рыборазводней Шелюжки, в связи с собственными аквариумами у меня, конечно, развился интерес и к собственным экскурсиям на водоемы, не только на Днепр, но и на малые реки и пруды и сажалки, где я ловил всякую рыбную и нерыбную мелочь для своих аквариумов. Этим путем я привык к зоологическим экскурсиям, иногда довольно дальним, благодаря разумному отношению моего родителя к выращиванию собственного потомства: мне отец позволял после проверки любые, так сказать, пределы свободы. Дамский пол, взрослый конечно, протестовал против моего исчезновения на довольно опасные речки чуть ли не на целый день, а иногда и на часть ночи, боясь, что я утону. Как-то отец взял меня с собой на реку и еще до того, как я разделся, взял за задницу штанов и за шиворот, раскачал, бросил в реку и посмотрел, что будет. Я как рыба выплыл, в одеже еще раза два нырнул до дна, набрал там растений, вынырнул и вылез к нему благополучно с улыбающейся рожей. Он потом дамскому полу заявил, что он мне разрешает на любые пресноводные водоемы одному ходить, сколько мне вздумается и когда вздумается. И с тех пор я обрел (мне было тогда, наверное, лет 8-9) полную свободу экскурсирования в любых

[9] Альфред Эдмунд Брем (1829–1884) – немецкий зоолог и просветитель, автор популярного труда «Жизнь животных» (1863–1869) в 6-ти томах. На русский язык они полностью переведены в 1911–1915 гг. с иллюстрациями В.А.Ватагина.

направлениях и с любыми целями.

Так я подошел к зоологическим экскурсиям, и с аквариумов и «Жизни животных» Брема начались мои серьезные интересы в зоологии, а потом в естествознании вообще. Так же, как с чтения, как за границей их называют, Толстоевского – Толстого и Достоевского,– начались мои литературные интересы и кое-какие художественные интересы, которые потом развились довольно всерьез в область искусствоведения, главным образом живописи.

Теперь вот первые мои учителя зоологии уже всерьез. В Киеве, будучи гимназистом средних классов, я пристроился фуксом к только что организованной Днепровской биологической станции (фото), которой заведовал тогда очень хороший зоолог Беллинг[10], доцент, молодой тогда, Киевского политехнического института. Я работал на станции таким мальчишкой-препаратором во время, свободное не только от официального учения, но и от ухода за моими аквариумными рыбами, от собственных экскурсий и так далее. Времени мне тогда не хватало, действительно не хватало.

Потом-то, выросши, я увидел, что все взрослые обыкновенно врут, когда говорят, что не хватает времени. У большинства людей времени больше, чем надобно, особенно потому, что большинство людей не умеют оставаться одни, сами с собой, поэтому они тратят время на совершенные пустяки, а мне действительно тогда еще, в детстве, не хватало времени из-за зоологии.

Так вот, на Днепровской биологической станции я препараторствовал и помогал по уходу за экспериментальными посудинами, в которых Беллинг

[10] Дмитрий Евстафиевич Беллинг в то время был лаборантом Днепровской биологической станции и кафедры зоологии естественно-исторического факультета Высших женских курсов в Киеве.

разводил то, что ему нужно было в данный момент, и немножко привык к лабораторной обстановке. Тогда же я начал сам собирать коллекционный материал по карповым рыбам бассейна Днепра, собственно, не самого Днепра, а бассейна Десны, как известно, крупнейшего левого притока Днепра. Тогда же я, будучи еще, в сущности, мальчишкой, гимназистом четвертого-пятого класса, уже дотрепался в своих зоологических разговорах с Беллингом до действительно интересной проблемы, сводящейся к тому, что в геологически сравнительно недавнее время какие-то были перепутаны, путаницы в притоках, в левых притоках верхней Десны, принадлежащей к днепровскому бассейну, а посему к бассейну Черного моря, и в левых притоках Оки, принадлежащих волжскому бассейну, а Волга, как известно, все еще впадает в Каспийское море, несмотря на то, что сейчас прилагают все усилия, чтобы она больше никуда не впадала. Так вот, это, конечно, представлялось нам тогда, и мне, шибздику, представлялось очень небезынтересной проблемой: очень недавние связи между все-таки довольно различными по своим условиям, по своей водной фауне вообще и ихтиофауне в особенности волжским и днепровским бассейнами. Вот, собственно, Беллинг был первым моим учителем зоологии в Киеве.

Я хочу еще рассказать о нашем, ну что ли, культурном развитии в гимназическое время вне гимназии. В Киеве, в той компании, в которой я рос – отчасти это были гимназисты Первой гимназии, отчасти из других гимназий, включая всеми презираемую Науменковскую, несколько человек оттуда были у нас, в нашей компании. Старшими среди нас были уже первокурсники, а также первокурсницы Высших женских курсов. Насчет девушек – это вы не думайте… У нас в Киеве были, так сказать, конкуренции и вообще соревнования за хорошеньких гимназисток Фундуклеевской Мариинской гимназии. Она отличалась высоким процентом не только хорошеньких, но и настоящих красавиц. А я в жизни видел красавиц, и хорошеньких, и красавиц, и по-настоящему интересных женщин... Они вообще в мире не переводятся. Но почему-то Фундуклеевская Мариинская гимназия... Часть женских гимназий принадлежала ведомству императрицы Марии. Это были, пожалуй, в России лучшие женские гимназии, не министерские, а ведомства императрицы Марии[11], кажется, той императрицы XIX века, но не ручаюсь.

Так вот, значит, у нас были кружки в Киеве, довольно такие разнообразные по устремлениям и содержанию. Это были и компании, занимавшиеся

---

[11] В России с 1862 г. наряду с казенными (министерскими) и частными существовали открытые всесословные женские гимназии, содержавшиеся на средства государственной благотворительности. Они состояли при «Ведомстве учреждений имени императрицы Марии», начало которому было положено в 1797 г. Марией Федоровной (1759-1828), супругой Павла I. Другая Мария Федоровна (1847–1928) – тоже царствовавшая особа, супруга Александра III, в свое время стояла во главе управления ведомством и способствовала созданию училищ для девушек низших классов. Гимназия, о которой рассказывает Н.В., располагалась на углу Фундуклеевской и Елизаветинской улиц.

более или менее совместно спортом. Например, наша компания совершала во все свободные урывки времени, но более или менее длинные, экскурсии и иногда даже небольшие экспедиции в окрестности Киева. Рано завелись велосипеды, которые, кстати, я презирал. Я в молодости, и особенно в юности, презирал всякую цивилизацию, как я ее называл, включая велосипеды. Я считал для себя, зоолога, охотника и лесного человека, так сказать, велосипед... Но этих фундуклеевских гимназисток я отнюдь не презирал. И когда устраивались совместные более или менее большие велосипедные экскурсии куда-нибудь за тридцать пять – сорок верст по Житомирскому шоссе на речку Ирпень или куда-нибудь еще, я петушком рядышком пробегал это расстояние. Тогда мне 13-14 лет было.

То же самое наблюдалось в России, по-видимому, в начале XIX века, вот в пушкинских кружках и в пушкинской среде. Они ведь тоже в 14-15 лет были готовыми поэтами и всякая такая штука. Это потом 17-18-летние балбесы были еще детьми. Бывали и такие эпохи.

Так вот, я хочу сказать, что я в те времена здорово насобачился бегать. Житомирское шоссе, как известно, такими волнами – то вниз, то вверх. Вниз они меня на велосипедах, конечно, обгоняли, а в горку на велосипеде ехать, как известно, очень скучно, в горку я их обгонял. Но мы не состязались. Я просто без велосипеда вместе с ними куда-нибудь на Ирпень за тридцать пять верст убегал. Я еще вот десять лет тому назад, в возрасте почти 65-летнем... между прочим, Надежда Васильевна Реформатская не верила, не верила, а потом увидела это в Миассово[12], на Южном Урале: я, играючи, за лошадью в телеге, вернее впереди этой лошади, пробегал на так называемые дальние копи в заповеднике 10-12 верст бегом, и обратно то же самое. Компания, значит, на лошадях, а я бегом. Но я всегда спорт презирал. Вот там еще, в Киеве, началось это презрение к спорту, за исключением футбола.

Ну, а кружки заключались в том, что мы в свободное время собирались и, смотря по сезону и по умонастроению, устраивали какие-нибудь экскурсии – экспедиции. Еще в совершенно, я бы сказал, полудетском возрасте у нас были претензии на серьезность и научность. Мы прямо, так сказать, исследовали какие-нибудь малоисследованные речки или лесные массивы, собирали коллекции, читали доклады по прочитанной литературе. Некоторые делали доклады литературоведческого, так сказать, порядка о каких-нибудь писателях или поэтах, кое-кто выступал, так сказать, по актерской линии: читал стихи. Мы были довольно передовые. Тогда, в 11, 12, 13, 14 годах, мы, конечно, главным образом увлекались символистами и акмеистами в русской поэзии: Блок, Белый, Бальмонт. С другой стороны, появился тогда

---

[12] Н. В. Реформатская (урожд. Вахмистрова, 1901–1985) –литературовед, специалист по литературе XX века, друг Тимофеевых-Ресовских (см. очерк М. А. Реформатской и письма). Приезжая в 1956, 1959 и 1963 гг. в Миассово, она, как и многие другие, действительно была очевидцем подобных пробежек Н.В. А упоминается она в разговоре с В.Д.Дувакиным потому, что первоначально Виктор Дмитриевич, решив записывать рассказы Н. В., обратился к Надежде Васильевне за содействием.

Игорь Северянин со своими футуристическими стишками. Он, между прочим, как-то приезжал в Киев[13]. Мы всем кружком ходили его слушать и немножко даже публично поиздевались. Кто-то из нас был неплохой рифмоплет и приветствовал его в виде весьма злого сатирического подражания ему в стихах.

Многие приезжали. Маяковский там шатался с подсолнечником в петлице. Я видел его на Крещатике с Бурлюками, с расписанными мордами[14]. Ведь вы не забывайте, Маяковского канонизировали и иконку из него сделали. А был обыкновенный хулиган-футурист. А потом Бурлюки... нюха истории у них было меньше, чем у Маяковского. Маяковский, значит, вышел в классики советской литературы и особливо поэзии: «Нигде кроме, как в Моссельпроме», так сказать... и «От всего старого мира мы оставим только папиросы «Ира»». Я не люблю очень Маяковского. И, надо сказать, никогда ни Бурлюками, ни Маяковским не интересовался, даже тогда уже как-то не принимал. И так осталось на всю жизнь. Я потом довольно серьезно интересовался поэтикой и поэтами[15]. И до сих пор у меня убеждение, что это маленький человек, маленький поэт, вообще почти не поэт, а рифмоплет, который потом очень удачно рифмосплетал передовицу.

Мне, с одной стороны, может, и не повезло, а с другой стороны, очень повезло... В конце концов, я считаю, что мне повезло... Я во всех кружках наших, до 20-х годов уже, послеуниверситетских, всегда был ежели не самым молодым, то из младших. Я говорю «повезло», потому что тем самым я очень много от этих кружков получал. Дело в том, что в качестве младшего я принимал участие в, так сказать, мероприятиях, слушал доклады, участвовал в прениях людей значительно более образованных и старших по сравнению со мной. Это, конечно, меня довольно быстро развило в разных псевдонаучных направлениях, так скажем. Приучило сравнительно рано к серьезной литературе, к серьезным точкам зрения на разные вещи, понимаете? Это, конечно, очень важно. Одно дело быть сравнительно уже сформировавшимся молодым человеком и участвовать в кружке с мальчишками, а другое дело – мальчишкой участвовать в кружке молодых людей обоего пола. В некоторых отношениях ведь девчонки развиваются быстрее нас, мальчишек. Я говорю сейчас про возраст от 12-ти до 18-ти лет. Вот так что мы, с одной стороны, занимались экскурсиями, поездками, очень много на лодках ездили, меньшими компаниями. Я из Киева две очень интересных

---

[13] Поэт Игорь Северянин (1887-1941) мог быть в Киеве в 1913 г.

[14] В.В.Маяковский (1893–1930) приезжал в Киев зимой 1914 г. В прессе, обсуждавшей его выступления, отмечались и клейма на лице, заимствованные у уголовных типов (см.: Катанян В.А. Маяковский. Хроника жизни и деятельности. М., 1985. С. 84-85).

[15] Глубокий интерес Н.В. к русской поэзии подтверждают составленные им и собственноручно отпечатанные тринадцать машинописных сборников «Избранные стихотворения русской поэзии» (I–XIII. Бух, 24 октября 1940 – 24 августа 1942). Сборники сохранила Н.П.Кром и не так давно передала их М. А. Реформатской.

поездки проделал. В первый раз нас было трое, а во второй – четверо. Мы на реке Ирпень – правый приток Днепра, впадающий чуть посевернее Киева,– купили лодки, хорошие лодки за пятнадцать рублей, и прокатились по всему Днепру в Черное море. Через пороги, значит, с лоцманом, лодочку можно было на плот такой поставить за трешницу. И специальный плотовщик-лоцман проводил у правого берега через пороги.

Так докатились мы до Черного моря, поохотились в днепровских плавнях, там продали свою лодку за четвертной билет, потому что там степные безлесные места, лодки много дороже, и поступили юнгами на рыбацкие шхуны. Там в это время, весной и в начале лета, нехватка рабочих рук у рыбаков. Рыбаки-то черноморские раньше были наполовину рыбаки, наполовину мужики: у них было и крестьянство и рыбачество. По крестьянству как раз сенокос, а по рыбачеству – камбалу ловить надо. Так вот нас подрядили на три недели на камбалу юнгами. По четвертному билету каждому. Мы все гимназисты были. Ну, значит, мы три недели ловили камбалу. Прибыли в Одессу-маму, получили втроем семьдесят пять целковых, великолепно, комфортабельно там прожили дней десять и потом по железной дороге вернулись в Киев. Великолепная была поездка! Вторую поездку мы учинили вверх по Днепру, на Припять.

Значит, в этих кружках я и еще несколько человек занимались уже довольно рано довольно серьезной естественно-исторической работой. С 12-13-летнего возраста я был серьезным сборщиком биологического материала, главным образом птиц и рыб коллекционировал. Это были мои специальности в области позвоночных. И затем планктон: низшие ракообразные, водные блохи всякие, циклопы, дафнии... Вот такая штука. Вообще, я был преимущественно «мокрым» зоологом. Из птиц тоже всякую водоплавающую – дичь, чаек – всякую такую штуку любил. А прочих менее любил. Как у настоящего зоолога, у меня были любимые, были нелюбимые группы животных. У настоящих зоологов и настоящих ботаников всегда имеются любимые и нелюбимые систематические группы.

Мне очень помогало то, что с малых лет и до теперешнего времени у меня постоянно бывали периодические, иногда краткосрочные, иногда долгосрочные увлечения чем-нибудь. Я всегда говорил своим ученикам и молодым человекам: «Плохо, когда человек теряет любознательность». Любознательность – великая вещь. Но, к сожалению, многие люди рано очень теряют любознательность, а у других заменяется... мужская любознательность женским любопытством. Любопытство – это порок. Есть даже старинная русская поговорка: «Любознательность – доблесть мужчин, а любопытство – порок женщин». Так вот я и тогда периодически увлекался всякой всячиной. И во время увлечений по довольно серьезной тогдашней научно-популярной литературе я соответствующие вопросы в меру сил, так сказать, осваивал. И это было мне, конечно, полезно для накопления того, что можно назвать ориентировочными знаниями.

Для людей, претендующих на какую-нибудь умственную деятельность, необходимой предпосылкой является некоторый достаточный минимум ориентировочных знаний об окружающем в разных направлениях. В этом

отношении я всю жизнь наблюдал и сейчас наблюдаю, что вот ваш брат, гуманитарий, в невыгодном, по сравнению с нами, естественниками, положении оказывается. Я говорю, конечно, не о массовом человеке. Большинство ведь гуманитариев бесконечно менее образованы, чем мы, и обладают значительно меньшим ориентировочным знанием. Это, конечно, остаток традиций XIX века, когда ведущим культурным уровнем были гуманитарные дисциплины.

Видите ли, в XX веке ситуация резко изменилась, резко изменилась, так сказать, физическая картина мира. Физическая картина мира ХУП1-Х1Х веков была легкодоступна любому человеку, даже скверному поэту. Скверный поэт, прослушав пару популярных лекций, мог уже представить себе физическую картину мира. В начале, в первой четверти XX века физическая картина мира резко изменилась. Я говорю не про прикладную часть: техника, «косметика» – летают в космос, электростанции строят... Это все прикладное, несущественное. Уже, так сказать, конечное приложение. А именно физическая картина мира резко изменилась. Сейчас мы, естественники, те из естественников, конечно, которые не просто какие-нибудь зоологи, ботаники, химики вонючие или там геологи ползучие, а люди, которые интересуются, работают, чувствуют себя в сфере современных естественнонаучных идей и современной научной картины мира, мы ведь находимся в совершенно ином положении. Сейчас и серьезные философские проблемы отнюдь не гуманитарные, а естественнонаучные и математические.

У вас, гуманитариев, до сих пор считается чистой философией, скажем, примитивный какой-нибудь материализм. Совершенно наплевать, это материализм диалектический или исторический, или, как это называется, грубый материализм, ведь это все чушь собачья, так же как и деление на материализм и идеализм, как деление на метафизику и не метафизику. Ведь не только наши господа философы, но и многие «загармоничные» философы-профессионалы до сих пор думают, что существует метафизика. И существуют некие идеалистические системы философии, которые – не метафизика. А ведь это такая же метафизика, как и идеалистическая философия. Методологически не отличается от любой другой метафизики. Всякое философствование онтологического типа есть метафизика. А сейчас современная естественнонаучная картина мира, она совершенно сближена и родственна философской метафизике, метафизике в общем смысле. Наша естественнонаучная картина мира ближе всего, пожалуй, к платонизму. Конечно, сейчас наша естественнонаучная картина мира с точки зрения примитивных, детских классификаций университетских профессоров-философов XIX, да и XX века, в общем, должна быть обругана «идеализмой». К счастью, мы тогда уже многое из этого понимали.

Я говорю, что мне повезло: я был младшим. И благодаря этому я имел возможность с помощью старших товарищей познакомиться со всем этим очень рано. Я еще не был в пятом классе, когда, так сказать, разбирался в философии. С другой стороны, мы вот спортом занимались, хотя я спорт презирал, как я уже говорил. Нет, футболистом был всерьез, а из прочего спорта... Однажды мне очень не повезло. Как раз в Киеве, на Днепре, был

яхтклуб, а рядом спасательная станция. Станция Императорского общества спасания на водах. Так как я с детства плавал как рыба, то с 12-13-ти лет был членом этого Императорского общества спасания на водах. И весной в качестве гимназистика дежурил на спасательной станции. Ну, и вылавливал всяких дураков, которые топли. Особенно всяких девиц и молодых человеков, которые пробовали романтику... Еще лед не прошел, а они на лодочке выплывали. А в лодочках, узеньких гребных лодочках, целоваться нужно очень умеючи. Это требует разработанной техники и опыта. И каждому дураку не дадено. И вот много парочек таких опрокидывалось. Их потом, дураков, нужно было из крайне холодной воды вытаскивать. Вот это тоже было наше занятие.

А рядом с нами находился днепровский яхтклуб, у которого была очень сильная команда гребцов. Вы знаете, на подвижных лодках этих, узеньких? Прекрасная восьмерка. Она одно время была на первом месте в России, била и петербуржцев, и финнов. И вот обыкновенно на Днепре первая большая регата весной, еще не совсем сошла талая вода. Не помню, в 13-м, кажется, или в 14 году это было... Прямо перед состязанием, сходя по лестницам к причалу, один из дурачков из этой нашей восьмерки поскользнулся и сломал себе руку. И либо нашей знаменитой восьмерке выпадать из состязаний, либо что-то взамен. Так как я был приятелем всей этой компании, меня уговорили: «Ну, надо...» Грести я мог, но никогда спортом этим не занимался и презирал. И вот сел я на место этого дурака, который руку себе сломал. Так я до сих пор не помню, как меня на финише вытащили. Мы что-то на корпус или на два корпуса оказались все-таки впереди. Несмотря на меня, они выиграли. Но я думал, что помру. Ведь надо же в темпе и под водой весло протягивать. А это страшно трудно без тренинга.

Ольга ПЕТРОВА

ШАЛЕНСТВО В КУБІ. КИЇВСЬКІ АДРЕСИ ОЛЕКСАНДРИ ЕКСТЕР

Дзеркало тижня 23 травня, 2008
dt.ua/CULTURE/shalenstvo_v_kubi__kiyivski_adresi_oleksandri_ekster.html

У міжнародну «Ніч музеїв», коли двері сховищ мистецтва відкриті для відвідувачів у всіх музейних центрах Європи, «амазонка авангарду» – Олександра Екстер (1882-1949) повернулася до рідного Києва...

У міжнародну «Ніч музеїв», коли двері сховищ мистецтва відкриті для відвідувачів у всіх музейних центрах Європи, «амазонка авангарду» – Олександра Екстер повернулася до рідного Києва. Нинішнього року Україна приєдналася до європейського свята «Ніч музеїв» виставкою великої співвітчизниці, чиє ім'я було під забороною на батьківщині з 1924 року.

Прелюдією вернісажу стала демонстрація Art-Fashion колекції, створеної дизайнером Лілією Пустовіт за мотивами кубофутуризму О.Екстер. Глядачів вернісажу занурили в естетику авангарду початку ХХ століття як роботами О.Екстер, так і фільмом режисера Я.Протазанова «Аеліта» (1924 р.).

Проходячи вулицею Богдана Хмельницького вздовж київського Театру опери і балету, дивлюся на вікна верхнього поверху будинку, що навпроти (колишня вул. Фундуклеївська, 27), наче сподіваюсь побачити там жіночу постать. Вікна затемнені. Чи то квартира ненаселена? Чи то мені не щастить під час моїх прогулянок? Проте вже ввійшло в звичку дивитися на ті вікна, за якими на самому початку ХХ століття розташовувалася студія маляра Олександри Екстер. Тут вирувало творче життя. Колеги й учні Екстер – Да-

вид Бурлюк, Вадим Меллер, Ісаак Рабинович, Аристарх Лентулов, Олександр Богомазов і багато інших – були творцями українського і російського авангарду. У гостинній майстерні в бурхливих суперечках зароджувалися маніфести модернізму ХХ століття. Про це розповів мій учитель – маляр Григорій Хижняк, який відвідував студію. Він же показав мені вікна мансарди, яку справедливо можна було б назвати академією авангардизму 1910–20-х років. Великий поет ХХ століття Анна Ахматова писала Валерію Брюсову про О.Екстер як про майстра, «зі школи якої вийшли всі ліві художники Києва». Красуні Екстер присвячений вірш Ахматової «Старый портрет»:

«Тонки по-девичьи нежные плечи,
Смотришь надменно-упрямо.
Тускло мерцают высокие свечи,
Словно в преддверии храма.
…………………………………..
В чьих это пальцах
дрожала палитра
В этом торжественном зале?»

Автори монографій і статей, присвячених творчості Олександри Олександрівни Екстер, підкреслюють аристократизм її натури, властиву їй стриманість, заглибленість у живопис. Проте мій учитель, розповідаючи про епатажне життя київської богеми тих років, пригадав про знамениту ходу Хрещатиком оголених революціонерів від мистецтва. Лише стрічка з написом «Геть сором!» прикривала наготу. Серед ентузіастів ходи, що шокувала скромних обивателів, була й Олександра Екстер. Утім, коли це не легенда, а факт, то він не був типовий для художниці – метою її життя був живопис.

«Наскрізь француженка»

Ще з часів романтиків XIX століття, котрі у французьку літературу й на підмостки сцени ввели образ богемного художника, одержимого творчістю, це стало розхожим штампом, коли йшлося про людей творчої праці. Ця ситуація жодною мірою не стосувалася Олександри Екстер у роки її молодості.

У 23 роки (1906 р.) вона вийшла заміж – починався щасливий, хоча короткий (чоловік помер 1918 року) період її життя. Талановита, гарна, завжди доброзичлива й привітна як до друзів, так і до учнів, Олександра Григорович (дівоче прізвище) стала дружиною свого кузена – Миколи Євгеновича Екстера – респектабельного адвоката з хорошою практикою. Стабільний матеріальний добробут дозволяв Олександрі не тільки меценувати талановитих колег, а й подовгу жити в Парижі.

Зі столиці мистецтв у Київ Екстер привозила європейські віяння: фовізм, експресіонізм, а головне – кубізм. Вони розбурхували уми завсідників її студії-школи, швидко прижилися на київському грунті. В мансарді Екстер проростав український кубофутуризм, ін’єкцію якого художниця одержала з рук творців цього авангардного напряму Пабло Пікассо й Жоржа Брака. З ними її 1907 року познайомив поет і теоретик новітнього мистецтва Гійом Аполлінер. Відкриття кубізму починало переможну ходу в Парижі, а з легкої руки Екстер – й у Києві, Одесі, Москві.

Кубізм, у якому зображення реальних предметів подане у вигляді геометричних об'ємів, захопив уяву Екстер, чутливої до нового. Ясна логіка кубізму виявилася рідною складові розуму Олександри. Саме український (екстерівський) варіант кубізму – кубофутуризм був знаком її зрілого стилю й причиною заслуженої слави. Вона не наслідувала сліпо паризькі впливи. Її пошуки, логіка, виняткова вимогливість до себе були типово слов'янськими. «Західництво» Екстер збагачене українським колоризмом.

Книжкою «Півтораокий стрілець» Лівшиць вводить нас у дім подружжя Екстер: «Рано вранці я, як було напередодні домовлено, приїхав з речами на квартиру Екстер… Олександра Олександрівна ще спала. Світло-оранжева вітальня, завішана нюрнберзькими барельєфами, була єдиним місцем в усьому домі, де око відпочивало від вакханалії барв… Екстер, яка щороку жила в Парижі місяцями, наскрізь «француженка» в своєму мистецтві». Захоплений живописним темпераментом Олександри Олександрівни, автор книжки каже: «Це було безупинне творче горіння, що обривалося лише уві сні».

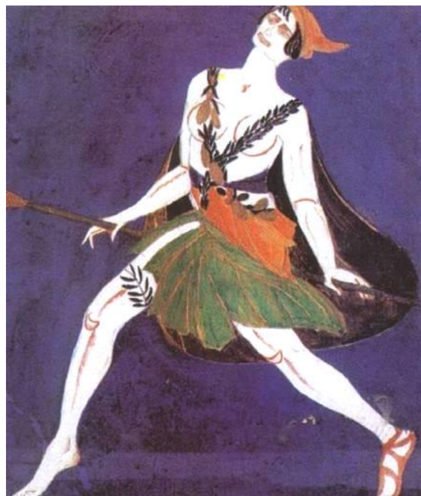
1923 року, працюючи над ескізами декорацій для Камерного театру, Екстер писала режисерові Олександру Таїрову: «Я перенесла макет сцени до спальні, щоб думати про спектакль навіть уві сні...»

Життєва історія художниці – сучасниці революційних зламів і катастроф – не була безтурботною. Тим більше що після ранньої смерті чоловіка художниця залишилася без засобів до існування, без житла й навіть без картин, які їй не повернув свекор. Проте поруч були друзі, учні. Виручала викладацька робота й замовлення в театрах Москви і Петрограда. До 1918 року вона була визнаним майстром. Життя художниці, сповнене бур і розчарувань, закінчилося в еміграції.

Єдиним її захистом від нерозуміння, від інтриг заздрісників і духовно чужих людей, від туги за батьківщиною, особливо нестерпної в останні роки життя, був лише живопис. Екстер була несамовита в мистецтві, одержима ним, у ньому вона черпала сили й оптимізм. Він є в усіх її полотнах. Картини й декорації, виконані в стилі кубізму, повні живої емоційності. Вони ніколи не залишаються скелетом чи схемою предмета, побаченого в природі, а постають його формулою.

Уявіть собі або поставте перед собою кришталевий графин з коштовного венеціанського скла і подивіться на світло крізь ці грані – так ви ліпше відчуєте живопис Екстер! У полотні «Венеція» (1915 р.) місто мостів і каналів побачене художником крізь грані кришталю. У картині чаклунське місто постало як «нова реальність». Секрет чарівності живопису Екстер відкривається в гамі тонких ліричних відчуттів, так само як і у вишуканому колориті й тональних відтінках.

Москві й насамперед Камерному театру О.Таїрова належить головна сторінка в житті О.Екстер як декоратора спектаклів. У Москві вона бувала часто як учасник виставок «Бубнового валета» (1913 р.) та інших у 1916–1924 роки, проте театральні декорації до спектаклю «Ромео і Джульєтта» затьмарили її власну славу живописця. Досвід погляду на світ крізь грані кришталю досяг тут кульмінації. Ці декорації вразили московську театральну публіку феєричним видовищем кубістичних конструкцій і колірних мас.



Александра Экстер. Театральные костюмы Фундуклеевская улица. 1911

Зухвалість новизни й пошуку в Екстер були в крові. У Києві у 1916 році вона розписувала оголені тіла акторок для театральних постановок. Можна вважати, що вона відкрила боді-арт. «За більшістю полотен видно, що її живопису тісно в рамках, що художниця наділена даром конструювати у просторі. Хіба ж міг я не шукати з нею союзу…» – сказав О.Таїров. Після «Ромео і Джульєтти» Олександра Олександрівна стала найпершою історичною постаттю авангардного театру. А.Ефрос тоді писав: «Спектакль пройшов би й

зовсім безслідно, якби… Внутрішнє убрання театру до цієї прем'єри набуло незвичайного вигляду. Вестибуль, сходи, фойє, врешті, сам портал сцени були вкриті суцільним, чіпким, добротним кубофутуристичним живописом… Зсуви і розриви розписів Экстер, виконані з гарячою, скажу – пристрасною переконаністю, охоплювали нас своїм пафосом відразу ж біля входу, вели наверх, проводили в фойє і замикалися в глядачевому залі… Ритми, підхоплені зламами форм балконів, інших архітектурних форм, підкреслювались і примножувалися в рисунках театральних костюмів. Геометричні площини, прикріплені до каркасів, возносили в простір сцени свої складки, спіралі й округлості».

Це була новаторська видовищність, що майже звела до нуля режисерські знахідки, затьмарила гру красуні Аліси Коонен. Примадонна, до того ж дружина О.Таїрова, не простила О.Екстер її приголомшливого успіху. Таїров, перед мистецтвом якого Екстер схилялася, більше її до співпраці не запрошував. Успіх, конфлікт і травма від розриву з Таїровим були нерозлучні. Глибокий стрес став приводом для від'їзду Екстер у Париж назавжди.

Із Парижа, з любов'ю

А далі були виставка Екстер у Франції, Берліні й Нью-Йорку, Лондоні й Оттаві. 1929 року – участь у київській виставці «Український живопис XVI–XX століть», що проходила в музеї імені Т.Шевченка. Олександра Олександрівна писала полотна, працювала в паризьких театрах, викладала, захоплювалася керамікою. При професійному успіху в Європі вона думала про Україну, тужила за Києвом. Вона згадує, як 1919 року разом із друзями писали етюди на Трухановому острові рано вранці, «коли світило в цей ранній час, скупавшись у Дніпрі, бадьоро, свіжо йде в глиб усієї України».

Не забула вона й досвіду «монументальної пропаганди» у революційній Одесі, підготовку міста до святкування 1 Травня. Особливо дорога була пам'ять про роботу в селі Вербівка, де Екстер робила розписи разом із народними майстрами. Цей досвід ліг в основу її почуття декоративного. Національний інстинкт художниці, котра виросла в атмосфері української культури, Екстер зберегла, працюючи й у Європі. У маленькому будиночку художниці під Парижем, що потопав у кущах дрібних кучерявих троянд, була майстерня. Тут вона створила чарівної краси керамічний посуд, що вражав око перетвореними на кубістичну форму українськими мотивами.

Почуття туги за батьківщиною, за друзями було в Екстер постійним. Не випадково всі, хто знав Екстер, хто писав про її творчість, зазначали мотив «ковдри» у полотнах і декораціях. Мистецтвознавець Ж.-К. Маркаде говорить про українські корені її футуризму, про сліди київського бароко.

Коли востаннє ви відвідували Кирилівську церкву в Києві? Ввійдіть у неї й придивитеся до ритмів фрески XII століття «Ангел, що звиває небо». Тут знайдеться магічний знак і ключ до розуміння й замилування живописом Олександри Екстер.

КАК ЛЮБИТЕЛЬНИЦА УКРАИНСКОГО БОРЩА АННА СТЭН ПОКОРИЛА МОСКВУ И ГОЛЛИВУД

kulturologia.ru/blogs/210518/39035

Ей посвящал песни Вертинский, ею восторгались Станиславский и голливудские продюсеры, ее прочили на место Греты Гарбо. Зрители в Москве, Берлине и Нью-Йорке спешили в кинотеатры, увидев на афишах ее имя. Судьба киноактрисы Анны Стэн полна таких парадоксов, необычных поворотов и исключений из правил, каких не выдумать ни одному сценаристу.

Амбициозная киевлянка

Вокруг ранних лет Анны Стэн существует ореол недосказанности: так, по одним данным она родилась в Киеве в 1906 г., по другим – в 1908-м. Сама она рассказывала журналистам, что ее умерший в 1917 г. отец был художником в театре, но есть версия, что он работал приказчиком в обувном магазине. Одно известно точно: в киевский период жизни в паспорте будущей голливудской дивы было написано несколько иное имя – Анна Петровна Фесак. Аня училась балету, но вынуждена была оставить учебу: денег не хватало, пришлось пойти в билетерши. В середине 1920-х Анна сумела окончить театральный техникум и ее пригласили в Малый театр, где – опять же, по словам Анны – ее увидел сам Станиславский и позвал в Москву.

Анна не задумывалась ни на минуту: московские перспективы были несравнимы с киевскими. В 1926 г. она переезжает в столицу, начинает играть в Первом рабочем театре и знакомится с молодым режиссером Федором Оцепом.

Актриса и режиссер

Анна была красавицей не только по меркам той эпохи: правильные черты лица, унаследованные от матери-шведки голубые глаза и белокурые волосы, стройная фигура. Неудивительно, что Оцеп влюбился в нее с первого взгляда. Год их знакомства стал для Оцепа поворотным: он снял боевик "Мисс Менд", ставший самой кассовой кинолентой 1920-х в СССР. В его следующем фильме – "Земля в плену" (1927) – главную роль сыграла Анна, приобретшая к тому времени звучный псевдоним "Стэн". В том же 1927 г. Оцеп и Анна поженились.

Это был второй фильм Анны: первым стала лента Барнета "Девушка с коробкой". Если в "Земле в плену" восходящая звезда сыграла крестьянку, а в "Девушке с коробкой" – модистку, то в третьем фильме, "Провокатор", ей довелось перевоплотиться в дореволюционную террористку. Во всех образах Анна была столь убедительна, что среди ее поклонников появились не только рядовые зрители, но и знаменитые актеры. В фильме "Белый орел" она сыграла вместе с В.Качаловым и В.Мейерхольдом.

К концу 1920-х Анна становится подлинной звездой советского немого кино: ей подражают, о ней пишут, ей непрерывно поступают предложения все новых ролей. Неизвестно, решилась бы Анна на переезд в Германию в 1930 г. или нет, если бы не муж. Федор Оцуп перебрался в Германию после

успеха своей совместной немецко-советской картины "Живой труп". Ему предложили снять фильм "Убийца Дмитрий Карамазов" по роману Достоевского, и в главной женской роли он видел только Анну.

Голливуд

Роль Грушеньки, лукавой и обольстительной подруги старшего из братьев Карамазовых, сделала Анну звездой европейского масштаба, но в Германии она не задержалась. Снявшись в нескольких фильмах, она перебралась за океан, откликнувшись на приглашение С. Голдвина, знаменитого продюсера и создателя трех киностудий.

Планы Голдвина были поистине наполеоновскими: он намеревался превратить талантливую актрису в соперницу Греты Гарбо. Для Анны наняли нескольких учителей английского, в прессе развернули дорогостоящую рекламную кампанию. Едва освоив язык, Анна начинает сниматься. Голдвин специально подбирает беспроигрышные, по его мнению, сюжеты: в "Нана" по роману Золя Анна играла знаменитую куртизанку, в "Мы снова живы" – Катюшу Маслову. Ее партнерами на экране становятся знаменитые актеры – Ф.Марч, Г.Купер. Но, несмотря на все усилия актеров и режиссеров, успешным стал лишь третий фильм Анны – "Брачная ночь". В 1935 г. он получает приз на Венецианском фестивале, причем критики дружно отмечали великолепную игру актрисы.

Триумф и спад карьеры

В средине 1930-х Анна была в зените славы: ее включали в списки самых красивых женщин мира, называли одной из самых стильных актрис. Но за подъемом следует спад. Первым звоночком стал разрыв контракта: Голдвину не понравилось, что фильмы с Анной приносят недостаточно прибыли. Он хотел посадить её на диету, но Анна не собиралась отказывать от борща, селёдки в сметане и шашлыка. Голдвин был не единственным продюсером в Голливуде, и Анна продолжала сниматься – правда, все чаще на вторых ролях. Она играет на Бродвее, участвует в радио-шоу.

В своем последнем фильме Стэн снялась в 1962 г. От последующих предложений она отказывалась: хотела остаться в памяти зрителей красавицей, а не старухой. К тому же много времени отнимало преподавание в актерской студии и новое хобби – живопись. В 1960-70-х с успехом прошло несколько ее выставок.

Актриса скончалась в 1993 г. от сердечного приступа. Вопреки всем прогнозам, Анна Стэн так и не стала второй Гарбо, она промелькнула на небосклоне Голливуда как комета, но ее имя вошло в историю американского кино. А в интервью, данном незадолго до смерти, она сказала, что ни о чем не жалеет и рада, что сумела остаться собой.

У «Варшавському кафе» на Лютеранській, на місці нинішнього будинку № 3, можна було зустріти відомих акторів, письменників, журналістів. Кава тут була не гірша, ніж у Семадені, зате ціни значно доступнішими. Одна з кімнат була відведена для гри в шахи, що створило закладу популярність серед численних шахістів міста: у «Варшавському» в них був «клуб за інтересами». У шахи билися допізна, замовляючи каву, чай, вино, коньяк, так що в результаті задоволеними залишалися і відвідувачі, і власники

Яна ПЕТРУНІНА
ТАЄМНИЦІ ВУЛИЦІ ЛЮТЕРАНСЬКОЇ. ТАРНОВСЬКІ
1 березня 2016 ***ukrainianpeople.us/таємниці-вулиці-лютеранської-тарнов***

«Цірцея, люта чарівниця і дуже злая до людей»

Київ – це величезна історична книга, його пагорби могли б розповісти й те, що трапилося вчора, і те, що було тисячу років тому. Київська земля пам'ятає посмішки, сльози, кроки, дотики, обійми; трагічні й щасливі долі.

Зокрема, вулиця Лютеранська в Києві має дуже цікаву історію. Нещодавно цієї вулиці торкнулися події, пов'язані з Євромайданом, адже вона знаходиться в центрі столиці, поряд з Хрещатиком і Банковою. Саме Лютеранська посилено охоронялася в грудні 2013 року спецназом, а пізніше там вже розташувалася барикада Самооборони Майдану. Але ми звернемося до більш давніх часів.

Понад сторіччя тому, в 19 столітті, на вулиці Лютеранській мешкали та відпочивали аристократи і видатні особистості. В кафе «Варшавське» грав у шахи письменник Микола Старицький, автор п'єси «За двома зайцями». Саме тут був прокладений перший телефонний дріт у Києві. У будинку № 1, якого вже немає, в 19 столітті діяло фотоательє Влодзімежа Висоцького, в якому фотографувалася Леся Українка. А в будинку № 33 до свого заміжжя

мешкала з батьками чарівна дівчина. Слава цієї української красуні, була жахлива і майже містична.

Наприкінці літа 1907 року у казковій Венеції, яка завжди схожа на дивний сон, відбулося гучне вбивство. Вельми збуджений пан, на прізвище Наумов, прибув на гондолі до графа Комаровського, видерся в його спальню і вистрелив у нього п`ять разів. По гарячих слідах поліція з'ясувала, що напередодні своєї поїздки до Італії граф Комаровський застрахував власне життя у Відні на півмільйона франків, бо його дуже впевнено переконала це зробити якась графиня Марія Тарновська. Дуже вродлива пані деякий час супроводжувала чоловіка у мандрівках.

Марія Тарновська й була тією жінкою, яка свого часу мешкала на вулиці Лютеранській в будинку № 33.

20 лютого 1910 року у Венеції почалося слухання справи, що була пов'язана з цим заплутаним та драматичним вбивством. Метою убивства, очевидно, було отримання великої суми грошей. У місто прибували кореспонденти численних італійських та іноземних газет. До будівлі суду, яку оточила юрба народу, підсудних везли в гондолах. До зали впускали тільки по квитках. Уся увага була прикута до пані Марії, в дівоцтві О'Рурк, пращурами якої, як стверджують, були Стюарти.

Вона уміло навіювала якісь чари на чоловіків і штовхала їх у могилу. Вважалося, що красуня неодноразово убивала своїх коханців, нацьковуючи ревнивих чоловіків один на одного, з метою заволодіти їх капіталами. "Нью-Йорк Таймс" зробив найбільш сенсаційну заяву про графиню: "Фатальна жінка, зі звичайною для неї свитою закоханих чоловіків, з'явилася знову. Як і в усіх подібних випадках, вона вродлива, егоїстична, безжалісна і жорстока. Принаймні, шість чоловіків погубило себе через неї".

Марію, яку її шанувальники нерідко порівнювали з янголом Ботічеллі, везли до суду на чорній гондолі. Карабінерів, які охороняли неймовірну красуню, змінювали щодня, побоюючись, що вони можуть закохатися в цього демона з дивним обличчям. Завдяки сенсаційному судовому процесу, Марія Тарновська стала вельми відома. Її ім'я було на перших шпальтах світових газет з одного та іншого напряму від Атлантики.

Як би там не було, італійський суд визнав Марію Тарновську винною в декількох брудних інтригах. Її засудили до восьми років і чотирьох місяців в'язниці. У 1912 році італійська письменниця Анна Віванте написала про графиню художню книгу "Цірцея" (твір востаннє був виданий в Італії у 2011 році). На суді Тарновська стверджувала, що вона – безневинна жертва свого колишнього негідника-чоловіка, який вів непорядне життя та розбестив її.

А колишнім чоловіком цієї фатальної жінки, про спокусливу зовнішність і підступність якої так багато говорили й писали, був Василь Васильович Тарновський.

«Добре ім'я – найкраще багатство»

Нам відомо про чотирьох Василів Васильовичів з родини Тарновських.

Один з них – син Марії Миколаївни Тарновської, венеціанської Цірцеї. Після розлучення батьків у 1904 році хлопчик залишився з матір'ю, про йо-

го долю немає ніяких відомостей.

Другий – чоловік Марії, Василь Тарновський (Васючок), який після кількох дуелей через дружину і гучного розлучення з нею, справно виплачував їй гроші на утримання сина і самостійно виховував доньку Тетяну. Саме його Марія звинувачувала в тому, що він зламав їй життя.

Третім Василем Васильовичем Тарновським був свекор Марії Миколаївни – Тарновський (молодший) (1837–1899 роки).

А четвертим – батько свекра, Василь Васильович Тарновський (старший) (1810-1866 роки). Саме ці два Василя, "старший" і "молодший", відомі як меценати, зберегли безліч духовних та матеріальних цінностей нашої нації.

Збирати свою історичну колекцію, пов'язану з історією України, Василь Тарновський (молодший) розпочав у 18 років і захоплювався цим все життя. Навіть перебуваючи в Москві, юнак одягав національний одяг. Письменниця і поетеса Марко Вовчок у листі до свого чоловіка в 1857 році описала свою зустріч з хлопцем: "Бачила Василька Тарновського в синіх шароварах, в сорочці вишитій і чумарці, привітав нас люб'язно …".

Спочатку Василь купував цінності, пов'язані з історією України, у панів, на ринках, шукав по селах. Потім він знаходив їх і на розкопках. Найбільш раритетними і відомими речами його колекції були особисті речі Івана Мазепи і шабля Богдана Хмельницького, корогви Війська Запорізького. Варто додати, що саме захоплення цього мецената надихнуло Іллю Рєпіна створити свою відому картину «Запорожці пишуть листа турецькому султану».

Саме цьому славетному меценатові українці повинні завдячувати тим, що в Чернігові зберігається безцінна колекція старожитностей, а в Україні є Національний музей Т. Г. Шевченка.

У 1897 році Василь Тарновський (молодший) продав свій маєток у Качанівці та оселився в Києві у будинку №48 на розі вулиці Великої Володимирської та Театральної площі (праворуч від Національної опери України). Туди він перевіз і колекцію свого музею.

«Любітеся, брати мої, Украйну любіте»

Велика родина Тарновських зворушливо вшановувала Кобзаря та піклувалася про нього. Першим зацікавився творчістю і малюнками Шевченка Григорій Степанович Тарновський, який підтримував талановитих митців. В гостях у нього бували Михайло Глинка і Микола Гоголь. Саме Григорію Тарновському, одному з перших, Шевченко прислав поему «Гайдамаки». Шевченко був ніжно закоханий у чарівну племінницю Григорія Тарновського Надію (1820-1891 роки). Пізніше він стане її кумом та присвятить їй вірш «Великомученице, кумо!».

Свою спадщину і маєток у Качанівці бездітний Григорій Степанович залишив двоюрідному племіннику, переконаному борцю проти кріпацтва, Василю Васильовичу Тарновському (старшому), який познайомився з Тарасом Шевченком в гостях у свого дядька в 1843-45 роках. Якраз в цей час Тарас передав Тарновським одну зі своїх найкращих робіт – поему "Катерина". Шевченко неодноразово був присутнім на літературних вечорницях, які Тарновські влаштовували в Києві, а під час арешту Кобзаря родина переховувала його вірші. Щоб підтримати генія, Василь Тарновський (старший) купував його малюнки. Саме це поклало початок сімейної традиції колекціонування творчої спадщини українського генія.

Василь Тарновський (молодший) продовжив традицію колекціонування свого батька. Саме він зберіг для України більшість творів Тараса Шевченка, його картини та особисті речі. Крім цього, він знаходив публікації про поета та додавав їх до альбому. Після смерті Шевченка Василь Тарновський (молодший) взяв на себе усі витрати, пов'язані з похованням, і доглядав за могилою на Тарасовій горі в Каневі. Щороку Василь Васильович влаштовував великі поминальні обіди та був присутнім на кожному із вечорів, які присвячувалися Кобзареві київською Літературно-артистичною громадою.

Відчуваючи наближення смерті, Тарновський складає свій власний заповіт: «… колекцію мою малоросійських старожитностей … а також зібрання речей, паперів, книжок та всього, що стосується пам'яті поета Шевченка, я заповідаю у власність Чернігівському губернському земству, без права відчуження та переміщення їх з міста Чернігова, з тим, щоб музей називався моїм ім'ям». Таким чином, багато цінних речей, зібраних свекром фатальної красуні Марії Тарновської, були збережені для українського народу.

Василь Тарновський (молодший) помер в 1899 році, так і не побачивши свій музей. Але останню волю померлого було виконано.

У той час його синові Василю, який вже був одружений на Марії Тарновській, було 27 років. Він не став продовжувати важливу справу свого батька, проте його дочку Тетяну можна по праву вважати послідовницею діда. Завдяки цій чудовій жінці, яка померла в 1994 році, до Чернігівського музею потрапило багато цінних, історичних речей. Записи онука Марії Тарновської, сина Тетяни, про свого дідуся Василя (Васючка) теж сповнені любові.

«Фіґлярство» на сцені здавалося Василю Тарновському (молодшому) поганим смаком, тому його син Василь приховував своє сценічне ім'я під численними псевдонімами. Доньці Василь Васильович (Васючок) дав ім'я Тетяна тому, що у день її народження співав Онєгіна.

Після жовтневого перевороту Василя Васильовича двічі відвідували чекісти. Чоловік мав таку витончену зовнішність, що відразу сприймався як «буржуй». Тому йому довелося терміново емігрувати, а його доросла дочка Тетяна Василівна, закохана в той момент в одного зі своїх співвітчизників, залишилася на Батьківщині. Василь Тарновський помер за кордоном, його поховали в Берліні у 1932 році.

Про безцінні духовні та матеріальні скарби, які зібрала для українців родина Тарновських, можна розповідати багато. Так само довго можна розмірковувати про те, що саме зруйнувало щастя Василя і Марії Тарновських, однієї з найкрасивіших київських подружніх пар. Минулого немає, воно промайнуло, відлетіло, як жовте листя осені, розтануло, як березневий сніг.

Під час судового процесу над Марією Тарновською адвокати нагадували публіці про «загадковість слов'янської душі». Не існує ніякої загадковості. Немає її. Все це вигадка. І жоден злочин не виправдати ніякими легендами.

Михаил КАЛЬНИЦКИЙ

ПРОЦЕСС МАРИИ ТАРНОВСКОЙ

the-city.kiev.ua/ru/article/protsess-marii-tarnovskoy-68

Женщина, о которой пойдет речь, несколько лет кряду была в центре внимания всей Европы. Ее фотографии переполняли иллюстрированные журналы. О ней написаны книги, невероятное множество статей. На театральных сценах ставились пьесы из ее жизни. Знаменитый поэт Игорь Северянин посвятил ей сонет. Эта роковая женщина жила в Киеве. Ее имя – Мария Николаевна Тарновская.

По рождению она принадлежала к верхушке местной аристократии. В жилах ее отца, графа Николая Морицевича О'Рурка, текла королевская кровь; предки его находились в родстве с ирландскими отпрысками Стюартов. На русской службе графы О'Рурки состояли с XVIII века. Сам Николай Морицевич был морским офицером. Весной 1872 года отставного капитан-лейтенанта графа Николая О'Рурка прикомандировали к «аппарату» Киевского, Подольского и Волынского генерал-губернатора. Его супруга Екатерина Петровна была дочерью местного вице-губернатора, предводителя дворянства Киевской губернии и известного композитора-аматора Петра Селецкого. В такой родовитой семье и родилась в июне 1877 года дочь Мария. Проживала семья в доме по ул. Лютеранской, 33.

Родители и старшие братья называли девочку «Манюней», это прозвище впоследствии употреблялось и в обществе. С годами Манюня превратилась в худощавую, высокую, гибкую девушку, в которой с первого взгляда чувствовалась аристократическая порода. Живость характера и обаяние привлекали к ней взоры и сердца молодых людей. В числе поклонников 18-летней выпускницы Института благородных девиц Марии О'Рурк оказался популярный киевский донжуан и сердцеед Василий Тарновский.

Отец «Васюка» (такое прозвище получил молодой человек) – знамени-

тый меценат и коллекционер Василий Васильевич Тарновский – составил в своем родовом имении Качановке на Черниговщине бесценное собрание предметов украинской старины.

К воспитанию детей он относился куда более равнодушно. Васюк рос красивым легкомысленным юношей. Музыкальный слух и неплохой баритон влекли его к оперной карьере, но грудь оказалась слабовата. Зато во всем остальном он не знал проблем. Отец-богач позволял Васюку сорить деньгами налево и направо. Рано освободившись от «моральных предрассудков», молодой человек завертелся в вихре светского флирта и случайных романов. Встреча с Манюней показалась ему шансом на выход из этого порочного круга, который начал его тяготить. Василий Тарновский влюбился и решил сделать Марию О'Рурк своей женой.

Однако родители не желали и слышать об этом браке. Граф О'Рурк не считал Тарновских равными себе (хотя их предок был запорожским «войсковым товарищем» еще в XVII веке). А гордый старик Тарновский с высоты своего богатства презирал не слишком состоятельного графа. Это сопротивление только разожгло страсть в молодых людях, придав их отношениям романтический оттенок. Весь киевский бомонд сочувствовал им. Но самое главное, что их союзницей оказалась бабушка Васюка – Людмила Тарновская, типичная вольнолюбивая украинка. Она посоветовала внуку устроить «похищение» невесты. И вот в деревенской церкви под Киевом состоялось венчание, на котором присутствовали избранные представители «золотой молодежи». Для них все это было бесподобным приключением.

Поставленные перед фактом и уступившие общественному мнению, отцы молодых благословили брак. Из родительского дома по Лютеранской, 33 Мария перебралась к мужу. В распоряжении молодых были имения в Качановке и Отраде (Полтавской губернии). Супруги сделались кумирами праздно веселящейся публики. В Киеве они устраивали шикарные приемы и кутежи, на которых начала собираться молодежь без надзора старших. После застолья всем обществом отправлялись в театр или варьете. Василий Тарновский был без ума от своей жены и выполнял любые ее капризы. В 1897 году у них родился сын – тоже Василий, через два года – дочь Татьяна.

Но на безоблачном небе начали появляться первые тучи. Дела старика Тарновского пришли в упадок. Его сын был вынужден сильно ограничить свои расходы. А Мария привыкла жить широко и отвыкать не собиралась. Начались ссоры и сцены, после которых Васюку порой приходилось искать утешения на дне бутылки. Тем временем Манюня стала изыскивать собственные способы оплаты многочисленных счетов. Так она вступила на путь, приведший ее на скамью подсудимых.

Первой трагедией на этом пути оказалось самоубийство Петра Тарновского – шурина Марии. В киевских кругах толковали, будто бы она влюбила в себя несчастного и подтолкнула его к гибели, чтобы ее муж получил деньги брата. Вскоре умерла старая бабушка Василия, год спустя – его отец. Запутанные дела по наследству не позволяли Манюне тратить столько, сколько ей хотелось. Но она уже ощутила в себе способность кружить головы мужчинам и опустошать их карманы.

Василий смирился со скандальными похождениями супруги, отвечая на них собственными романами на стороне. То и дело они расслаблялись на заграничных курортах – из России отбывали вместе, но затем он и она находили себе пару и разъезжались. В Киеве у четы Тарновских устраивались настоящие оргии. Это не осталось незамеченным. Госпожу Тарновскую перестали принимать в приличных домах. Кульминацией киевских похождений Манюни стали события 1904-1905 годов, стоившие жизни двум ее поклонникам. Одного из них ранил из револьвера Васюк, внезапно обуянный ревностью. Мария надеялась, что его мужа осудят и она станет свободной женщиной. Однако присяжные оправдали Василия Тарновского. Раненый любовник Манюни тем временем отдыхал в ее объятиях в Крыму. Очевидно, ему было не до тщательного лечения – внезапно он почувствовал себя хуже и скончался… Другой ухажер дал следующее письменное обязательство своему кумиру: «Своим честным словом и всем, что осталось во мне незапятнанного и сильного, обязуюсь я, Владимир Шталь, перед Марией Николаевной Тарновской сделать все, что она мне прикажет во время моего пребывания в Киеве. Заявляю, кроме того, что с моей стороны это не будет жертвой и что я ничего не требую взамен. Я всегда буду действовать во имя той чистой любви, которая овладела всей моей жизнью». Эта бумажка в глазах Манюни ничего не стоила, так как с деньгами у Шталя было туговато. И в конце концов он застрелился от несчастной любви, сидя в трактире «Версаль» на углу Нестеровской и Фундуклеевской улиц.

Манюня окончательно отбросила всякое стеснение. По слухам, в Киеве не оставалось ни одного мало-мальски богатого человека, который хоть раз не попользовался ее благосклонностью. Доходило до того, что она расплачивалась «натурой» со своими поставщиками. С мужем ее больше ничто не связывало, и Тарновская стала хлопотать о разводе, поручив ведение дела знакомому адвокату – москвичу Донату Прилукову. Адвокат был семью годами старше подопечной. Благодаря своим способностям и усердию он занимал заметное положение в юридическом мире. У него была семья, практика приносила приличный доход. Но он имел несчастье влюбиться в Тарновскую, – и благосостояние пошло прахом. Прилуков бросил жену и детей. Он пытался бежать от демонической женщины, пробовал даже отравиться, но в конце концов уехал с Манюней за границу. В его бумажнике лежало около 80 тысяч рублей, доверенных ему клиентами. Все эти деньги попали в распоряжение Тарновской. Они позволили ей несколько месяцев пожить на широкую ногу – но таяли слишком быстро. Между тем Мария мечтала быстро разбогатеть и обеспечить себя на всю жизнь. И Прилуков вместе с Тарновской разработал план преступления, которое должно было осуществить ее мечту.

Одним из курортных знакомых Марии Тарновской был граф Павел Комаровский. Манюня считала его достаточно богатым человеком и особенно заинтересовалась им, узнав, что он неожиданно овдовел. Наивный и сентиментальный граф увлекся Тарновской и готов был выполнить все ее желания. По просьбе Манюни он застраховал свою жизнь в ее пользу на 500 тысяч франков. Тем самым Комаровский подписал себе смертный приговор.

Тарновская нашла и орудие убийства. В мае 1907 года сам же граф Комаровский познакомил ее в Орле со своим молодым другом – секретарем канцелярии губернатора Николаем Наумовым. То был 23-летний неврастеник, душевно неуравновешенный, склонный к алкоголю и всецело подпавший под влияние Тарновской.

Естественно, вначале его новая возлюбленная разведала, как у молодого человека с деньгами. Здесь особого успеха не было: Наумов еле-еле выпросил для нее у мамочки 500 рублей. Тогда обольстительница отвела Наумову другую роль. Манюня поклялась ему в любви, провела с ним несколько волшебных недель в Киеве и Отраде. В разгар амурных наслаждений Тарновская вдруг заявила Наумову, что граф Комаровский преследует ее и оскорбляет. В доказательство была показана хамская телеграмма, пришедшая якобы от Комаровского, но на самом деле отправленная Прилуковым. Наумов воскликнул: «Если бы Комаровский был здесь, я убил бы его на месте!» Вскоре Прилуков получил телеграмму: «Берта предпочитает горячую плиту». Это означало, что Наумов совершит убийство из револьвера.

Комаровский отдыхал в Венеции. Туда и прибыл будущий убийца. 4 сентября 1907 года Наумов явился на квартиру графа. Тот, не подозревая беды, радостно поспешил к другу. Когда Комаровский приблизился, раскрыв руки для объятий, Наумов почти в упор сделал несколько выстрелов. Раненый граф смог только спросить: «Что я вам сделал?». – «Теперь вы не женитесь на Тарновской!» – отвечал Наумов. Они сидели рядом и заливались слезами. Сбежавшаяся прислуга вообразила, что Комаровский пытается покончить с собой, а друг утешает его.

Тем временем Прилуков с двумя сыщиками подстерегал Наумова, чтобы сразу же сдать его полиции. Но сентиментальная сцена затянулась, и адвокат решил, что преступника схватили прямо на месте. Он увел своих людей, а через некоторое время Наумов выскользнул из дома и отправился на вокзал. Однако в Вероне его арестовали.

Графа поместили в венецианскую больницу «Ospedale». Казалось, что врачи смогут спасти его жизнь. Но выздоровлению воспрепятствовал... итальянский судебный следователь Педрацци. Он сразу же насел на раненого с многочасовыми допросами, и впоследствии в печати совершенно серьезно утверждали, что именно это доконало Комаровского. Как бы там ни было, 8 сентября граф скончался.

Первой версией следователя, основанной на показаниях Комаровского и Наумова, было романтическое убийство на почве ревности. И тут в Вене взяли под стражу вдохновителей преступления – Тарновскую и Прилукова, которые пытались там получить деньги по страховке. Когда Наумов узнал от следователей о материальной подоплеке трагедии, он пришел в отчаяние и сознался, что выстрелил в друга по наущению своей любовницы.

Разбирательство всех тонкостей дела об убийстве графа Комаровского затянулось на два с лишним года. Судебный процесс проходил в Венеции весной 1910-го. На скамье подсудимых оказались Наумов, Прилуков, Тарновская и ее камеристка Элиза Перье, посвященная во все замыслы госпожи.

Судилище над очаровательной женщиной по столь драматическому по-

воду стало сенсацией. Зал суда напоминал театр в день громкой премьеры. Здесь, блистая нарядами, присутствовала вся местная знать. Толпы венецианцев наблюдали за тем, как Тарновскую перевозили из тюрьмы Джиудека в суд на особой гондоле, в сопровождении монахини и конвоя карабинеров.

В Венеции собрались сотни журналистов. Они изощрялись в живописании пикантных подробностей, которых с каждым допросом подсудимых и свидетелей становилось больше и больше. Никто не оставался равнодушным к Тарновской. Корреспондент одной из венских газет изобразил ее так: «Необычайно высокого роста, худощавая, элегантно одетая, с благородными чертами лица и сверкавшими жизнью, невероятно живыми глазами, всегда смеющаяся, кокетливая, находчивая и разговорчивая даже в тяжелые минуты. Муж был ее рабом, как и все окружающие, сама она была рабою своей страсти к роскоши, удовольствиям, а, следовательно, и деньгам...» Киевские журналисты, лучше всех осведомленные о прежних похождениях Манюни, печатно спорили друг с другом: одни обзывали ее «разгульной бабенкой», другие пеняли мужчинам, которые не проявили рыцарского отношения к даме, сваливая на нее всю вину.

Сама Тарновская артистически защищалась, изображая себя оскорбленным и запутанным существом, оказавшимся игрушкой чужих страстей. До сведения прессы поспешили довести слова, сказанные ею адвокату: «В суде, когда я спокойна, меня называют циничной; если бы я плакала и теряла самообладание, мои слезы назвали бы крокодиловыми. Никто не подозревает, что я переживаю. Разве я в самом деле авантюристка, преступница, убийца, какой меня изображают?.. Если я не являюсь конкуренткой на приз за добродетель, то все по крайней мере убедятся, что я больная слабая женщина, а не мегера и демоническая натура...»

И все же по ходу процесса романтический флер был отброшен. С каждым днем становилось яснее, что в основе всех поступков Тарновской лежали голый расчет и страсть к наживе.

Корреспонденты гадали, устоят ли присяжные заседатели против чар подсудимой. Итальянские присяжные, вопреки ожиданиям, устояли. От наказания освободили одну Перье, остальные были приговорены к различным срокам лишения свободы. Тарновскую осудили на восемь лет исправительных работ в Венеции, на соляных промыслах. Кара могла быть и более суровой, но обвиняемым вменили не убийство, а лишь покушение, посчитав, что Комаровский умер в результате неудачного лечения.

В родном городе о Тарновской долго еще не забывали. В киевской желтой газетке «Южная копейка» даже печатали из номера в номер роман о ней. Но после 1917-го здесь началось такое, что стало уже не до каторжанки Манюни. Ее бывший муж благополучно эмигрировал. А сама Мария Тарновская, по слухам, все же нашла своего принца. До Киева дошла молва, что в нее заочно влюбился некий американский миллионер. После того, как она отбыла наказание, он будто бы женился на ней и увез жену в Штаты. Были ли они счастливы – неизвестно…

Анатолий КАПЛЕР

К ИСТОРИИ РОДА ТАРНОВСКИХ (в сокращении)

dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/41925/02-Kapler.pdf

Я хочу рассказать о моём деде Василии Васильевиче Тарновском, сыне В.В.Тарновского-младшего, и о моей матери Татьяне Васильевне Тарновской, которые являются продолжателями рода и талантов Тарновских. Это сообщение будет дополнением к публикации Т. П. Журавлевой "Нащадки мецената" (Родовід.№14.– К., 1996). Всё, о чём пойдёт речь, рассказала мне моя мать, которая выросла в ту нору, когда вечерняя беседа и чувства были важнейшими аспектами жизни людей. Матери же, в свою очередь, рассказал её отец. Так передавались из рода в род "преданья старины минувшей".

Мой дед, Василий Васильевич Терновский родился в 1872 г. в родовом имении Качановка. Когда ему исполнился один месяц, его отец собрал всех соседей и родственников и после крещения с гордостью вынес наследника на серебряном блюде показать гостям. Васючок рос невероятным шалуном и затейником, которому всё прощалось, ибо все его обожали. Так, например, его мать, Софья Васильевна с особой тщательностью по всем христианским правилам готовила пасхальный стол, па котором, среди прочего, должен был быть поросенок с яйцом во рту. Однако, как она ни проверяла, а в момент, когда гости садились за стол, яйцо оказывалось у поросенка под хвостом. Казаки, охранявшие парк, научили Василия скакать па лошади и стрелять, отец обучил псовой охоте, качановские мальчишки – бороться, а после рассказов о запорожских казаках, их набегах и вольной жизни набеги вместе с качановскими приятелями на соседские бахчи, где арбузы были чурками, привели к тому, что Васючка отослали учиться в столицу. Однако умение метко стрелять не раз спасало моему деду жизнь во время дуэлей, которые возникали из-за женщин. Об этом подробно рассказала моя бабушка графиня Мария Николаевна О'Рурк в дневниках, которые легли в основу книги на немецком языке "Tarnovska", написанной Hansom Habe, Eduard Kaiser Verlag, 1962 г., 495 стр. Роман этот абсолютно бульварный с массой придуманных автором приключений, по некоторые подробности жизни деда не вызывают сомнений в достоверности, т.к. были известны и моей матери...

Софья Васильевна обладала изумительной окраски контральто, владела инструментом роялем, поэтому в доме постоянно звучали романсы, серенады, украинские народные песни. Каждый раз, когда собирались гости, прадед просил Софию Васильевну спеть, и это было украшением вечера. Музыканты всегда были дорогими гостями Качаповки. На судьбе деда не могло не сказаться то, что он вырос в атмосфере искусства и частенько пел дуэты со своей матерью. Поэтому, когда прадед отправляет его учиться в юнкерское училище, он параллельно учится вокалу у профессора Эверарди.

Так случилось, что и в училище, и в консерватории Василий Васильевич учился вместе со своим одногодком, впоследствии знаменитым русским лирическим тенором – Леонидом Витальевичем Собиновым. В Москве, в кабинете Собинова висит фотография, на которой мой дед, Собинов и Не-

жданова. Дебют деда состоялся в 1894 г. У него был баритон, как писал Эверарди, "настоящее бельканто". Одной из любимых опер у деда был "Евгений Онегин", где он пел Онегина, а Собинов – Ленского.

В Качановке 60-е гг. XIX ст. Сидят (справа налево): четвертый – В. В. Тарновский – основатель музея, слева от нею – мать – Л. В. Тарновская и отец В. В.Тарновский-старший, справа – жена – С. В. Тарновская.

Василий Тарновский. Конец 80-х – начало 90 гг. XГX в. Василий Васильевич Тарновский (3-й) – артист императорских театров, в роли Фигаро

Прадед категорически не принимал таланта сына и его увлечения пением. Он считал, что для родовитого дворянина фиглярствовать на сцене - моветон, поэтому дед пел под различными псевдонимами. Мать называла один из них – Снежков. Свою дочь, мою мать, Василий Васильевич назвал Татьяной потому, что в день её рождения пел Онегина.

В доме Тарновских часто бывал и Ф.И.Шаляпин. Мать, когда она была гимназисткой, да и все ее подруги, были влюблены в Федора Ивановича и однажды, пока он беседовал с дедом в кабинете, они обрезали ему все пуговицы на пальто. На память. То-то он удивился, одеваясь. Когда же открылась причина, он захохотал и после, вспоминая, всегда смеялся. Он был широким и веселым человеком.

Не могу не рассказать об одном забавном случае, хотя и не очень по теме. Гриму в ту пору уделялось огромное внимание, Федор Иванович не доверял гримерам и сам гримировался. И вот эффект от его хохота в Фаусте он решил усилить тем, что из глаз у него будут идти лучи. Ну и попросил деда помочь вклеить ему в уголки глаз бриллианты по 2 карата. Приехал он к деду на извозчике в шубе и шапке. И вот, когда бриллианты были вклеены, он кликнул извозчика и сказал: "В Большой Театр". И вдруг видит, что тот везет его не туда, а в глухой переулок. "Куда же ты везешь меня, сукин сын". На что извозчик из под облучка достает топор и говорит: "А ну, снимай шубу". Шаляпин встал, скинул шубу с плеч, скинул шапку (под шапкой были рожки) и захохотал, а из глаз лучи. Извозчик потерял сознание.

Пел дед, кроме императорской сцены, и в Киеве, и в Венской опере, и в Милане. Конечно, из-за этих псевдонимов доказать я это не могу (возможно, найдётся исследователь, который раскроет роль деда в развитии русской оперы начала XX ст.). Единственно есть фотографии, где дед в разных возрастах снят фотографом Императорского Театра в гримах различных ролей. Хочется подчеркнуть, что именно качановские вечера и атмосфера, которую создавали как Софья Васильевна так и великие писатели, художники и музыканты, гостившие подчас месяцами, повлияли на деда и он сам стал частью элиты русского искусства.

После революции деда дважды забирали в ЧК, т. к. он сразу был записан в число буржуев, подлежащих репрессии. Оба раза его выручали: первый раз крестьяне, второй – официанты. С его барской внешностью даже просто по улице ему было опасно ходить. Не стал он дожидаться третьего раза и уехал сначала на Кавказ, где некоторое время пел в Тифлисе, а затем через Константинополь в Берлин. В Константинополе он познакомился с эмигранткой с двумя детьми Сколяренко Екатериной Георгиевной и они вместе уехали в Берлин. Через некоторое время дед на ней женился. В Берлине их приютили в своем доме Скоропадские, с которыми Тарновские были в родстве, за что им низкий поклон (Елена Скоропадская, которой в те поры было 9 лет, ныне живет в Швейцарии). Там дед поначалу пел в Берлинской Опере, пока не отказал голос.

Собинов, которому в 1923 г. было присвоено звание народного артиста республики, не раз приглашал деда петь, но то, что произошло с Россией, по разному повлияло на них. Дед не принял и не мог принять братоубийства гражданской войны и последовавшего за ним уничтожения императорской семьи и интеллигенции. В общем "кухарка, которая может править государством" его не устраивала. И он с трудом понимал Собинова, как он может петь для новых русских, в том числе и для чекистов, которые зачастую после работы, благо Лубянка рядом с Большим Театром, шли слушать оперу в

порядке массового культпохода.

В 1930 году Собинов едет в концертное турне по Европе уже в ранге крупнейшего представителя русской вокальной школы. В том числе поет и в Берлине, где навещает деда. По приезде в Москву Леонид Витальевич приглашает мать и со слезами на глазах рассказывает ей о печальном состоянии деда – беден и болен. Привез он и берлинские фотографии деда.

Умер дед в 1932 г. и похоронен на кладбище русской общины в Берлине. В 1937 или 1938 году мать через Красный Крест нашла вторая жена деда Е.Г.Сколяренко и прислала ей письмо с описанием последних дней деда, однако мать ей не ответила – побоялась. Не то было время.

Вокальный талант передался и моей матери, которая, как и Софья Васильевна, пела для себя и своих близких, причем репертуар ее был весьма характерен: несколько украинских народных песен, серенады, романсы и арии из опер для мужских голосов. Это объясняется тем, что дед по вечерам садился за рояль и распевался перед театром или просто пел для себя и для нее, а она подпевала или вторила, вот и запомнила многое. Когда она стала постарше, то пели они иногда и дуэтом. Дед был совершенно замечательным отцом и мать, которая рано осталась без материнской ласки, обожала его. Чтобы это понять, достаточно взглянуть на фотографии, где они вместе. Таким образом, и матери досталось от качановских вечеров. Мне трудно судить о голосе матери, т.к. я не могу быть в отношении нее объективным, но, по отзывам других людей и музыкантов, в том числе, у нее в молодости было чудное лирическое сопрано. Особенно я любил песню:

Де згода в сімействі,
Де мир і тишина,
Блаженнії там люди,
Щаслива сторона!..

Детство и юность матери прошли как в розовом сне – все ее любили. После продажи Качановки прадед разделил полученную сумму на три равные части: себе, дочери Софье Васильевне и сыну Василию Васильевичу (моему деду). На эти деньги дед купил в Москве дачу и снимал в Москве дом. Однако после развода с Марией Николаевной, которая сына Васю забрала с собой в Италию, а дочь оставила отцу, он был вынужден переехать в Киев, где жила его сестра Софья, и просить ее участвовать в воспитании дочери, которой, как и всякой девочке, нужна была женская забота. Несколько раз моя бабушка М.Н.О'Рурк пыталась выкрасть свою дочь и каждый раз дед ее отбивал от похитителей. С детства мать воспитывали бонна, а затем гувернантка. Каждый год она ездила со своей двоюродной бабушкой летом в Евпаторию, а зимой в Швейцарию. В Гардышевке, где они с отцом бывали весной и летом, у нее был свой ослик с упряжкой и тележкой и попугай Жако. Лето, когда дед не пел, он проводил в Киеве и в Гардышевке с дочерью.

В Киеве её отдали в немецкую гимназию, где за любое русское слово можно было остаться ночевать в учебных классах. Гимназию мать окончила с отличием и дед отдал ее руку одному из киевских аристократов – князю (фамилию не помню). Была помолвка и тут грянула революция. Киев несколько раз переходил из рук в руки. Мать была очень красивой и тетка пря-

тала ее, как могла. Наконец установилась советская власть. Составили списки буржуев, которых нужно репрессировать, и Софья Васильевна попала в число этих буржуев. Где-то на окраине сняли квартиру и там скрывались. Софья Васильевна не перенесла этого перехода к жизни изгоев и умерла. В этот момент дед вынужден был бежать и он предлагает матери бежать с ним, но она ждет жениха, который был в Белой Армии у Деникина и должен был за пей приехать, что он вскоре и сделал, но был застрелен в своём саду, когда откапывал зарытые там семейные реликвии и ценности. Итак, мать осталась одна в огромном доме. Семейные драгоценности тоже были зарыты в саду, в чем ей помогал один из дальних родственников, а когда откопали – многого там не оказалось.

Нужно было жить дальше и тут она поступила в учебную киностудию Смирнова в Киеве, где познакомилась с моим отцом Каплером Лазарем Яковлевичем. Пришлось ему креститься, под именем Алексей, и только после этого мать вышла за него замуж. После окончания студии они оба уехали в Одессу на кинофабрику, где мать снималась в немых фильмах. Сказался артистизм отца и опять же, в конечном счете, все это шло от Качановки. В новом мире освоиться матери помогли отец и мать моего отца. Они были простые и мудрые люди и их золотые советы помогли матери принять новые порядки и приспособиться к ним.

С рождением сына в 1927 г. с артистической карьерой было покончено. Несмотря на наличие няньки, мать хотела сама заниматься сыном и наблюдать те маленькие глупости, которые так дороги родителям. Через два года мать развелась с отцом и уехала в Ленинград. Там её пригласили работать в гостиницу интурист "Астория" и поручили обучение манерам и языкам официантов и горничных. И тут опять проявился ее артистизм: она ставит пьесы с участием своих учеников, где неправильное поведение высмеивается или показывается в самом неприглядном виде. Это было куда действенней, чем запреты не садиться с гостями за стол. С той же целью ее переводят в Москву. Тут ей пришлось после работы писать отчеты о том, кто и что из иностранцев сказал, т.к., когда приезжали видные гости, ей поручали принимать их и переводить, при этом "сотрудник "стучал по столу наганом и требовал доносов". Пришлось уйти.

И, наконец, она нашла себя, закончив заочно педагогический институт и получив профессию преподавателя немецкого и французского языков. В школе, а затем в Танковой Академии она бессменно руководила драмкружками, где ставила пьесы как на немецком, так и на русском языках. Многие ее ученики впоследствии стали артистами. До самой её смерти из дипломатического корпуса ходили к ней дипломаты, направляемые во Францию на работу, для постановки правильного произношения.

Во втором браке была замужем за Александром Петровичем Плаксионовым, гидрологом Главсевморпути. Умерла мама в 1994 году. Похоронил мать я на Ваганьковском мемориальном кладбище.

ТЕТЯНА ТАРНОВСЬКА
radiosvoboda.org/a/29150295.html

…Тетяна була в гроні талантів Тарновських чи не найсолодшою ягідкою... Ставна й гарна, з вродженою граціозністю дворянки. Її матір'ю була красуня Марія О'Рурк, знатного ірландського роду, яка, однак, примудрилася потрапити до в'язниці, і матір замінила дитині тітка Софія Василівна Глінка.

Тетяна Тарновська, яка, можливо, в мистецтві німого кіно зазнала б слави Віри Холодної, якби не дворянське походження (фото з архіву її сина Анатолія Каплера, який у зрілому віці емігрував до Німеччини).

Це заради Тарновської закоханий по вуха Лазар Каплер (майбутня «зірка» радянської кінодраматургії) мусив міняти батькову віру на православ'я, бо інакше Тетяна за нього б не вийшла. Однак про кіно довелося забути, коли особисте життя з Каплером не склалося. Молода мати вирішила поміняти місце проживання і присвятити себе вихованню сина. Співаючи йому замість колискових, звичайно ж, батькові арії, на яких, либонь, і сама виросла. Її вроджена віра в красу, що рано чи пізно врятує світ, виручала її на крутих життєвих стежках. У Ленінграді, звідки її прабабуся Людмила Тарновська відсилала синові у 1860-му портрет Шевченка замість великодньої крашанки, вона в 1930-х шліфувала до блиску манери та мову покоївок і офіціанток готелю «Асторія» – внучок та правнучок отих праль, візників та бубличниць, що жили тут за Шевченкової доби. У Москві, де в кабінеті Собінова висів інший фотопортрет – Собінов із Неждановою та її батьком, Василем Тарновським, – вона, з гордістю розповідаючи про це своєму синові, не забувала наголосити, що, відмовившись емігрувати з батьком в 1920-х, вона не жалкує. Бо тут, на цій нагорьованій землі, – її коріння.

Оксана МИКОЛЮК
ЯКІВ ТАРНОВСЬКИЙ
«День» №99, 9 червня 2011 ***day.kyiv.ua/uk/article/cuspilstvo/pro-shcho-zabuvayut-rozpovisti-ekskursovodi***

…Серед видатних людей на Золотоворітській, 2, жив один із родини меценатів Тарновських – Яків Васильович. Він займався залізничною справою, хоча був військовим, потім став одним з організаторів Київського відділення селянського банку. Тарновським було притаманне меценатство. Його брат був членом ради Колегуму Павла Галагана. Коли Яків Тарновський помер, то його вдова в пам'ять чоловіка пожертвувала 100 тисяч рублів Товариству

боротьби з дитячою смертністю. З них 40 тисяч пішли на будівництво станції «Крапля молока», яка займалася годуванням малих дітей незаможних родин. Міська дума відвела для спорудження її 1913 року ділянку на вулиці Великій Васильківській, 93. Це район палацу «Україна», – розповів Віталій Ковалинський. У будинку Тарновського в радянські роки був Укррадгоспстрест, а потім – військова комендатура…

Капитан В. В. Тарновский (крайний слева) с разработчиками первой специальной зенитной 76-мм пушки, март 1915 года

ОСНОВАТЕЛЬ ЗЕНИТНОЙ АРТИЛЛЕРИИ

Василий Васильевич Тарновский (27 октября 1880 – 25 октября 1926) – русский конструктор артиллерийского вооружения, полковник.

С 1907 года – штабс-капитан в Офицерской артиллерийской школе (Царское Село). Главным делом его жизни стала зенитная артиллерия.

В 1913 году он спроектировал первую в России специализированную зенитную пушку. Артиллерийский комитет Главного артиллерийского управления не проявил заинтересованности к этой разработке – возможно, из-за отсутствия у её автора законченного высшего академического артиллерийского образования. Тарновский передал проект на Путиловский завод, где при его участии Ф. Ф. Лендер в 1914 году создал орудие, не совсем заслуженно именовавшееся «76-мм зенитной пушкой Лендера».

В годы Первой мировой войны Тарновский впервые разработал способы применения артиллерийских батарей для борьбы с самолётами в воздухе, формы и методы обучения личного состава зенитных подразделений.

В 1915 году – командир первой в русской армии автомобильной батареи для стрельбы по воздушному флоту.

С сентября 1916 года – начальник Офицерских курсов стрельбы по воздушному флоту Северного фронта, которые с октября 1917 года были пере-

формированы в Офицерскую школу стрельбы по воздушному флоту.

В 1918 году формировал в Керчи курсы стрельбы по воздушному флоту.

Эмигрировал в Париж, а в 1922 году – в город Пльзень (Чехия), где на заводах фирмы «Шкода» до конца своей жизни разрабатывал и внедрял в производство приборы для стрельбы по воздушным целям.

Михайло КАЛЬНИЦЬКИЙ
РОЗДЯГНУТИ Й ОДЯГНУТИ КИЯН
Український діловий тижневик "Контракти" № 49 від 04–12–2006
kontrakty.com.ua/show/ukr/article/44/4920068261.html

Яків Каплер, батько відомого радянського кінематографіста Олексія Каплера, шив шинелі, будував Пущу-Водицю і жертвував на освіту.

Родом з каплерівської шинелі

З листопадом у місті на Дніпрі наставав сезон шинелей. Не було в ту пору популярнішого верхнього чоловічого одягу. На початку XX століття у Києві постійно дислокувалися дві піхотні дивізії, артилеристи, сапери, юнкери, кадети, а також інтенданти і штабісти. Це багато сотень офіцерів, тисячі нижніх чинів, які у холоди вдягалися в шинелі. Студентам і гімназистам також належало носити уніформу, зимовий варіант якої був укомплектований шинеллю. Та й багатотисячна армія чиновників різних віків і відомств, подібно до героя гоголівської «Шинелі» Акакія Акакієвича Башмачкіна, була зобов’язана справити собі верхній одяг встановленого казенного зразка. І виконував ці замовлення для киян аж ніяк не кривий кравець Петрович, як у Гоголя, а визнаний військовими та цивільними клієнтами майстер і торгівець чоловічим одягом Яків Каплер.

Магазин Каплера був розташований у самісінькому центрі міста – у ста-

рому Пасажі (не плутати з нинішнім Пасажем на протилежному боці вулиці, що з’явився лише в 1910-х роках!). Це місце мало якусь особливу притягальну силу для кравців, і часом орендарями його торгових приміщень були відразу 5–6 торгівців одягом. Але слава закладу Якова Каплера, безумовно, була найгучнішою. Вже у 1890-ті роки він був провідним київським виробником і продавцем верхнього одягу для офіцерів.

Купець і купецький син Яків Анатолійович (Нафталійович) Каплер народився у 1864 році, одержав домашню освіту, змолоду був залучений до комерції, а тому суворо контролював якість і фасон своїх шинелей. Сукно він закуповував за кордоном або на Нарвській мануфактурі барона Штігліца, елегантний покрій запозичив у столиці, у цінах дотримувався помірності, для студентів практикував істотні знижки (за що користувався незмінною прихильністю керівництва навчального округу).

Згодом закрійники в закладі Каплера освоїли не лише шинелі, а й цивільні моделі. Замовники могли придбати готове вбрання або самі вибрати собі покрій у свіжих номерах іноземних модних журналів, які в Каплера завжди були під рукою.

У 1909 році київські видання ще на повну рекламували популярну фірму, називали її «кращим у Києві магазином одягу», перераховували призи й нагороди його виробів на престижних міжнародних виставках. Однак уже в 1910-му стало відомо, що славетний торгівець вийшов зі справи. Його наступники – четверо кравців з-поміж найближчих помічників Якова Анатолійовича – об’єдналися під новою назвою «1-ше Київське товариство закрійників». Але, звісно, всі вони розуміли цінність розкрученого бренда і не мали наміру ним поступатися. З перших же кроків Товариство закрійників, що залишилося у старому Пасажі, привселюдно заявляло у своїх оголошеннях: «Багаторічна практика в магазині Я. Каплера і виконання замовлень особисто, без посередництва найманих службовців є найкращою гарантією зразкового виконання замовлень». І надалі рекламні плакати пропонували клієнтам послуги «1-го Київського товариства закрійників, наступників Я. Каплера», причому знамените прізвище набирали великим і помітним шрифтом.

Каплерівські лазні — візитка дореволюційного Києва

Найчистіший бізнес

Яків Каплер пішов з кравецького бізнесу, але не залишив комерцію зовсім. Він мав інші джерела поповнення своїх капіталів. Одне з них, можна сказати, за своєю суттю було протилежним колишньому ремеслу: якщо кравці одягають клієнтів, то тут одяг був зовсім не потрібен. Каплер вкладав гроші у лазні, які тоді були вельми популярними серед традиційно охайних киян, відтак досить рентабельними.

Каплер утримував лазні ближче до Дніпра, на Подолі. На кутовій ділянці по Костянтинівській та Ярославській вулицях, яка належала йому з 1899 року, цивільний інженер Микола Яскевич вибудував для нього двоповерховий корпус з підвалом, у якому були передбачені всілякі варіанти миття. Лазневі приміщення залежно від якості послуг розподілялися за класами. На першому поверсі була жіноча частина, а також чоловіча парильня скромнішого 3-го і мийна 2-го класів. На другому поверсі – чоловіча парильня 1-го та 2-го класів, мийна 1-го класу (номер – 2–3 рублі) і найреспектабельніші приміщення – номерні. У лазні також були облаштовані викладений кахлями басейн і душ Шарко. А в підвалі розмістилися квартири для обслуги. Невеликий будинок споруджували порівняно довго – з 1899 по 1901 рік. Це пояснювалося впровадженням тут суперсучасного на ті часи обладнання: у лазнях було встановлено центральне опалення від власної «паровичної» (котельні), у приміщеннях проведено електричне освітлення.

Лазні дістали назву «Московські» – можливо, як ознака дотримання кращих традицій славетних закладів у Білокам’яній, оспіваних Володимиром Гіляровським. На Московських лазнях Яків Каплер не зупинився і 1908 року на паях з купцем Меєром-Лейбою Ципенюком купив ще один популярний центр гігієни – стародавні лазні «Дніпровські», влаштовані на Набережно-Хрещатицькій вулиці у першій половині XIX ст. Тут теж були послуги на всі гаманці – від скромних загальних відділень до розкішних індивідуальних номерів. Досьогодні ці приміщення не збереглися.

Земельна ділянка на розі вулиць Костянтинівської та Ярославської вирізнялася не лише неабиякими, як для міської садиби, розмірами (1163 квадра-

тні сажні, або близько 5300 кв. м), а й надзвичайною розмаїтістю функцій. Чого тут тільки не було! Кутовий триповерховий будинок займав готель під назвою «Сіон». Утім, номери були тільки на двох верхніх поверхах, а перші поверхи всіх чотирьох цегляних корпусів, вибудуваних по фронту вулиць, здавалися під торгівлю та послуги. Низка магазинів торгувала здебільшого промтоварами – одягом, взуттям, головними уборами, мануфактурою. Була тут також книгарня, знайшлося місце для палітурної майстерні, слюсарні, перукарні. З боку вулиці Ярославської в садибі Каплера була навіть влаштована синагога. А в дворі стояла окрема будівля Московських лазень.

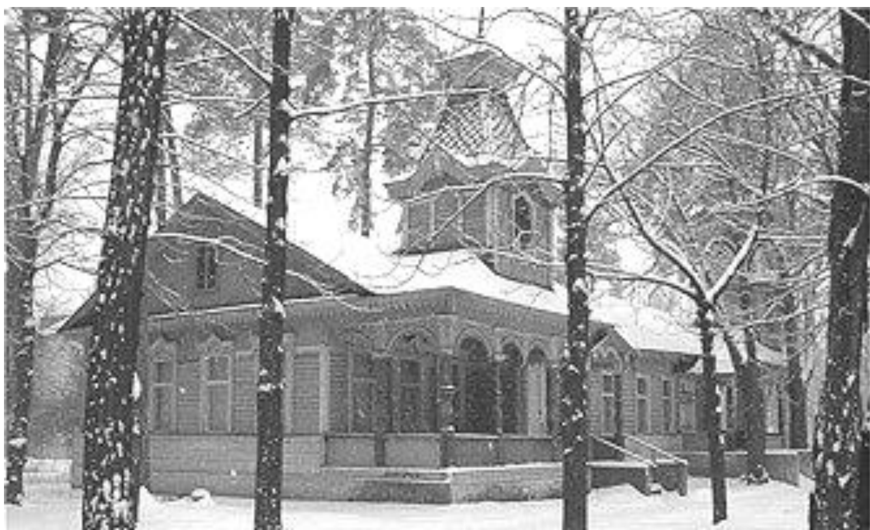
Ці будівлі достояли до нашого часу, хоча й не без втрат. Під час прокладання метро знесли колишню синагогу. Житловому будинку праворуч від неї пощастило більше: від нього «відгризли» частину, натомість зробили з протилежного боку прибудову в тому самому стилі, і тепер тут готель «Домус» (тоді як готель «Сіон» давно закрили). Але, мабуть, найоригінальніша доля спіткала колишні лазні. Після реконструкції вони перетворилася на... навчальний корпус Театрального університету імені Карпенка-Карого.

«Голгофа» в перспективе Костёльной ул. Фото конца 1920-х гг.
Слева бывшая усадьба Якова Каплера,
справа доходный дом, выстроенный А. Шилле в 1887 г., ныне № 4

Домашній кредит

Яків Каплер належав до числа великих домовласників. Загальна вартість його нерухомості сягала мільйонних сум. Крім садиб на Подолі він мав ділянки в центрі міста. Одна з них з будинками на початку Михайлівської та Костьольної вулиць виходила прямо на Думську площу (нинішній Майдан

Незалежності). Інша знаходилася у Хрещатицькому провулку (нині провулок Шевченка) за кілька кроків від Майдану. Там у Якова Анатолійовича деякий час була, так би мовити, домашня резиденція.



На початку грудня 2012 р. згоріла давно занедбана дача Каплерів у Пущі-Водиці, за адресою вул. Червонофлотська 9, на території санаторію «Труд»

Там же містився офіс, що нагадував про ще одну ділову іпостась купця: Каплер обстоював зручний і недорогий кредит як для великих, так і для дрібних підприємців, чим істотно пожвавлювалося ділове життя у місті. Цьому слугували корпоративні кредитні установи. Групи осіб, згуртовані взаємною довірою, збирали у складчину капітал, що дозволяв кожному з них у разі потреби отримати достатню позику на необтяжливих умовах. Сто років то-

му такі структури називалися товариствами взаємного кредиту, кредитними кооперативами, ощадно-позиковими товариствами.

З 1907 р. Каплер входив до ради Київського купецького товариства взаємного кредиту. Роком раніше він очолив правління Київського 1-го єврейського ощадно-позикового товариства. Контора цієї установи розташовувалася, можна сказати, у нього вдома: у дворі садиби Каплера на Хрещатицькому провулку збудували двоповерховий флігель, в якому спеціально були облаштовані приміщення Товариства. Будівля ця не збереглася: чотириповерховий житловий будинок згорів під час війни, а флігель з колишнім офісом знесли пізніше, коли прокладали нинішню вулицю Бориса Грінченка.

У своїй діяльності Яків Анатолійович не тільки прагнув до надприбутків – йому не була чужою філантропія. У ті часи молоді люди, які прагнули освіти, але були обмежені в коштах, могли розраховувати не лише на приробітки у вільний від занять час, а й на допомогу. Практично при кожному хоч трохи значному навчальному закладі Києва створювалися «товариства допомоги» та «опікунські ради». Вони вирішували одне й те саме завдання. У «товариствах допомоги» багаті доброзичливці збирали гроші на стипендії, допомоги, оплату права навчання, житла і необхідної літератури для тих, хто цього гостро потребував. «Опікунські ради» матеріально допомагали вищим школам, гімназіям та училищам, які завдяки цьому могли встановлювати помірні ціни на освіту.

Купець Каплер обрав для докладання своїх сил у цій сфері комерційну освіту. 1911 року його обрали членом комітету Товариства допомоги студентам Київського комерційного інституту.

До Пущі-Водиці з музикою

Ще одне докладання громадських зусиль Якова Анатолійовича було пов'язане із заміською віллою в Пущі-Водиці. Дачне селище було створене тут, на території міського лісу, 1900 року. Місто здавало дачникам землю в довготермінову оренду, але з моменту спорудження будиночка його власник мав право приватизувати цю територію. Каплер зайняв подвійну ділянку по тодішній Гоголівській вулиці, між 3-ю та 4-ю лініями.

Пуща завжди приваблювала заможних киян своїм здоровим хвойним повітрям, чистими озерами, а також тим, що завбачлива міська влада забезпечила безперебійний зв'язок селища з Києвом за допомогою спеціального трамвайного маршруту. Звісно, дорогоцінні дари природи необхідно було підкріпити творчими зусиллями людини. Для цієї мети виникло Товариство благоустрою Пущі-Водиці. До його складу увійшли найвпливовіші та найенергійніші дачники. І серед них Яків Каплер, 1910 року обраний віцеголовою комітету Товариства. Вілла Каплера, на щастя, вціліла. Тривалий час ця будівля входила до комплексу будинку відпочинку «Труд» на нинішній Червонофлотській вулиці. І тепер праворуч від входу на його територію ми бачимо старий прикрашений витонченим дерев'яним різьбленням будинок, який, втім, зберіг прикмети минулого і в якому на початку минулого століття відпочивав видатний київський бізнесмен з дружиною Раїсою Захаріївною (уродженою Крінцберг), двома синами і чотирма доньками.

Вочевидь, не в останню чергу завдяки Якову Каплеру в Пущі-Водиці цілий рік підтримувалася сприятлива для проживання обстановка, а на уїк-енд мешканці селища не мали потреби в тому, щоб вирушати до міста в пошуках веселощів. Усе, що потрібно для культурного дозвілля, доставляли їм просто додому. Ось як це було: «Щонеділі до нашого дачного селища Пущі-Водиці приїжджав з Києва трамвай з відкритим причіпним вагоном. На лавах причепа сиділи музиканти духового оркестру і грали марш. Дачники просиналися під цей святковий сигнал, котрий означав, що сьогодні в парку на п'ятій лінії весь день буде гулянка, а ввечері на відкритій естраді відбудеться концерт, у закритому театрі – спектакль, а в дощатій будівлі синематографа, вбудованого в рожевий паркан парку й пофарбованеого в ті самі веселі рожеві кольори, – прем'єра нової кінострічки». Так згадував пізніше Олексій Каплер.

Про кінець життєвого шляху Якова Анатолійовича відомо небагато. Ми знаємо, що купець Яків Каплер не залишив Київ після всіх трагічних подій, що сталися після лютого й жовтня 1917 року. Щоправда, комерцію довелося залишити. Документально зафіксовано, що 1930 року Каплер Я. А. ще мешкав в одній із квартир колишнього свого будинку на Костьольній. А в спогадах Світлани Аллілуєвої про Олексія Каплера трапляється навіть фраза, що й 1948 року його київські батьки були живі. Якщо це правда, то екс-комерсанту, попри жорстокі часи, вдалося розміняти дев'ятий десяток.

Серце Каплера

Олексій Каплер, син київського купця Якова Анатолійовича, прославився в радянські часи як кінематографіст і ведучий популярної телевізійної передачі «Кінопанорама». А київські вулиці пам'ятають ранню молодість Люсі Каплера – хлопчака, який з такими самими, як він, зухвалими юнаками Грицем Козинцевим та Сергієм Юткевичем закладав у Києві основи театрального авангарду. У ті часи його прізвище ще асоціювалося в усіх з татом-купцем. Коли юний Каплер спробував свої сили в естрадному театрі й підготував парний танцювальний номер з партнеркою Лідочкою Вінтер, режисер розвів руками: «Номер годиться, але прізвища, прізвища... Нікуди не годяться ваші прізвища! Уявляєте афішу – Вінтер і Каплер. Каплер – це для кравецької фірми, а не для естради». І на афішних тумбах з'явилося повідомлення про майбутній виступ... Лідії Івер та Олексія Бекефі.

Утім, з роками ім'я актора, потім режисера і, нарешті, кіносценариста Олексія Каплера здобувало чимдалі більшої популярності, поки його батько доживав свого віку в Києві. За сценаріями Каплера зняли такі свого часу популярні стрічки, як «Ленін у Жовтні» та «Ленін у 1918 році», «Котовський» і «Вона захищає Батьківщину», згодом він брав участь у створенні невмирущих «Смугастого рейса» та «Людини-амфібії».

Йому були властиві яскраві здібності, красномовство, гумор, приваблива зовнішність, він був визнаний і знаменитий. Що ще потрібно, щоб легко приваблювати жіночі серця?! І Каплер охоче користувався своїм талантом донжуана. Однак таким чином мимоволі підставив себе під жорстокий удар. Серед тих, кому закрутив голову Олексій Якович, виявилася зовсім ще мо-

лоденька Світлана Аллілуєва – донька самого вождя. «Люся був для мене тоді найрозумнішою, найдобрішою і найпрекраснішою людиною. Він випромінював світло й чарівність знань», – згадувала потім Світлана. Їхні стосунки з Каплером були цілком платонічними, і все ж таки Сталін розлютився. «Я люблю його!» – відважно заявила Світлана, а батько у відповідь заліпив їй ляпаса: «Ти б подивилася на себе – кому ти потрібна?! У нього всюди баби, дурепо! Не могла собі росіянина знайти...» І сценариста одним розчерком пера записали в англійські шпигуни, після чого йому довелося «відмотати» строк у таборі та на засланні...

Але останнє кохання, що прийшло до Олексія Каплера вже після смерті диктатора, змусила всіх забути про його колишні захоплення. Він щиро закохався в талановиту московську поетесу-фронтовичку Юлію Друніну, яка вступила на сценарні курси, де він викладав. Між ними було два десятки років різниці, однак Друніна відповіла Каплеру такою самою щирою взаємністю. Він був вже одружений, вона теж заміжня, їм обом довелося розлучитися, і після цього вони стали напрочуд міцною і щасливою парою. За словами їхніх знайомих, Олексій Якович «зняв з Юлі солдатські чоботи і взув її у кришталеві черевички». Характерні рядки Юлії Друніної:

Я только раз видала рукопашный,
Раз наяву, и тысячу – во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно –
Тот ничего не знает о войне.

Помилка в енциклопедіях

В усіх енциклопедіях та довідниках вказана дата народження Лазаря (Олексія) Каплера – 1904 рік. Однак буває, що й енциклопедії помиляються. У цьому випадку, як свідчать документи, Олексію Яковичу вкоротили життя на цілий рік. Вперше це було помічено нами під час вивчення особистої справи Якова Каплера у міському архіві, у матеріалах 1-го комерційного училища. Там зберігається формулярний список купця-філантропа, куди внесені всі його діти. Але рік появи на світ молодшого з них – Лазаря (як назвали при народженні Олексія Каплера) зазначений не 1904-й, а 1903-й. Для встановлення справжньої дати ми звернулися до Історичного архіву України до раввинських метричних книг, куди вписували всіх народжених у Києві євреїв. І ось у книзі за 1903 рік виявився запис про те, що у вересні в «київського місцевого першої гільдії купця Якова Нафталійовича Каплера» народився син Лазар. А в книзі за 1904 рік жодної інформації про поповнення в родині Каплерів немає!

Чому ж дата раптом змінилася? Найімовірніше, з тієї ж причини, з якої вона змінилася і в ровесника Каплера, який народився і записаний в ту саму метричну книгу буквально три дні потому, – великого піаніста Володимира Горовиця. Його теж у всіх енциклопедіях згадували як народженого у 1904 році, доки архівна знахідка не додала йому рік життя. Справа, ймовірно, в обстановці громадянської війни, коли у Києві поперемінно встановлювалася то червона, то біла, то синьо-жовта влада і кожна, маючи потребу в гарматному м’ясі, оголошувала мобілізацію призовного віку. У цих умовах один

рік «туди-сюди» міг визначити, жити юнакові чи не жити. Тож деякі батьки, зокрема, мабуть, і Яків Каплер, вживали превентивних заходів зі зменшення віку своїх нащадків, які виявилися, як ми тепер бачимо, зовсім не зайвими. Хай там як, а ми маємо можливість вперше повідомити широкому загалу справжню дату народження славетного діяча кіно, сина видатного київського підприємця Олексія (Лазаря) Яковича Каплера: 15 (28) вересня 1903 року.

Любовь ХАЗАН

«СРЕДЬ НИХ – ПОСТРАДАВШИЙ ОТ СТАЛИНА КАПЛЕР...»

«Бульвар Гордона» № 41 (441) 8 октября, 2013

bulvar.com.ua/gazeta/archive/s41_66350/8320.html

В Киеве родился кинорежиссер, сценарист и телеведущий Алексей Каплер, который стал первой любовью дочери Сталина Светланы Аллилуевой

Был конец марта 1974-го. Одесса, отдохнув от прошлогоднего нашествия курортников, жила собственной суетой, а не взятой напрокат. В приятном возбуждении город ожидал приезда Алексея Каплера. Билеты в филармонию на все три вечера были раскуплены. Интерес к столичной знаменитости подогревался тем, что за полтора года до этого на Центральном телевидении закрыли «Кинопанораму», которую он вел в течение шести лет, первое время – в прямом эфире. Люди скучали по телепередаче и ее ведущему, приоткрывшему форточку в «не наш» мир. Заглянули на одесские вечера Алексея Каплера и литературоведы в штатском. Свою разгромную рецензию они отправили секретной почтой киевскому начальству. Председатель украинского КГБ Виталий Федорчук информировал об этом доносе лично Владимира Щербицкого. Сей опус хранится в архиве СБУ и не хуже диссидентских мемуаров рассказывает об особенностях ушедшей эпохи и перемолотых в ее жерновах людях.

Совпадение или предначертание: Люся (так все по-свойски звали Каплера) родился в Киеве на Подоле – в доме, на месте которого позднее открыли кинотеатр «Жовтень». Алексей испробовал себя в разных ипостасях. В юности в Киеве был эстрадным танцовщиком и актером театра, в Одессе – ассистентом режиссера и писателем, в Питере – актером кино и сценаристом, во время войны – военным корреспондентом. Но все дорожки вели его сначала в кино, а потом на телевидение.

В киевской юности Люся, слывший непревзойденным рассказчиком, дружил с двумя будущими знаменитыми кинорежиссерами, а тогда просто Гришей Козинцевым – прекрасным художником-авангардистом, и Сережей Юткевичем, умевшим, на зависть друзьям, держать трость на кончике носа.

Сергей Юткевич вспоминал, как через несколько лет, в середине 20-х годов, Каплер работал на Одесской кинофабрике ассистентом Александра Довженко. Специально послушать устные рассказы Каплера приезжал Исаак Бабель: «И вот днем в маленьком полутемном кафе на Дерибасовской улице, опершись локтем на мраморный столик, Исаак Бабель, как бы ввинтив-

шись своим острым и лукавым взглядом в Каплера, чуть оробевшего от присутствия уже тогда знаменитого собеседника, приготовился слушать... Это было трогательно и забавно, а местами настолько смешно, что весь трясся, заливался беззвучным хохотом Бабель и, протирая запотевшие от смеха и слез свои очки в позолоченной оправе, требовал продолжения рассказов».

Теперь 70-летний Алексей Яковлевич ехал в Одессу, вспоминая, как в соответствии с ленинским указанием «кино – важнейшее для нас из искусств» вырастала мощь Одесской кинофабрики. Вместе с ней росли Довженко, Охлопков, Пырьев, Рошаль. Неподалеку снимал свой «Броненосец» командированный из Москвы Эйзенштейн. Каплер ностальгировал: «Вспоминать об Одессе – значит почувствовать вдруг снова юное ожидание счастья, которым я жил тогда».

Ему было что рассказать одесситам. Например, о первом назначенном Москвой директоре кинофабрики Павле Нечесе. Бывший революционный матрос, тот носился по павильонам в чудовищном желтом кожаном пальто, из-за жары надетом на голое тело. Малограмотный, писавший закорючками, он оказался хорошим организатором и помощником режиссеров. Нечес спас Довженко от изгнания за профнепригодность после провала одного из его первых фильмов с кокетливым названием «Ягодка любви». Директор дал начинающему режиссеру сценарий «Сумки дипкурьера», тот справился и был оставлен в профессии.

Или о том, как один одесский режиссер снял фильм о красном разведчике в буржуйском логове. Нечес посмотрел и рубанул со всей матросской прямотой: «Я, братику, баронов в лицо не бачив, а бачив только баронские задницы, когда воны тикалы от нас. Но я тебе скажу, что твои аристократы даже на те задницы не похожи».

Или о том, почему холм по пути из Феодосии в Коктебель носит гордое имя «Мадам Бродская». Жена одесского адвоката Бродского, наделенная незаурядной пышнотелостью, пришлась по вкусу приглашенному из Германии режиссеру, который взялся снимать фильм «Спартак». Мадам Бродскую он задействовал в роли жены диктатора Суллы. Во внеэкранной жизни мадам Бродская любила возлежать на шезлонге коктебельского пляжа. После выхода на экраны «Спартака» ее заприметили местные таксисты, возившие в Коктебель отдыхающих. Они-то и начали развлекать пассажиров, указывая на бежавший вдоль дороги холм, якобы напоминавший фигурные очертания вальяжной кинодивы: «А вот Мадам Бродская!».

Творческие вечера Алексея Каплера проходили при большом стечении одесситов и завершались овациями. А в это время в Киев полетела «телега»:

«КГБ при Совете Министров УССР – ЦК КПУ, тов. Щербицкому В. В. Совершенно секретно. 1 апреля 1974 года. Информационное сообщение.

С 19 по 21 марта 1974 года в зале Одесской филармонии состоялось выступление заслуженного деятеля искусств РСФСР, лауреата Государственной премии кинодраматурга Каплера А. Я. о кинематографии в дореволюционный период, начале развития советского киноискусства...

В своих выступлениях Каплер основное внимание уделил рассказу об отдельных деятелях кинематографа и эпизодах из раз-вития кино, которые в

действительности не отражали историю становления советского киноискусства, принижал руководящую роль партии, стремился подкрепить это тенденциозно подобранными фрагментами из кинокартин».

О мадам Бродская! О диктатор Сулла! Как далеки вы были от народа. И даже революционный матрос Нечес не спас положения. Наоборот: его образ в том виде, в каком он сохранился в памяти Каплера, принизил руководящую роль партии.

Из «Информационного сообщения» В. Федорчука В. Щербицкому: *«Отмечая революционные заслуги директора Одесской кинофабрики П. Нечеса как участника штурма Зимнего дворца, Каплер оскорбительно отозвался о нем как об ограниченном, тупоголовом, обезьяноподобном человеке».*

Историю о легендарном первом директоре Одесской кинофабрики, сдобренную мягким юмором и очевидной симпатией, можно прочесть в очерке Каплера «Одесса-мама». Очевидно, одесские чекисты, четко ориентированные «брать с поличным», услышали все с точностью до наоборот. Да и кому же понравится, если люди помнят то, что видели, а не то, что разрешено?

Год 1974-й в советской истории знаменит выдавливанием за границу большой группы непокорных писателей. В течение нескольких месяцев родины лишились Наум Коржавин, Александр Солженицын, Владимир Максимов, Александр Галич, Виктор Некрасов. Судя по «телеге» на Алексея Каплера к такой же участи готовили и его.

Но ошибался Виталий Вульф, когда говорил, что Каплера «ушли» с телевидения за его прямые эфиры. Алексей Яковлевич признавался, что сам перешел на запись передач потому, что несколько приглашенных в прямой эфир гостей поставили его в ужасное положение. Они все говорили и говорили о себе любимых, время шло, он зло косился на них, толкал под столом ногой, щипал. Они не обращали внимания, а Каплер комкал подготовленные сюжеты, так что большая часть его труда пропадала даром.

Однако настало время, когда даже в записи его передачи стали казаться кремлевским идеологам неслыханным посягательством на устои. Цензорские ножницы отчекрыживали от них самые вкусные, самые яркие куски. Каплер вручил руководству Гостелерадио письмо: «Продолжать в том же духе отказываюсь. Вот и давайте расстанемся».

Этого только и ждали. «Кинопанораму» закрыли так внезапно, не дав ведущему попрощаться со зрителями, что поползли слухи, будто он то ли скоропостижно скончался, то ли как отпетый диссидент выдворен из Союза. А он ушел в кабинетную тень и начал писать книги.

Алексей Яковлевич Каплер, выходец из зажиточного купеческого семейства, хорошо образованный, был белой вороной среди вышедших наверх малограмотных или вовсе безграмотных пролетариев.

От подозрений в неприятии советского образа жизни его не спасало даже написание сценариев, положивших начало «Кинолениниане»: «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году» (второй – в соавторстве с его женой Таисией Златогоровой). Изначально проект был рискованным. Ленина, Сталина, Свердлова, Дзержинского и иже с ними в художественном кино до тех пор никто не изображал, канона не существовало, легко можно было «дать пету-

ха» с непредсказуемыми последствиями. Но Алексей Каплер выиграл сценарный конкурс, объявленный к празднованию 20-й годовщины революции.

Сталин посмотрел первую картину 6 ноября 1937 года на закрытом показе. И – чудо – остался доволен: на экране, пусть в жизни все было иначе, он едва ли не на равных с Лениным вершил революцию. Ленин (главная роль Бориса Щукина), прибывший в предреволюционный Питер, говорит соратникам: «Помните: прежде всего – свидание со Сталиным!». Историки 90-х утверждали, что Сталин в те времена был малозначительной фигурой, и посему Ленин вряд ли так страстно, как в фильме, желал свидания с ним.

А во втором фильме дилогии гуманист Максим Горький в исполнении Николая Черкасова говорит Ленину-Щукину: «Я, может быть, старею, но мне тяжело смотреть на страдания людей. Пусть это даже люди ненужные...». Непреклонный Ленин в 18-м отвечает точно так, как в 38-м ответил бы Сталин: «Вы опутаны цепями жалости... Отбросьте ее прочь! Она отравляет горечью ваше сердце, она застилает слезами ваши глаза, и они начинают хуже различать правду. Прочь эту жалость!».

По свежим следам успеха первого фильма сценариста Алексея Каплера, режиссера Михаила Ромма и актера Бориса Щукина наградили орденами Ленина. Сталинская премия, учрежденная в 1940 году, догнала создателей дилогии в 1941-м.

Так случилось, что они были одновременно и жертвами, и создателями массового сталинского психоза. Казалось, после Сталинской премии перед Каплером открыты все дороги, но... карта легла на арестантский тракт в заполярную Воркуту. И не из-за критики, а из-за самой дорогой для Сталина женщины. С юной дочерью вождя Светланой Аллилуевой Алексей Каплер встретился в годы войны на вечеринке по случаю очередной годовщины Октябрьской революции. Гостей зазвал ее брат Вася Сталин. Незадолго до этого Каплер задумал написать сценарий к фильму о военных летчиках, и Василий взялся консультировать его и других киношников. Но дело закончилось лишь несколькими шумными застольями.

На той ноябрьской вечеринке ставили пластинки с томными предвоенными фокстротами. Позже Светлана Иосифовна вспоминала, кто из гостей присутствовал: «К. Симонов был с Валей Серовой, Б. Войтехов с Л. Целиковской, Р. Кармен с женой, известной московской красавицей Ниной, летчики – уж не помню, кто еще». Бойкие кавалеры быстро разобрали фасонистых дам, а угловатая 17-летняя старшеклассница Света досталась Каплеру.

Та вечеринка стала для нее чем-то вроде первого бала Наташи Ростовой. Воспитанной в строгости девушке сшили «первое хорошее платье у хорошей портнихи», и она приколола к нему гранатовую брошь в память о маме, 10 лет назад покончившей самоубийством (по официальной версии) после октябрьских праздников в компании с мужем-садистом.

У Алексея Каплера только что вышел документальный фильм «Концерт фронту» по его сценарию с участием Аркадия Райкина. Фронтовой корреспондент Каплер был известен и репортажами о белорусских партизанах, вместе с которыми он даже участвовал в одной из диверсий. Наверняка в глазах Светланы он походил на мужественного князя Андрея. К своим 40

годам Люся несколько погрузнел, но все еще был грациозен, как во времена киевского увлечения эстрадными танцами. Тогда он выступал как профессионал, на афишах алыми буквами писали: «Танго смерти».

Галантный Каплер сделал Светлане комплимент, и ей, как она напишет в своей книге «Двадцать писем к другу», «захотелось вдруг положить голову к нему на грудь и закрыть глаза...». Размяк и кавалер. Вдруг они обнаружили, что преграды возраста, опыта, положения размыл, словно дамбу, поток теплых чувств и, как ей показалось, схожего у обоих одиночества.

С того дня он поджидал ее в парадном напротив школы, откуда она выходила в сопровождении приставленного к ней «дядьки». Потом влюбленные стали встречаться. Но дальше прогулок в полупустых залах музеев и полутемных кинотеатрах дело не зашло. Об их свиданиях доложили Сталину, и вождь прямо-таки взбесился. Из серьезного ведомства Каплеру дали ясно понять, что замахнулся не по чину.

Он понял ошибку. Светлана тоже. На прощание встретились в квартире Василия Сталина. Но и здесь «дядька» сидел в смежной комнате и через открытую дверь старался уловить, о чем эти голубчики говорят. А они стояли молча, чуть дыша и тесно прижавшись друг к другу.

Самое обидное, что наутро после этой драматической капитуляции любви перед силой за Алексеем пришли. Ему предъявили обвинение в шпионаже в пользу Англии на том основании, что Каплер не раз встречался с зарубежными журналистами и кинодеятелями.

В тот же день Сталин, до этого сентиментально и не вполне по-русски обращавшийся к дочери: «Моя дорогая воробушка!», ворвался в комнату Светланы и с ходу надавал ей крепких пощечин с криком: «У него кругом бабы, дура!». И упрекнул: «Не могла найти себе русского!».

Это случилось 3 марта 1943 года, а 10 лет спустя, в этот же день, сидя у изголовья впавшего в беспамятство отца, Светлана, уже дважды побывавшая замужем и родившая двух детей, думала о том дне, когда «отец ударил меня по щекам. И вот я сижу у его постели, и он умирает».

В «Двадцати письмах к другу» рассказу об отношениях с Люсей Каплером Светлана Аллилуева уделила намного больше места, чем рассказу о первом муже, ничем не примечательном студенте-международнике, которому за дерзость жениться на дочери Сталин отомстил арестом его отца, и втором, сыне компартийного иезуита Андрея Жданова, проводившего линию партии на идеологическом фронте. Она не могла забыть того времени, когда единственный раз в жизни была счастлива.

Неспроста Иосиф Виссарионович орал дочери, что у Каплера «кругом бабы». Ко времени рокового фокстрота со Светланой тот уже неоднократно был женат и разведен. Откровенный женолюб, Каплер в любви был эстетом, каждая его избранница не просто красавица, а женщина неординарная.

В первый раз Люся женился в Киеве в 18 лет. Замуж за него пошла одна из первых актрис советского кино Татьяна Тарновская. Из плеяды потомков знаменитого дворянского рода Тарновских, она была на пять лет старше мужа. Анатолий, сын Каплера и Тарновской, писал, что они познакомились в учебной киностудии Смирнова в Киеве: «Пришлось ему креститься, и

только после этого мать вышла за него замуж. После окончания студии они оба уехали в Одессу на кинофабрику, где мать снималась в немых фильмах». Когда малышу исполнилось два годика, занятая ребенком Татьяна оказалась на кинофабрике не у дел и уехала из Одессы. Брак распался.

Потом Алексей Яковлевич повстречался с золотой женщиной – под стать фамилии Златогорова у нее и волосы были золотого цвета. Тася, как и Каплер, киевлянка, тоже подвизалась в киношном деле. Кроме «Ленина в 1918 году», вместе с мужем написала сценарии еще к двум фильмам. Молодой тогда писатель Юрий Нагибин издали с завистью наблюдал за блистательной супружеской парой, которая появлялась на коктебельском пляже в сопровождении отставного мужа Таси писателя Меттера, автора сценария кинофильма «Ко мне, Мухтар!». Изменив имена, Нагибин писал: «Я не знаю участи Горностаевой, знаю лишь, что ее фамилия вскоре исчезла из титров фильмов, созданных в соавторстве с Каплиным, исчезла и она сама». Тасю арестовали, через год издевательств она покончила с собой в тюремной камере. К тому времени отбывавший свою первую «сталинскую пятилетку» Алексей Каплер давно уже не был ее мужем.

Начальник лагеря в Воркуте, уважавший зека Каплера за ленинскую дилогию, позволил «шпиону» покинуть территорию, ограниченную колючей проволокой, и стать заведующим городской фотографией. Скорее всего, без отмашки сверху этого бы не случилось. И здесь, в Воркуте, Алексей Яковлевич познакомился с одной из самых знаменитых актрис довоенной Москвы Валентиной Токарской.

Певица и балерина (с ней сравнивают Людмилу Гурченко), прима Московского мюзик-холла и Театра сатиры, Токарская разъезжала по городу на собственном авто, что могли себе позволить всего три-четыре роскошных москвички. Ее судьба раскололась, когда в 41-м вместе с актерской бригадой, отправленной на фронтовые концерты, она попала в окружение. Чтобы выжить, пошла на сотрудничество с оккупантами, а этого не прощали.

Рожденная в Одессе, Валентина училась в киевской Фундуклеевской гимназии, где наук не превзошла, потому что любила выступать в концертах. С Люсей Каплером, считавшим себя, где бы он ни жил, киевлянином, им было что вспомнить, о чем погоревать. По слухам, она чуть ли не спасла его от петли, с помощью которой он хотел избавиться от свалившихся на него несчастий.

Некоторые биографы Каплера считали, что вторую «сталинскую пятилетку» он получил за то, что не внял совету больше не искать встреч с дочерью Сталина и сразу после освобождения отправился из Воркуты в Москву. На самом деле он рвался не к Светлане.

Писательница Лариса Васильева удостоилась беседы с Валентиной Токарской, когда та превратилась в «синильную», как она пишет, старушку. Токарская, которая в 90-летнем возрасте играла на сцене Театра сатиры, рассказала, что в Москву Люся стремился потому, что «там оставалась вся его жизнь. Думаю, он хотел также повидаться со своей главной любовью Тасей Златогоровой, хотя в Москве жила его официальная жена актриса Сергеева, известная по фильму «Пышка», но они уже были не вместе, когда

Каплер встречался со Светланой».

В Москве Алексей Яковлевич не задержался. Взял билет на поезд до Киева, где еще жили его родители. Вошел в купе, уложил чемодан под полку и немедленно был арестован. Его отправили в Инту (Республика Коми) на общие лагерные работы. До послесталинской амнистии работал санитаром в больничном бараке, на шахте. Однажды, на очередные октябрьские праздники, увидел на бараке афишу: «7, 8, 9 ноября в клубе будет демонстрироваться фильм «Ленин в Октябре».

Из лагеря он слал письма Валентине: «Родная, бесконечно дорогая моя!.. Тоненькая ниточка твоего звездного света мне абсолютно необходима. Хоть она и призрачная, хоть к ней нельзя даже прикоснуться, но это мой единственный ориентир».

Когда оба окончательно освободились, вступили в брак и стали жить в Москве. Она снялась в самом кассовом советском детективе «Дело № 306». Он написал сценарии к не менее популярным «Полосатому рейсу» (в соавторстве с Виктором Конецким) и «Человеку-амфибии» (совместно с Акибой Гольбуртом и Александром Ксенофонтовым).

А на интеллигентских кухнях уже во все уши слушали песню Высоцкого, где «шпана и бандит» раздумывает, а не повысить ли ему свою квалификацию до антисемита, и вспоминает, что среди «семитов» немало порядочных и знаменитых людей, в том числе:

Средь них – пострадавший от Сталина Каплер,
Средь них – уважаемый мной Чарли Чаплин,
Мой друг Рабинович и жертвы фашизма,
И даже основоположник марксизма.

Популярность Каплера зашкаливала. Примерно в это время на горизонте снова появилась Светлана. Лариса Васильева сопоставила два рассказа о треугольнике Аллилуева – Каплер – Токарская. По словам Светланы, они с Каплером стали встречаться, но вдруг он сказал, что обязан посвятить остаток жизни Валентине. В отчаянии Светлана пошла к сопернице и сообщила, что по-прежнему любит Люсю. Валентина якобы ответила: «Пусть он делает что хочет, только чтоб я об этом не знала».

Иная версия у Токарской: «Она мне доводы какие-то приводила, что имеет на него права. Была вежлива, интеллигентна, но я бы на такое никогда в жизни не пошла... Когда я вернулась домой после встречи с ней, Каплер метался по квартире, как тигр по клетке. Не мог понять, чем все это кончится. И злился на нее».

Одна была невольной виновницей его ареста, вторая – его спасительницей. Он предпочел вторую.

Но и Валентину Токарскую Алексей Каплер не смог, как обещал, носить на руках до конца жизни. Ее место на руках и в сердце вскоре заняла поэтесса Юлия Друнина. На протяжении шести лет она боролась со своим чувством, пытаясь сохранить семью с первым мужем – поэтом Николаем Старшиновым, фронтовиком, комиссованным по ранению, как и Юлия. «Под крылом» Каплера она прожила 12 лет. «Он стянул с тебя солдатские сапоги, – писал поэт Марк Соболь, – и переобул в хрустальные туфельки».

К туфелькам прилагались трогательные телеграммы: «Джанкой поезд тридцать первый вышедший Москвы двадцать четвертого декабря вагон тринадцатый место двадцать пятое пассажиру Друниной Доброе утро Каплер» или: «Планерское Дом творчества Друниной. Уже третий час ночи. Уже уложил вещи. Есть потребность признаться что очень тебя люблю моя бесконечно дорогая. Опять Каплер». Она отвечала стихами:

Ты – рядом, и все прекрасно: И дождь, и холодный ветер.

Спасибо тебе, мой ясный, За то, что ты есть на свете.

Потом его не стало. Изменилась жизнь, в которую Друнина, секретарь Союза писателей СССР и народный депутат СССР, так и не вписалась. Через 11 лет после кончины Каплера Юлия заперлась в гараже и отравилась выхлопными газами своей машины.

Режиссер Эльдар Рязанов обижался, что Каплер ни разу не позвал его в свою «Кинопанораму», а во время премьеры «Иронии судьбы» вместе с Юлией покинул зрительный зал. И все-таки легенда о последней любви двух немолодых подростков взволновала его, и он снял документальную ленту.

В предсмертной записке Друнина объяснила: «Почему ухожу? По-моему, оставаться в этом ужасном, передравшемся, созданном для дельцов с железными локтями мире такому несовершенному существу, как я, можно, только имея крепкий личный тыл». Мир на ее глазах перевернулся, и больше не было крыла, чтобы укрыться от катастрофы.

Лучшие минуты совместной жизни Люся и Юля связывали с крымскими горами. Оба нашли покой в одной ограде на кладбище Старого Крыма.

Опубликованные письма, адресованные Алексеем Яковлевичем разным женщинам в разное время, наводили читателей на подозрение в его хронической неискренности. Масла в огонь подлил Эдвард Радзинский, назвавший Каплера главным сердцеедом столицы и плейбоем.

Но, похоже, это не о нем. Кто-то сказал, что неотразимое обаяние Дон Жуана – свидетельство его искренности: каждую новую жертву он не соблазнял, а действительно любил. Каплер был словно «запрограммирован» на некий идеальный женский образ и любил его во всех избранницах до тех пор, пока они ему соответствовали.

«Когда одному мужу сообщили о романе его жены с Каплером, – написал Радзинский, – он сказал знаменитую фразу: «Мужья на Каплера не обижаются...». Обижались, нет ли, а зубы наверняка точили. За ним всегда волочился шлейф его «аморальной» репутации и громкой истории с «предательницей» своего отца Светланой Аллилуевой.

Тень на Каплера бросало и его усилившееся после лагерей вольнодумство. Чекисты были уверены, что не промахнутся. Из «Информационного сообщения» В. Федорчука В. Щербицкому: «В невыгодном свете представил (А. Каплер. – Авт.) роль партийных деятелей того времени, рассказав, что один из секретарей ЦК КПУ, якобы будучи некомпетентным в вопросах искусства, дал неправильную оценку комического фильма, расценив показанный в нем эпизод драки как попытку пропаганды и поощрения бандитизма. В заключение Каплер отметил: «Конечно, в результате этого фильм не вышел на экран, а директор больше не был директором».

Рассказывая о кинофильме «В угаре НЭПа» (1924 год, режиссер – Борис Светозаров. – Авт.), выступающий акцентировал внимание на неправильном поведении «партийного работника высокого ранга», который поддался влиянию нэпманов, соблазнился женщиной легкого поведения, оставил жену, которую Каплер назвал: «А это его партийная жена».

Упоминая об идеологически ущербном и слабом кинофильме «Беня Крик» Одесской кинофабрики (1926 год, сценарист Исаак Бабель. – Авт.), Каплер высказал недоумение и сожаление, что этот фильм не демонстрируется в настоящее время на экранах кинотеатров.

В выступлениях Каплер не счел нужным рассказать о революционной направленности многих фильмов того времени, вошедших в золотой фонд мирового кино, ограничившись мимолетным упоминанием «Наряду с этими фильмами в 1925 году вышел «Броненосец Потемкин» Эйзенштейна»...

В конце выступления Каплер остановился на зарубежных кинофильмах, в том числе американском фильме «Корабль дураков» (1965 год, режиссер Стэнли Крамер, фильм номинировался на «Оскар». – Авт.), рассказывающем о положении евреев в фашистской Германии. Устами героя фильма Каплер спросил у публики: «А разве вас это не касается?», чем вызвал соответствующую реакцию зрителей, большинство которых были лица еврейской национальности».

Этим беспроигрышным аккордом заканчивается донос председателя украинского КГБ В. Федорчука первому секретарю украинского ЦК В. Щербицкому. Владимиру Васильевичу дело показалось столь важным, что уже на второй день после получения он написал на нем резолюцию:

«Лично Маланчуку В. Е. (секретарь ЦК КПУ по идеологии. – Авт.):

Знает ли обком, ГП?

Пр. проинф. устно т. Демичева (секретарь ЦК КПСС. – Авт.) или т. Шауро В. Ф. (заведующий отделом культуры ЦК КПСС. – Авт.).

Щербицкий. 2.4.74».

Может быть, очередному высосанному из пальца «делу» дали бы ход и Каплера вышвырнули бы за границу. Но случилось так, что заграница сама пришла к нему. Как раз в это время наступила краткая «разрядка» в отношениях СССР и США, и в «верхах» возникла идея совместного советско-американского фильма. Под многомиллионный проект выбрали сказку Мориса Метерлинка «Синяя птица». Сниматься пригласили Элизабет Тэйлор, Джейн Фонду, Маргариту Терехову и вообще целый букет знаменитостей. Сценарий писали два американца, от СССР дополнить его поручили Алексею Каплеру. Товарищи Демичев и Шауро положили писульку товарищей Федорчука и Щербицкого под сукно.

Каплер умел сочинять сказки и создавать легенды. Одна из последних – легенда о Вере Холодной. «Королевы экрана» не было на свете уже более полувека, и Алексей Яковлевич принадлежал к «ихтиозаврам», которые стали ее первыми зрителями.

Отец Люси был достаточно богат, чтобы позволить себе собственную дачу в Пуще-Водице. Каждое воскресное утро мимо летнего дома проезжал трамвай с прицепным вагоном, на скамьях которого духовой оркестр играл

бравурные марши. Это значило, что вечером в синема на 5-й линии будут показывать новое кино. Картины с Верой Холодной крутили неделями.

Мелодрамы оставляли равнодушным юного Каплера. Но однажды заболел сосед по даче и отдал Люсе свой билет. Он взял его нехотя. И вдруг случилось странное: *«Я почувствовал какое-то незнакомое, непонятное щекотание в горле и пощипывание в глазах. Через минуту я стал шмыгать носом и шарить в кармане, где, конечно, и намека не было на носовой платок».* Выйдя из зала, он задался вопросом: откуда вдруг это неотвязное желание защищать, оберегать Веру Холодную от всех бед и опасностей? С тех пор юноша не пропустил ни одной ее картины.

Вера Холодная умерла в Одессе от «испанки». Спустя четыре года туда приехал на работу Люся Каплер. Через много лет он разыскал в Одессе младшую сестру актрисы и в течение нескольких вечеров записывал ее воспоминания на диктофон.

Вера Холодная никогда не узнала о своем юном поклоннике. Зато с другим, о котором Каплер тоже написал большую работу, ее связали странные нити судьбы. Это был Александр Вертинский, который привез ей письмо с фронта от мужа и привязался к ее уютному дому. Одну за другой Вертинский посвящал Вере песенки-ариетки. Однажды в каком-то кокаиново-сомнамбулическом сне он написал: «Ваши пальцы пахнут ладаном, а в ресницах спит печаль. Ничего теперь не надо вам, никого теперь не жаль». Красавица рассердилась: как можно такое посвящать живому человеку? Он стер посвящение. Когда узнал, что Веры не стало, был убит горем и посвящение вернул. Каплер, как никто, понимал платоническую любовь Вертинского к прекрасной и недоступной женщине-кумиру.

Из «Информационного сообщения» В. Федорчука В. Щербицкому: *«Первую часть выступления Каплер посвятил киноактрисе Холодной В. В., ее мужу – офицеру царской армии, представив последнего чуть ли не прогрессивным деятелем...».*

Когда Каплер писал книгу о Вере Холодной, задумался о том, что ни в одной из многочисленных анкет, заполненных им в жизни, где следовало указать всех жен, не было вопроса о первой любви. *«А если бы он стоял, я должен был бы честно ответить: Вера Холодная»*. Наверное, это и был тот женский идеал, который он искал всю жизнь и, случалось, находил.

Максим СУХАНОВ

«А ЧТО БЫ СКАЗАЛ НА ЭТО КОЗИНЦЕВ?»…

К 110-летию знаменитого кинорежиссера

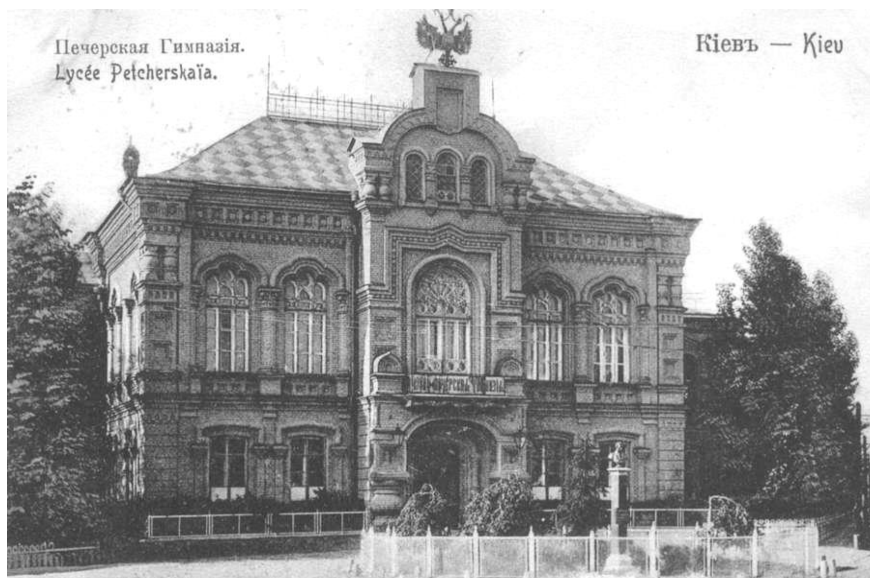
«Еврейский обозреватель» 03/267 март 2015

jew-observer.com/yubilej/a-chto-by-skazal-na-eto-kozincev

Нас давно не удивляет, что биография того или иного гения начинается с сакраментального: родился в бедной еврейской семье. В этом смысле лауреат двух Сталинских и Ленинской премий, народный артист СССР, один из

лучших советских режиссеров середины XX века Григорий Козинцев(1905-1973), – исключение, лишь подтверждающее правило. Дело вовсе не в происхождении – дед режиссера по материнской линии был раввином. Но… не бедствовали Козинцевы, отнюдь не бедствовали. Отец – доктор медицины Моисей Исаакович Козинцев – имел хорошую практику в частной клинике на Большой Житомирской, семья жила неподалеку от центра Киева (этот дом сохранился на Саксаганского, 22).

Учился юный Гриша в элитной Киево-Печерской гимназии – в эпоху процентной нормы редкая удача для еврейского ребенка. Гимназию, впрочем, не любил, и день 1918 года, когда в здание угодил артиллерийский снаряд стал для него праздником. Занятия так и не возобновились.



О Киеве эпохи Гражданской Козинцев позднее вспоминал: «Оскотевшие банды белых карателей, петлюровцы в нелепых свитках и маскарадных папахах, свист, улюлюканье, гиканье, выстрелы в ночи». А жизнь, тем не менее, шла своим чередом. В 14 лет Гриша Козинцев устроился помощником художника в Театр Соловцова (нынешний Театр им. И. Франко). Тогда же, в марте 1919 года с сестрой Любой они поступили в художественную студию знаменитой Александры Экстер, а спустя пару месяцев трое друзей (позднее все они станут классиками советского кино!) – Григорий Козинцев, Сережа Юткевич и Люся Каплер – оформляли своими плакатами первый Первомай на Крещатике.

У Экстер Люба (ставшая профессиональной художницей) познакомилась со своим будущем мужем – Ильей Эренбургом. На всю жизнь врезался лучшему публицисту СССР эпизод, случившийся на квартире тестя – Моисея Исааковича. Во время очередной смены власти в дом ворвался белогвардеец и заорал: «Христа распяли, Россию продали!». Потом увидел на столе порт-

сигар и сменил тон: «Серебряный?..».

К началу 1920-х Киев покинули все Гришины друзья – уехали и Экстер, и Эренбург, и молодой Козинцев решает начать новую жизнь в Петрограде. Живет у бабушкиной сестры – тети Розы, учится в академии художеств у выдающегося авангардиста Натана Альтмана. Пробует себя в экспериментальном театре, а в 1924-м совместно с Леонидом Траубергом снимает первую короткометражку – «Похождения Октябрины», ставшую, по словам Юрия Тынянова, «необузданным собранием всех трюков, до которых дорвались изголодавшиеся по кино режиссеры».

О Козинцеве тех лет вспоминала Галина Уланова: «Он был настолько внутренне интеллигентен, что и в Театральной мастерской ФЭКСа, и на съемках «Октябрины» ему не нужно было прилагать никаких усилий к тому, чтобы его ученики и сотрудники, хотя он и был моложе большинства из них, называли его только на «вы» и «Григорий Михайлович».

Вскоре Козинцев, которому слегка за 20, удивляет зрителя шедеврами советского немого кино – в 1926-м выходит «Шинель» по мотивам «Петербургских повестей» Гоголя, а год спустя историческая мелодрама «С. В. Д.» о восстании декабристов. Последний фильм Виктор Шкловский назвал «самой нарядной лентой Советского Союза».

Интересно, что это авангардистское десятилетие в творчестве Козинцева было заклеймено впоследствии советским официозом как период формалистических вывертов и ошибок. В 1930-е Козинцев снимал совсем другое кино, символом которого стала трилогия о Максиме. Если первая картина – «Юность Максима», снятая в 1935-м – это во многом фольклорная, сказочная история об обаятельном подпольщике, которого ничего не берет, то вторая и третья части – типично идеологические фильмы, которые сам режиссер называл «агитками». Вспомним хотя бы «Выборгскую сторону», где появляются Ленин и Сталин, а Максим обличает господ Шумахеров, Мациевских и Андрезенов в том, что «фамилии у них немецкие, со шпионами знались английскими, а порядочки мечтали завести японские».

Кстати, сын режиссера утверждает, что о еврейском происхождении хита «Крутится-вертится шар голубой» («Ву из дос геселе, ву из ди штиб, ву из дос мейделе, вос их хоб либ?») Козинцев не знал. Возможно, об этом знал писавший музыку к фильму Шостакович, но благоразумно молчал… Так или иначе, но кино вождю понравилось – за трилогию Козинцева удостоили Сталинской премии первой степени.

В годы войны уже официальный классик Козинцев снимал мало – в основном выпуская сюжеты «Боевых киносборников» на киностудии в Алма-Ате. Была правда совместная с Траубергом короткометражка «Юный Фриц» – о немецком мальчике (его играл сорокадвухлетний Михаил Жаров), получающем «правильное» воспитание, который учится строчить доносы на родителей, соседей, обожествляет фюрера и т.д. Впрочем, аналогии были столь прозрачны, что фильм лег на полку. Только в 1956-м сняли с полки и снятую в 1945 году Козинцевым и Траубергом картину «Простые люди». Это была их последняя совместная работа – проработав вместе более 20 лет, друзьями соавторы так и не стали.

Почему Козинцева обошли стороной репрессии 1930-х и послевоенная кампания по борьбе с космополитами? Сам Григорий Моисеевич по этому поводу говорил: «Брак на производстве». При этом его поведение в отношении попавших в опалу коллег можно назвать безупречным. Так, когда главной мишенью антисемитской кампании в Ленинграде стал Трауберг, Козинцев не только не перестал с ним здороваться (в отличие от большинства вчерашних друзей), но и постоянно напоминал, что он, как соавтор, тоже несет ответственность за инкриминируемые Леониду Захаровичу «политические ошибки». Поступок весьма самоотверженный, учитывая, что в это же время была повторно арестована теща Козинцева, уже отсидевшая 10 лет в лагерях. Удивительным образом, благодаря теще, Григорий Моисеевич узнал о судьбе друга юности – Алексея Каплера. После первой посылки, отправленной Ольге Ивановне в лагерь, из Воркуты пришло уведомление с пометкой: «Посылку вручил А. Каплер»…

Самого режиссёра, возможно, спас случай – аккурат перед началом кампании ему вручили очередную Сталинскую премию за фильм «Пирогов». Картина патриотическая, высочайше отмеченная – и вдруг космополит? Не могут же наверху так ошибаться.

Впрочем, в опалу попадал и Козинцев, например, в 1946-м, когда в Постановлении ЦК ВКП (б) фильм «Простые люди» упоминался в ряду других «порочных, неудачных и ошибочных» лент. Ареста, однако, не последовало, Григорий Михайлович по-прежнему вел мастерскую во ВГИКе, добившись, кстати, чтобы безработному тогда Эйзенштейну разрешили преподавать в главном киновузе страны теорию режиссуры.

Григория Козинцева называли совестью «Ленфильма». В мае 1956 года, когда покончил с собой Александр Фадеев, режиссер записал: «Началась эпоха стыда»…

За последние 15 лет жизни Григорий Моисеевич снял всего три фильма. Но каких! Его «Дон Кихот» 1957 года произвел фурор в Европе, был признан в Испании лучшей экранизацией Сервантеса всех времен, а после демонстрации на фестивале в Сан-Себастьяне в Соборе Святой Марии была назначена месса в его честь. Илья Эренбург после просмотра «Дон Кихота» сказал, что плакал, а великий Ингмар Бергман назвал этот фильм лучшим из всех, что он видел в жизни.

«Гамлет» (1964) с Иннокентием Смоктуновским в главной роли удостоился специального приза Международного кинофестиваля в Венеции и премии Британской киноакадемии BAFTA, а последняя картина «Король Лир» была отмечена на МКФ в Чикаго и Милане. За блестящие экранизации Шекспира режиссера в июне 1972-го пригласили на закладку нового здания театра «Глобус» в Лондоне.

Будучи признанным классиком советского кино, Козинцев избегал официальных «погон» и должностей, при этом его авторитет в кинематографической среде был непререкаем. Чем он и пользовался, помогая коллегам, которых официоз мог стереть в порошок. Именно Козинцев вытащил с полки фильм Андрея Тарковского «Андрей Рублев» – одну из лучших картин в истории мирового кино. Самыми известными учениками мастера стали

столь разные режиссеры как Эльдар Рязанов и Алексей Герман.

Драматург Евгений Шварц называл Григория Моисеевича гибридом мимозы и крапивы. В профессии он был поистине бескопромиссен, не пытался юлить или подсластить пилюлю. Эльдар Рязанов вспоминал об учителе: «Веня Дорман, будущий режиссер фильмов «Земля, до востребования» и «Ошибка резидента», на третьем курсе поставил свою первую киноработу «Жди меня». И Козинцев ему сказал: «Понимаете, Веня, Симонов написал хорошее стихотворение, потом написал пьесу – уже похуже, потом фильм, еще хуже, а потом под тем же названием выпустили одеколон. Так вот, у вас, Веня, получился одеколон».

Бескомпромиссность и прямота распространялась не только на студентов – для Козинцева не было неприкасаемых. Так, будучи председателем жюри Московского международного кинофестиваля, Козинцев отказался присудить главный приз посредственной картине из дружественной ГДР. Немцы, понятное дело, стали возмущаться, мол, обо всем же договорились… На что советские киночиновники лишь развели руками: «Это мы с вами договорились. А с Козинцевым не получилось!»

В начале 1973 года у Григория Моисеевича случился инфаркт. Выдающийся режиссер умер, не дожив нескольких дней до своего 68-летия. Эльдар Рязанов вспоминает: «Само присутствие Козинцева в нашей жизни было чрезвычайно важным. Строгого ценителя, бесспорного авторитета, человека, перед которым мы преклонялись. Это было для нас точкой отсчета. И когда его не стало, его ученики испытали чувство сиротства. Не стало человека, который был очень строгим судьей, но которому мы бесконечно верили. Потому что он был безукоризненно честным и никогда не ходил в приспособленцах». И еще много лет на «Ленфильме» после каждой премьеры спрашивали: «А что бы сказал на это Козинцев?»…

Олег ВЕРГЕЛІС

ФАКТУРА, ЩО ВІДІЙШЛА В МИНУЛЕ

Дзеркало тижня №986, 28 березня – 4 квітня 2014

Виповнилося 100 років від дня народження кіноактриси, киянки, великомучениці, графині Марії Ростиславівни Капніст (1914–1993). З 1961 р. вона значилася у штаті кіностудії ім. О.Довженка; знімалася переважно в епізодах, причому не тільки в Україні, а й на інших союзних студіях ("Бронзовий птах", "Руслан і Людмила", "За двома зайцями", "Шанс", "Пропала грамота" etc.). А доти вона "значилася" в пеклі. Страшне-страшне життя: давня-давня казка. Тож, дорогі дівчата, незадоволені своїми "важкими" буднями у фейсбуках, почерпніть же з мого переказу давнього сюжету хоч трохи відомостей про те, коли життя людське справді важке, але не завжди безпросвітне.

Фактура (далі за словниками) – характер поверхні художнього твору, спосіб її обробки в образотворчому мистецтві, особливості художньої техні-

ки в живопису або скульптурі тощо.

"Фактура" саме цього обличчя – прямо-таки приголомшливий "характер поверхні" XX ст. Наче саме століття розмалювало її профіль і фас злими зморшками, глибокими западинами, просякнуло шкіру табірним пилом і вугільними "туманами" у пеклі рудників. Знаменитий рядок О.Мандельштама "Век мой, зверь мой, кто сумеет заглянуть в твои зрачки?.." – про неї.

У зв'язку з цим є переказ. Буцім наша героїня вже на екваторі XX ст., майже 20 років у сталінських таборах, не бачачи ні світла, ні сонця, одного разу узріла своє відображення в старому дзеркалі. Й жахнулася. Не впізнала себе... Століття двадцяте справді стало для неї "звіром". Терзало безжально. Може, й не згадаємо іншої акторської долі, яка ввібрала в себе стільки трагічних сюжетних поворотів: втрати, страждання, розстріли, катування.

Звісно, ніхто ніколи не переплутає "фактуру" її обличчя з якимось іншим. Сьогодні, наприклад, навіть після 50-ти попередніх успішних майстер-класів В.Вульфа – навіть під тортурами – я навряд чи розрізню "обличчя" й "індивідуальності" сучасних серіальних акторок. Чим, наприклад, відрізняється одна "Арнтгольц" від іншої такої самої – незбагненна загадка сучасності. А стосовно тієї "фактури", що вже відійшла, – ніякої осічки. Це раз і назавжди. Блоківська Незнайомка дихала зі сторінок "духами и туманами". Графиня (з "Бронзового птаха"), або Італійка (як вона сама себе називала), "дихала" з екрану – страшною казкою і гірким минулим. Її "фактура", що одних – лякала, а інших – захоплювала, була "вилита" для казок народів світу. І недарма знаменитий режисер-кіноказкар Олександр Птушко після "Руслана і Людмили" у всіх наступних картинах хотів знімати тільки її (на жаль, не склалося).

Взагалі, здається, вже намацаний жанр "байопіка", за який колись візьмуться В.Ряшин або К.Ернст, вичерпавши для своїх серіалів ліміт радянських ретрозірок першого ряду (саме на підході прем'єри "кін" про життя Ф.Раневської та Л.Орлової). "Жанр" життя Капніст – страшна реальна казка.

…Почнемо перший епізод із київської сцени в якомусь під'їзді. Це – кінець 50-х. Марія Капніст уже випущена на волю. Вже давно немає Сталіна. У Києві вона ночує де випаде. Вокзали, сквери, чужі під'їзди. Професійна актриса, яка на початку 30-х закінчила Театральну студію Ю.Юр'єва в Ленінграді, тепер працює "ким візьмуть". А брали переважно у двірники.

І ось уявімо: ночує в запльованому під'їзді – втомлена, змучена, з "лица не общим выраженьем". І сниться їй "сон минулого". Поки що добра-добра казка. Це, звісно, сюжет про її легендарну родину. Про видатних предків. Один із яких – великий український літератор XVIII ст. Василь Васильович Капніст. Це – її прадід, народжений у маєтку Обухівка Миргородського повіту Полтавської губернії. Знаменитий поет, драматург, громадський діяч, предводитель дворянства Миргородського повіту. Він автор популярної свого часу комедії "Ябеда", яка за сатиричною напругою ставилася в один ряд із "Ревізором" Гоголя. Він же – чудовий поет, що дружив з Державіним, що критикував Катерину II за політику кріпосництва.

В Обухівці сьогодні є пам'ятник Василеві Капністу. А пам'ятника його знаменитій правнучці поки що немає. Як немає й меморіальної дошки в Ки-

єві на вулиці Кавказькій, де вона доживала останні роки.

Сон про родичів – у постановці Ернста або Ряшина – може розтягнутися десь серій на три. Якщо копатимуть вглиб і вшир. По батьківській лінії згадають Стомателло Капніссоса – бойового грека, який боровся проти турецької неволі й отримав за це графський титул. По материнській лінії, якщо розбирати родовід, на арені історичних боїв з'явиться наш грізний отаман Іван Сірко. Диво-чоловік, якого боялися люди і вовки (згідно з переказами, з 55 битв він не програв жодної, завжди – на коні).

У титрах знаменитої кіноказки "Руслан і Людмила", де Марія Ростиславівна грає лиху чаклунку Наїну, актриса попросила написати своє прізвище через дефіс – "Сірко-Капніст". Це від них, від гордих предків, незламна сила її волі. Її збивають з ніг, а вона підводиться. Її спускають у бочці в безодню вугільних шахт, а вона виповзає назовні – жива! Майже 20 років її годують "баландою", а вона вже просто не відчуває ні смаку, ні запаху. Цілодобово в шахтах не бачить сонячного світла, однак продирає очі – а раптом…

Правда чи неправда, але ніби є легенда про родове прокляття Капніст. Якщо так, то казка справді страшна. Її батька, Ростислава Ростиславовича, який вірив у революційні міражі і багато в чому допомагав більшовикам (навіть газету "Іскра" підтримував), ці ж таки червоні гади й розстріляли. Сестра Ліза померла від розриву серця, не переживши батькової смерті. Тітку вбили. Брати втекли.

Але це вже епізоди в кримському Судаку, куди вони сховалися, виїхавши з Ленінграда, щоб "пересидіти" більшовицьке лихоліття.

Коли 1921-го до них усе-таки добрались і в Криму, матір Капніст та маленьку Марієтту (як її тоді називали) сховали в себе місцеві, а потім, перевдягнувши в татарський одяг, вивезли…

У 30-ті – "побудова нового суспільства" – вона не тільки захоплюється мистецтвом, а й нескінченно бігає по колу: Судак, Ленінград, Київ, Батумі. То ховається, то намагається щось наздогнати… Навряд чи навіть біографи достеменно вибудують хронологію її життя того періоду. Красуня й розумниця, елегантна й екстравагантна, природжена актриса вимушена підробляти бухгалтером. При цьому музикує. Не полишає надій займатися театром.

… Як вона потрапила в сталінську "м'ясорубку" – теж, взагалі-то, зрозуміло. Її засудили за "шпигунство на користь іноземних розвідок". І не довго думали, до чого причепитися. Звісно, дивний родовід. Граф'я, розумієш. До того ж мати вільно говорила вісьмома мовами, що викликало додаткові підозри. Сама Марія бравірувала театральним псевдонімом Марієтта, називала себе "італійкою". На той час – типова шпигунка, ворог народу, контрреволюціонерка. І ось за "це", за міражі минулого й фантазії сьогодення, – 8 років без права листування.

Далі, звісно, страшні сцени. "Їй обстригли дивні коси, вибили зуби – щоб не кусалася", – пише про старт її табірного періоду історик кіно Сергій Капков. Актриса Раїса Недашківська, що дружила з Капніст (вони познайомилися 1961-го на зйомках фільму "Дмитро Горицвіт"), розповідає, як знущалася з неї табірна сволота: кидали до кримінальників, насміхалися, били, топтали чобітьми. Тільки диво і обставини рятували її тоді від звірюг.

Після Карлагу її "перекидають" у Джезказган – ще одне пекло. У "великому світі" в ці сорокові фатальні гримить "велика війна", а в її внутрішньому світі поселяється маленьке пекло. В цьому чортовому Джезказгані багатьох каторжан, як худобу, з самого ранку кидають "на дно" – у вугільні шахти. І витягують звідти тільки вночі. Коли ніхто вже не відчуває ні рук, ні ніг. Вони напівмертві, вони – напівлюди. Але за "хорошу роботу" Марію Капніст призначають бригадиром шахтарів-каторжників…

Був на її табірному шляху (це ще одна серія) і лісоповал у Сибіру. В тих місцях вона народила любиму доньку Раду. Деякі біографи кажуть, що батьком став один із ув'язнених інженерів, інші впевнені, що цей чоловік причетний до знаменитого князівського роду…

Тут і починається справжня мелодрама, яка переходить у трагедію. Одного разу її рятують серед палаючого степу, рятівник закохується. Таємні пологи й пропозиція вийти заміж. Вона відмовляє рятівникові, бо віддана іншій людині, яка – на волі. Це її ангел-охоронець – Георгій Холодовський.

Цей чоловік невідомо як відстежував її табірний маршрут і надсилав у місця досить далекі цибулю, сухарі, фрукти. "Щороку на свій день народження, 22 березня, це жайворів день, вона отримувала з великої землі символічний подарунок – жайворонка, випеченого з тіста", – розповідає Раїса Недашківська… І ось 22 березня 2014-го, у день століття колеги й подруги, Недашківська знову роздає таких самих "жайворонків" друзям і знайомим біля Володимирського собору, де відбувається панахида за Марією Капніст – актрисою і великомученицею.

… Доньки-матері. У табірному "дитячому садку" її донечку регулярно б'є якась тварюка – вихователька-мучителька. Лупить і примовляє: "Я виб'ю з тебе дух ворога народу!" Дитина ридає. Мати підстерігає кривдницю і зганяє на ній увесь свій біль та образу. За це її – під замок і знову по етапу. Але мати хоче бути поруч із дитиною. І навмисне стрибає з якогось поверху, ламаючи собі ноги, щоб залишили в лікарні, щоб хоч здалеку спостерігати за донечкою… Яку потім віддають у дитбудинок. Мати – на межі божевілля.

Але знову якась сила волі, що буяє в генах її предків, примушує зосередитися і прийняти черговий удар долі. Вона вмовляє одну зі своїх табірних колег – Валюшу (яку ось-ось випустять на волю) розшукати дитину й доглянути за нею.

… Опісля ця драма розтягнеться на довгі роки. За словами Недашківської, Рада розривалася між Валею, до якої звикла, і незнайомою, страшною на вигляд жінкою, котра після таборів прийшла й назвалася "мамою"... Тільки час і випробування вилікували цю ниючу сімейну рану.

Ще 1953-го, коли помер Сталін, вона могла б бути на свободі, як і інші – раніше. Але знову невгамовний дух предків заграв у ній, і на табірній площі, при всіх, почувши звістку про кончину тирана, вона… пустилася в танок! То був вальс… Ніби на якомусь балу в дореволюційному Санкт-Петербурзі. Табірне начальство вирішило, що ця "зечка" – невиліковна божевільна. І приклеїло до її колишнього ярлика "ворога народу" додатковий. Тепер вона називалася "фашистка". І знову – неволя.

Лише через п'ять років Верховний суд скасує всі божевільні вироки у

"справі Капніст". І можна тільки припустити, що було в неї на душі в ті дні. (Я навіть не уявляю, хто і як цей стан може зіграти в байопіку.) Де донька? Де життя? Минуле і… майбутнє? Тоді вона не впізнає себе у дзеркалі, оскільки "ворогам народу" у таборах ніде було бачити своє відображення...

Віддзеркалення являє їй "іншу жінку". За паспортом 44. На вигляд 100. Вічна стара. Горьківська Ізергіль. Друзі й біографи часто переказують саме цей епізод її посттабірного життя. Коли вона летить назустріч зі своїм ангелом-охоронцем, тим самим Григорієм (який рятував її цибулею та сухарями). А далі уявіть – як у серіалі. Сцена на пероні. Вона виходить із вагона в моторошній куфайці, зі страшною "фактурою" обличчя, просякнутого за 20 років вугіллям, сльозами й жахами… А назустріч – прекрасний, інтелігентний коханий із букетом у руках… За дві хвилини, доки триває заціпеніння, впізнавши її, він же її "не впізнає". І минає зі словами: "А вас не зустріли? Ось і я не зустрів!"

Але треба було жити далі. Знову Київ, місто-герой. Якийсь старий під'їзд, де вона ночує, а днює – орудуючи мітлою. Ангели й демони в цей період, наприкінці 50-х, тимчасово оголошують перемир'я в її долі і посилають стару актрису на студію Довженка. Там вона тиняється по павільйонах. У пошуках втраченого привиддя.

І ось маленьке диво: режисер Юрій Лисенко кличе її на епізод – роль ігумені в картині "Таврія". Це 1958-й. А через два роки, запам'ятавши цю "фактуру", Віктор Івченко кличе її у свій трагічний фільм (який був проклятий Папою Римським) – "Іванна". І Капніст знову грає служку церкви – стару черницю. …Тільки старих вона й грала. Ніхто не пам'ятав її молодою. Ніхто ніколи "іншою" не міг її уявити. Вона й сама забула колишню "фактуру" свого дивного обличчя. Адже та фактура вже "відійшла".

Чудові режисери України запрошують її у свої фільми хоч на кілька секунд. Бо Капніст вносить у кожен кадр справжність й ірреальність. Тобто бувальщину й казку. Все як у її долі. Її незвичайна "фактура" промайнула у Параджанова в "Тінях забутих предків". В Іванова у фільмі "За двома зайцями". У Бориса Івченка в "Олесі" і "Пропала грамота". Талановитий білоруський режисер Микола Калінін чудово зняв її в екранізації повісті Анатолія Рибакова про юних піонерів – "Бронзовий птах". Вона грала Софію Павлівну, хранительку старовинного маєтку. Жінку-загадку, ніби експонат цього палацу-музею. Вона вселяє страх і трепет піонерам-героям, коли злий вітер шарпає її чорний одяг. Її профіль на екрані орлиний. А погляд – уїдливий і гордовитий, як і годиться жінці з минулим.

Недашківська згадує про постійні парадокси й метаморфози, що супроводжували Капніст уже в "мирний час". Скажімо, голос актриси зовсім не поєднувався з її іміджем та фактурою. Голос був дівочий – ніжний. Але коли вона повертала до співрозмовника своє обличчя – дехто міг відсахнутися. Так діяла "фактура".

Кажуть, після того, як вона "добре" пізнала людей у таборах, на волі дуже полюбила… квіти. Могла розмовляти з ними. І навіть із букетами, зі зрізаними бутонами знаходила якусь спільну мову, щось шепотіла їм, примовляла. Багато людей, особливо після специфічних казкових кіноролей, називали її "київською відьмою". Друзі бачили в ній тільки прекрасну фею… У цій жінці в дивному одіянні, з дивним обличчям, з трагічним минулим.

Доля на схилі віку привела її в Обухівку на Полтавщині, до могили великого предка Василя Капніста. У цих місцях успокоївся і її бунтівливий дух.

У жовтні 1993-го вона, ніби щось передчуваючи, попрощалася спочатку з київським Будинком кіно, потім – із довженківською студією, яка, бодай на схилі літ, повернула їй світло після табірного підземного пекла. Попрощавшись, пішла навпростець через проїзну частину Брест-Литовського проспекту… Через усі чотири смуги… Водій не зміг ухилитися від зіткнення…

Якось я запитав у Недашківської:

– Навіщо вона це зробила? Адже був підземний перехід?

– Марія Ростиславівна після таборів та шахт ніколи не їздила в ліфтах, не спускалася в метро, не користувалася підземними переходами. Вона боялася, що знову опиниться в пастці, у замкненому просторі, в полоні. І більше ніколи не вибереться з колишнього пекла...

Слова вдячності за допомогу в підготовці цього ретро-сюжету – актрисі Раїсі Недашківській, історикові кіно Сергію Капкову (книжка "Эти разные, разные лица"), актору Київської оперети Анатолію Підгорецькому.

Станіслав ЦАЛИК, письменник, краєзнавець

ІВАН КАВАЛЕРІДЗЕ – МИТЕЦЬ З НЕРАДЯНСЬКОЮ БІОГРАФІЄЮ

13 квітня 2017 ***bbc.com/ukrainian/blog-history-39589407***

2017 року відзначалося 130-річчя Івана Кавалерідзе (13 квітня 1887 р. – 3 грудня 1978 р.). Природа наділила його різноманітними талантами. Важко уявити, що всі вони належать одній людині: художник, скульптор, режисер, сценарист, драматург. А ще певний час вів наукову діяльність, працював у Академії архітектури. Мало хто з українських митців може похвалитися схожою "всеїдністю". Митець жив і творив у радянську добу, проте мав біографію, далеку від радянських канонів. Його життя – дивне сполучення творчих злетів і компрометуючих (з погляду влади) обставин.

"Мистець високої міри", але водночас "змарнований талант кіномистецтва і скульптури", – так згадував про нього відомий письменник Улас Самчук. Певний час вони товаришували.

Перша робота І. Кавалерідзе як скульптора – пам'ятник княгині Ользі в

Києві. Встановлений 1911 року, більшовики скинули в 1919-му (мовляв, не той персонаж, якого має шанувати пролетаріат), відновлений в 1996-му

Фільм "Прометей" (за мотивами творчості та біографії Тараса Шевченка) заборонили 1936-го. Кажуть, на вимогу Сталіна. Не сподобалося вождю, що на екрані росіяни програють війну на Кавказі. Неподобство! Після розгромної статті у головній партійній газеті "Правда", де режисеру закинули прославляння сепаратизму, йому заборонили ставити історичні картини.

Взагалі, зі своїм баченням Кобзаря митець не вписувався у прокрустове ложе комуністів. Пам'ятник Тарасові в Ромнах, споруджений 1918 року за часів УНР, демонтували більшовики у 1920-ті роки – як "петлюрівський". Пам'ятник у Сумах, поставлений за радянської влади 1926 року, простояв лише три десятиріччя. Його знищили начебто за особистою вказівкою Хрущова, якому не імпонував кубізм.

Спецслужби ставилися з підозрою до Кавалерідзе через його проживання в захопленому німцями Києві. У повоєнних радянських анкетах з'явилася спеціальна графа: "Чи перебували Ви на окупованих територіях?" Іван Петрович мусив писати: "Так", це автоматично робило його "неблагонадійним".

А він же ж не просто "перебував", але короткий час керував міським відділом культури і мистецтва. Намагався, користуючись посадою, оживити Київську кіностудію, яка після втечі червоних стояла мертво.

У ті дні Улас Самчук подарував йому другий том своєї трилогії "Волинь". Кавалерідзе прочитав і захопився. Хотів екранізувати на студії, яку сподівався відродити.

Із того задуму нічого не вийшло. Але якби вийшло, Іван Петрович мусив би невдовзі емігрувати. Й тоді не бачити Києву пам'ятника Григорію Сковороді на Контрактовій. І не лише його.

Мав молодшого брата Володимира. Той теж залишився в окупації, але в Житомирі. За німців очолював наукову установу, що досліджувала ґрунти. Через те змушений був тікати з України, опинився аж у Латинській Америці.

Родич за кордоном – теж "компрометуюча обставина". Радянська анкета передбачала запитання: "Чи маєте родичів за кордоном?" Ствердна відповідь – "чорна мітка".

Іван Петрович і радий би написати: "Не маю", проте Володимир періодично надсилав йому листи. Кажуть, митець їх не читав (принаймні розповідав усім, що принципово не відкриває конверти), але приховати наявність брата-емігранта не міг.

Зрештою, таких "чорних міток" Кавалерідзе мав багато.

На цьому тлі дивом виглядають його творчі здобутки.

Один із засновників українського авангарду в пластиці. Творець перших українських кіноопер ("Наталка Полтавка", 1936, "Запорожець за Дунаєм", 1937). Автор перших в Україні пам'ятників Тарасові Шевченку. Один із фундаторів українського історичного кіно.

На його творчому рахунку 10 фільмів, що їх поставив як режисер, та кількадесят відомих монументів у різних куточках України. У творчих колах Івана Петровича давно вважали класиком, проте держава не поспішала офіційно підтвердити його мистецький статус.

Звання народного артиста УРСР Кавалерідзе одержав 1969-го – йому на той час було 82 роки! Певно, почесне звання готували, як тоді було заведено, до 80-річного ювілею. Але документи щось дуже довго проходили інстанції "нагорі".

Меморіальна дошка Івану Кавалерідзе на будинку по Великій Васильківській 12-Б, де він жив у 1954-1978 роках. Відкрито 1987 року, скульпторка Л. Кулябко-Корецька, архітектор В. Гнєздилов

Його спогади, написані в 1970-ті роки, виявилися настільки "незручними", що побачили світ лише в часи перебудови – 1988-го. Їх опублікували

спадкоємці, бо самого мемуариста вже 10 років як не було на цьому світі. Щоправда, та єдина публікація відбулася зі значними скороченнями. Повністю спогади не видані й досі.

Гуляючи по сучасному Києву, скрізь зустрічаємо Кавалерідзе. На Михайлівській площі – його княгиня Ольга (відновлена). Біля Золотих воріт – Ярослав Мудрий. Ці монументи щільно обросли міським фольклором.

У Софійському монастирі – пам'ятний знак майстра першій київській бібліотеці. У Пасажі – меморіальна дошка Борисові Гмирі. За Куренівкою, на Біличому полі, є вулиця Кавалерідзе. А на Андріївському узвозі – меморіальна майстерня-музей.

Дивна річ: за життя митцеві не надто віддавали належне, проте після смерті лише в Києві урочисто відкрили аж дві меморіальні дошки. За радянських часів – на будинку, де він жив, на Великій Васильківській. У незалежній Україні – на Кіностудії ім. Довженка, де працював. З обох Іван Петрович, піднявши брови, здивовано розглядає нас, сучасних.

Юрій ШЛАПАК

ПРИЗНАЧЕНИЙ ЗЛЕТІТИ ВИЩЕ

Івана Кавалерідзе позбавили головного покликання митця

Тиждень № 16 (233) від 19 квітня 2012 ***tyzhden.ua/History/47989***

Проблема світогляду Івана Кавалерідзе крилась у замкненому колі відносин між творчою особистістю й тоталітарною системою

Іван Кавалерідзе народився 1887 року в сім’ї українки та нащадка грузинського князівського роду. У 1907–09-му навчався в Київському художньому училищі, 1909–10-го – в Петербурзькій академії мистецтв. У 1910–1911-му вдосконалював художню майстерність у приватній студії Наума Аронсона (Париж). У 1915–17 роках мобілізований до російської царської армії. 1918–28-го працював у відділі народної освіти в Ромнах. У 1928–33-му – режисер Одеської кінофабрики, в 1934–41-му – Київської кіностудії «Українфільм». У 1957–62-му – режисер Кіностудії імені Олександра Довженка. Помер у Києві 3 грудня 1978 року.

Іван Кавалерідзе мав довге й напрочуд плідне життя. За 70 років активної творчості він став автором близько 20 пам’ятників, сотні станкових робіт, зняв 10 кінофільмів, поставив 10 театральних п’єс, написав книжку спогадів, до того ж залишилися ще й десятки нереалізованих проектів.

Та митець був, очевидно, запрограмований природою на більше. Якби він, подібно до свого співучня й товариша Олександра Архипенка, переважну частину життя прожив за кордоном, то сягнув би, можливо, й вищих художніх злетів. Проблема його світогляду крилась у замкненому колі відносин між творчою особистістю й тоталітарною системою.

Від скульптури до кіно

На час приходу більшовиків до влади у 1917-му Кавалерідзе вже встиг

закінчити художнє училище в Києві, провчитися рік в Академії мистецтв у Петербурзі та півроку у приватній майстерні Наума Аронсона в Парижі – здобути скорочену, але все-таки європейську освіту. Ще перед Першою світовою війною його творчі задуми здобули високе визнання: 17 вересня 1911 року на Михайлівській площі в Києві було відкрито споруджену за проектом скульптора чотирифігурну композицію пам'ятника княгині Ользі, святому апостолу Андрієві Первозванному та рівноапостольним Кирилові й Мефодію. Потім була ще робота художника-гримера і скульптора на московській кінофабриці «Тіман і Рєйнґардт» (1911–1915) із Яковом Протазановим та Владіміром Ґардіним.

Періоди революції та НЕПу були особливо плідними у творчій біографії Кавалерідзе. За часів гетьманату Павла Скоропадського, 1918 року, в місті Ромнах на теперішній Сумщині за його проектом звели пам'ятник Великому Кобзареві. В радянських умовах митець намагався поєднати у своїй творчості національні мотиви з відвертою більшовицькою пропагандою. У 1920-х постали монументи мандрівному філософу Григорієві Сковороді в Лохвиці, більшовицькому лідерові Артему в Бахмуті й Слов'яногірську (ці два масштабно-помпезні пам'ятники, створені в конструктивістському стилі, контрастували з іншими витворами скульптора), Тарасові Шевченку в Полтаві й Сумах. Після цього настала перерва у реалізації скульптурних задумів, й митець переключився на кіно, вибухнувши фільмами «Злива» (1928, не зберігся), «Перекоп» (1930), «Штурмові ночі» (1931), «Коліївщина» (1933).

Усі пов'язані з творчістю справи, здавалося, йшли гладко. Аж ось побачила світ недоречна з погляду партії стрічка «Прометей» (1935). Вона зазнала несправедливої нищівної критики в редакційній статті газети «Правда» «Груба схема замість історичної правди», написаній за прямою вказівкою Іосіфа Сталіна. «Вождь усіх народів» із цього приводу цинічно заявив: «Нічого, цей міцний грузин критику витримає, ми ще побачимо його нові фільми, а допомогти йому потрібно». Статтю партійного органу чотири дні обговорювали в колі творчих працівників Київської кіностудії (нині імені Довженка). Це був початок кампанії боротьби з «антиісторизмом» робіт Івана Кавалерідзе. Йому заборонили працювати з молоддю й знімати фільми на теми минувшини, а саме вони були головним покликанням митця.

Час дав інші оцінки цьому екранному творові Кавалерідзе та його роботі в кінематографі загалом. 2002 року на стіні знімального павільйону Кіностудії імені Олександра Довженка було встановлено меморіальну дошку з написом: «Основоположник українського історичного кіно Іван Кавалерідзе працював тут у 1934–1941 та 1957–1961 рр.» (скульптор Ростислав Синько). А кінознавець Оксана Мусієнко у книжці «Українське кіно: тексти й контекст» (2009) зазначає: «Так було владою обрубано одну з найплодючіших гілок українського національного кінематографа. Повернення «Прометея» в контекст українського кіно 1930-х років рішуче змінює мистецький пейзаж не тільки кінематографа того періоду, а й вітчизняного кіно в цілому».

Відлучений від історичного екрана, Кавалерідзе створив перші українські кіноопери: «Наталка Полтавка» (1936) та «Запорожець за Дунаєм» (1937).

Напередодні Другої світової війни під тиском сталінського режиму мало

не з викрученими руками, під пильним оком НКВС Кавалерідзе ставить недолугу «оборонну» агітку «Стожари» з вельми малореальним сюжетом про українського тракториста Андрія, який вирішив замінити на Далекому Сході свого загиблого брата-прикордонника.

Цькований митець

Ймовірне повернення до улюбленої історичної теми могло відбутися 1941-го, коли Кавалерідзе з робочою групою вирушив у Карпати на зйомки фільму «Олекса Довбуш». Однак розпочалася війна, і дістатися назад до окупованого німцями Києва Іванові Петровичу вдалося лише восени. У роки окупації Кавалерідзе відмовився від співпраці з нацистами (хоча керував відділом культури Київської міської управи. – Ред.), допомагав виживати представникам місцевої інтелігенції, зокрема врятував кінооператора Володимира Войтенка, який пізніше, 1979 року, відзняв фільм Леоніда Бикова «В бій ідуть лише старі».

За німців з Іваном Кавалерідзе сталася досить цікава історія: одного разу до його помешкання завітав чоловік в есесівській уніформі й запропонував створити бюст Гітлера. Митець відповів йому, що ліпить лише з натури. Коли повернулася Червона армія, з'ясувалося, що то був перевдягнений радянський агент.

По закінченні війни влада не раз пригадувала художникові перебування під німецькою окупацією, а кіностудія виселила майстра зі службової квартири. Його прихистила театральна актриса Любов Гаккебуш у своєму помешканні на Великій Житомирській, 17.

Попри цькування, Іван Петрович і далі займався скульптурою. У кіно він повернувся через 20 років, щоб створити фільми «Григорій Скороворода» (1959) та «Повія» (1961) із Олександром Гаєм та Людмилою Гурченко в головних ролях відповідно. Стрічки схвально зустріли глядачі та преса, однак це вже не був той художник-новатор із скульптурно виразним баченням.

Після Сталіна до влади в СРСР прийшов Хрущов. Виступаючи перед письменниками та художниками 1962 року, він сказав: «Був такий скульптор Кавалерідзе, автор жахливих творів. Я маю на увазі його пам'ятник Артему в Бахмуті». Перший секретар ЦК КПРС висловився про живого скульптора як про мертвого та ще й дав «вичерпну» характеристику його доробку.

Кавалерідзе, який не любив виходити на трибуну й публічно сперечатися, до того ж із першою особою в державі, і далі тихо займався творчою роботою. Натомість кінознавець Нонна Капельгородська, яка була Іванові Петровичу мов донька, запропонувала надіслати телеграму до Москви, аби повідомити: «Живий, здоровий, працюю». По відповідь довелося митцю чимчикувати до Міністерства культури УРСР. Якийсь третьорозрядний чиновник пояснював: «Трапилася помилка, Микиту Сергійовича неправильно поінформували».

До кінця життя Кавалерідзе працював як скульптор, писав п'єси. У повоєнний період за його проектами було встановлено пам'ятники Богданові Хмельницькому в Чернігові (1956, спільно з Галиною Петрашевич), Петрові Запорожцю в Білій Церкві (1971), Григорію Сковороді в Києві (1977). Його

театральні п’єси «Перекоп», «Вотанів меч», «Перша борозна», «Григорій і Параскева» ставили в театрах Сум, Харкова, Тернополя, бо після війни існувала негласна заборона на театральну творчість Івана Кавалерідзе в Києві.

Кінорежисерські роботи Івана Кавалерідзе

«Злива», або «Кіно-офорти до історії Гайдамаччини» (1928). Німе кіно, зняте на Одеській кінофабриці, що не дійшло до нашого часу. За розповідями очевидців, це була спроба поєднати мистецтво скульптури з кінематографом. Фільм складався зі статичних композицій, які змінювали одна одну. Замисел художника був грандіозним: розповісти про історію України за останні 200 років. Режисер використав узагальнено-метафоричний підхід до зображення подій.

«Перекоп» («Пісня про Перекоп») (1930). Німий революційний епос, знятий Кавалерідзе до 10-річчя перемоги більшовиків над Добровольчою армією Вранґеля в Криму. В ньому автор відходить від винайденого ним кіноскульптурного синтезу і вдається до жанру кіноепосу, в якому сягає ве-

ликих історіософських узагальнень.

«Штурмові ночі» (1931). Німа стрічка про «соціалістичне будівництво» 1920-х – початку 1930-х років, зведення двох промислових гігантів першої п'ятирічки: Дніпровської ГЕС та Харківського тракторного заводу, зроблена в жанрі кіноепопеї.

«Коліївщина» (1933). Перший звуковий фільм Кавалерідзе, сценарій якого йому довелося переробляти 17 разів під тиском партійного керівництва. Чудово зняту історико-революційну драму з унікальною символічною мовою, побудовану за принципом асоціативного монтажу, спочатку захоплено прийняли й назвали «потрібною» народові, але вже невдовзі розкритикували за «формалізм і натуралізм». У фільмі несподіваним чином потрактовано роль українських національних героїв періоду Коліївщини: козак Семен Неживий повертається в рідне село, злиденне й зруйноване. Не здатний миритися з панським визиском, він підбурює бідняків на повстання, яке представники козацької старшини Максим Залізняк та Іван Гонта використовують у власних цілях, зраджуючи народні ідеали. Стрічка принесла Кавалерідзе славу великого режисера. Це був перший фільм із задуманої трилогії, що мала охопити події історії України від середини XVIII до перших десятиліть XX століття. Якби не численні переробки на вимогу цензорів, «Коліївщина» могла стати першою в СРСР звуковою кінострічкою.

«Прометей» (1935). Один із центральних фільмів українського кінематографа 1930-х років, розкритикований як «буржуазно-націоналістичний» і заборонений особисто Сталіним. У «Прометеї» Кавалерідзе виклав історію власного роду. Селянського хлопця Івася примусово мобілізовано на Кавказ. Його дівчину пан відправляє в бордель. Захоплений героїчним опором горян регулярній російській армії, Івась, повернувшись до рідного села, піднімає селянське повстання. Фільм, відзнятий з епічним розмахом легендарним оператором Миколою Топчієм, пролежав цілі десятиліття «на полиці».

«Наталка Полтавка» (1936). Перша стрічка жанру кінооопери за однойменним музичним твором Миколи Лисенка. У зйомках були задіяні відомі українські театральні актори, які виконували партії власними голосами. Фільм було створено на замовлення партії, яка прагнула виступити монополістом національної класичної оперної спадщини: українські емігранти США почали знімати свою версію «Наталки Полтавки» роком раніше, й завданням Кавалерідзе було створити свою версію в рекордні терміни. Саме тому прем'єра «Наталки Полтавки» відбулась у Нью-Йорку в 1936 році.

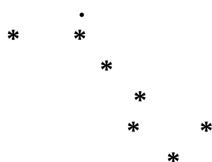
«Григорій Сковорода» (1959). Біографія українського Сократа Григорія Сковороди, улюбленця єлізаветинського імператорського двору, співака придворної капели, який, відмовившись від розкошів барокових палаців, обрав долю мандрівного мудреця. Знятий у шикарних петербузьких інтер'єрах та серед соковитих київських пейзажів, фільм відтворює історичну канву золотої епохи української культури – бароко.

«Повія» (1961). Психологічна драма на основі однойменного роману Панаса Мирного, в якій одну з перших своїх помітних ролей зіграла молода Людмила Гурченко. Селянка Христя потрапляє в найми до пана і стає свідком убивства ним власної дружини. Несправедливо звинувачену в злочині

дівчину ув'язнюють. Звільнившись, вона стає танцівницею в міському кафешантані. Перетворення бідної селянки на світську левицю не приносить їй щастя. Розчарована в міському житті, Христя вирішує повернутись на село, яке уособлює в її пам'яті ідилію дитинства. Та доля склалася інакше.

ЗМІСТ

50 грн.



http://1000years.uazone.net
1000-ліття української культури

Площа Калініна, нині Майдан Незалежності,
фото близько 1940 року